

Отчуждение

Двадцать один день в темноте и в чужой жестокой власти. Даже после освобождения и смерти своего мучителя, Бет так и не увидела Его лица, и Его образ продолжает преследовать ее пугающе безликим. Поначалу она со страхом гонит его прочь, но однажды все же решается принять Его обманчивую помощь.

Детство Алекса не было счастливым, и он не может простить никого из своих обидчиков. Тягостные воспоминания со временем мучают его только сильнее и постепенно трансформируются в кровожадное чудовище, растущее у него внутри, как паразит.

Призраки прошлого отравляют настоящее и уродуют будущее. Справиться с ними можно разными путями. Каждый выбирает свой, но однажды эти пути пересекутся.

Глава 1

Да куда угодно! Хоть к черту на рога!

Миллиард огней на встречу, а моя сторона пуста. Все возвращаются домой, а я один гоню прочь.

И это неизменно — мое одиночество, хотя однажды показалось, что ему конец. Тогда я встретил Софию — мое сокровище, мою единственную любовь, мою жену. Но я ошибался, теперь мне ясно это как день.

Я тупо гоню и гоню вперед, пока не осознаю, наконец, что ехать мне некуда. Я вынужден вернуться назад.

И это самая большая ошибка в моей жизни.

Этой ночью любимый кот опять спал у меня практически на голове. За то время, что меня не было, он пристрастился проводить ночь на моей подушке, и теперь мы никак не можем поделить ее между собой. В первое время я сразу же просыпалась, почувствовав его теплый пушистый бок у своей щеки, но теперь обнаруживаю его только утром. Проснувшись, я резко поднимаюсь на постели — это будит Микки, он садится на подушке и изучающе долго смотрит на меня своими круглыми зелеными глазами. Но первое что вижу я, открыв глаза, это небольшой плакат на стене. “Все хорошо”, - написано на нем крупными разноцветными буквами. Надпись украшена веселыми рожицами и схематическими птичками. Веселый плакат, жизнерадостный. Я нарисовала его и прикрепила к стене так, чтобы сразу увидеть, когда проснусь. Проснусь в очередном приступе паники. Словно маленькая бомбочка взрывается внутри меня на уровне солнечного сплетения. Бомбочка с ядом, который тут же разносится по всему телу. Но, увидев плакат, понимаю — я больше не у Него, я у себя дома. Все же встаю, смотрю в тревожные глаза Микки и обхожу квартиру. Убеждаюсь, что дома никого нет. И ничего непривычного не появилось. Проверяю замки на двери, а потом некоторое время смотрю в окно, приподняв занавеску. Это меня окончательно успокаивает и можно жить дальше. Вот такой у меня теперь утренний ритуал.

Сегодня особый день — понедельник. На сегодня я запланировала начать снова нормально функционировать: снова начать общаться с людьми, ходить на учебу, разбираться с морем проблем, в котором я плаваю, кажется, всю свою сознательную жизнь. Последние две недели я провела в каком-то забытьи, и, кажется, так ни разу и не вышла из квартиры. Но мир все это время продолжал крутиться и без моего участия. Давно пора уже брать себя в руки и пытаться снова запрыгнуть на эту бешеную карусель. И не имеет значения, что мне вовсе не хочется это делать. Альтернатива гораздо хуже, она неприемлема.

Я варю себе кофе. Нет ни сахара, ни молока. Еды нет тем более. Только остатки кошачьего корма в большом пакете.

Еле слышно жужжа, из кладовки степенно выезжает кухонный робот и едет кормить кота. Втроем: робот, Микки и фикус на подоконнике, могут прожить несколько месяцев без малейшего участия с моей стороны. Так что три недели моего отсутствия они и не заметили.

Ан нет, почти четыре недели. Еще пять дней я провела в больнице.

Пропускаю робота, который собрался пылесосить, и иду к шкафу. Быстро надеваю джинсы — их нужно прикрепить к себе ремнем, а в ремне провертеть еще одну дырку. Вот

так. Теперь ремень оборачивается вокруг меня два раза, а джинсы висят словно чужие, но это ничего. Наверх одеваю водолазку с высоким горлом и свободную рубашку. Теперь чувствую себя вполне одетой.

Раздается дверной звонок, и я подскакиваю на месте. Сердце бешено бьется, в глазах потемнело. Еле-еле добираюсь до двери и дрожащей рукой включаю дисплей домофона. На весь экран улыбающаяся физиономия моей сестры. Впускаю Джил в подъезд и стекаю по стене на пол. Как же мне так дальше жить?! Как?!

Пока Джилли поднимается на лифте, спешно перевожу себя обратно из желеобразного в твердое антропоморфное состояние. Не хочу ее пугать, пусть думает, что у меня все хорошо, как на плакате.

Открываю дверь, только когда вижу, как Джилли выходит из лифта на площадку. Первым в квартиру въезжает ее большой чемодан в легкомысленных сердечках. Мне почему-то хочется со всей силы ударить по нему ногой. Следом врывается сестренка и сразу же бросается меня обнимать. Обнимаю ее в ответ, мы давно не виделись, но отстраняюсь как можно быстрее. Джилли что-то ласково лепечет, оглядывается, пытается погладить кота, который подошел нас проконтролировать. Микки презрительно уворачивается, но и не огрызается, и на том спасибо. Джилли вскакивает с корточек: юная, веселая, красивая. Темно-зеленое твидовое пальто расстегнуто, яркий шарфик развязан и свисает чуть ли не до земли. Длинные светлые волосы заплетены в две художественно-небрежные косы. Лукавые карие глаза сияют из-под косой челки. Я рядом с ней старая страшная лохудра. Но я не хочу сейчас выглядеть привлекательно, не хочу и все.

— Зачем ты приехала? — резко спрашиваю ее. Эх, надо было сформулировать как-то иначе. Получилось так, будто бы я не рада ее видеть. Это неправда. Я ужасно скучаю и по ней, и по отцу. Они живут в небольшом областном городке, добираться туда часа три. Но с учебой и работой мне сложно себе это позволить. Джилли же сидит с отцом, он почти полностью парализован, ему нужен постоянный уход. В этом году сестренка будет поступать в тот же университет, где учусь я. Мы договорились, что обе будем работать и вскладчину оплачивать отцу сиделку. Однако она должна была приехать..., пытаюсь вспомнить сегодняшнее число, но не могу. Должно быть, еще месяца через два, почему же она приехала сейчас?

— Я приехала поддержать тебя! — объясняет Джилли таким тоном, будто это очевидно. Очень мило, вот только поддержка мне нужна была две недели назад, когда я вышла из больницы. А сейчас я в норме.

— А кто остался с отцом? — недоумеваю я.

— Роза согласилась поухаживать за ним, пока мы не найдем постоянную сиделку, — успокаивает меня сестра. Розой зовут нашу тамошнюю соседку по площадке. — Я перевела ей все, что осталось с тех денег, что ты нам посылала. Мы с ней посчитали — по крайней мере, месяц можно ни о чем не беспокоиться. Ну а к тому времени мы с тобой все решим, правда? Папа просил передать, что любит тебя! — заканчивает Джил на радостной ноте.

— Ну что ж, устраивайся, — киваю я, так и не поняв, почему она приехала так рано. Квартирка у меня небольшая — маленькая спальня и общая комната, где у меня и кухня, и гостиная, и все на свете. Джилли придется спать на диване, а место в стенном шкафу для ее одежды я ей, конечно же, еще не освободила. Но с этим она и сама справится. Она бы и так выкинула все, что посчитала ненужным. В детстве мы сильно ругались, потому что все мои вещи она считала общими, и разубедить ее было невозможно.

Немного поколебавшись, все же отваживаюсь оставить сестренку и поехать в университет, как и собиралась с утра. Надеюсь, они с Микки не подерутся. Как в прошлый ее приезд, когда, вернувшись с учебы, я обнаружила жуткие кровавые следы на полу и закатившегося под стол кухонного робота. По-видимому, он несколько часов тщетно пытался подняться, все время стучался о столешницу и так и разрядился, не сумев добраться до розетки. Все-таки он у меня дешевенькой старой модели и на сопротивление урагану “Джиллиан” не рассчитан.

Подхватив рюкзак, выхожу на улицу, и здесь мной завладевает странное чувство. Смотрю на проходящих мимо людей и не могу двинуться с места. Мне кажется, что все вокруг враги, они опасны для меня, хотя одновременно и понимаю, что никому нет до меня никакого дела. Хочу оказаться в какой-нибудь пустыне, где никого нет.

До университета добираюсь кое-как, словно по минному полю. Перед главным зданием небольшой парк. Ребята стоят небольшими группами: курят, болтают, смеются. Сжимаю волю в кулак, прохожу мимо и поднимаюсь по ступеням. Сама не понимаю, почему все так сложно для меня. Мне физически плохо. Вхожу в здание, оно гудит как гигантский рой. Трудно дышать, стены надвигаются на меня, толпа надвигается, пол чуть не уходит из-под ног. Хорошо, что мне не надо вспоминать, куда идти. Я уже несколько раз прокрутила маршрут в голове еще до выхода на улицу. Иду затверженным путем, вцепившись обеими руками в лямки рюкзака так, что пальцам больно. В конце коридора вижу своих знакомых. Останавливаюсь, чтобы перевести дух, и подхожу к ним. Одна из девушек оборачивается.

— Бетания! — восклицает она радостно, и все поворачиваются ко мне.

— Как давно тебя не было! Что случилось? — спрашивает кто-то. Меня тут же окружают.

— Ты совсем на себя не похожа! — Кто-то дружелюбно дотрагивается до моего плеча.

Внутри меня взрывается очередная бомбочка. Они стоят слишком близко, мне снова нечем дышать, кружится голова, ноги подкашивается — я понимаю, что вот-вот упаду в обморок.

Я извиняюсь и бегу в туалет. Немного холодной воды в лицо возвращает меня в реальность. Я снова почти в норме, но дрожу как осиновый лист. Так и стою, опершись о раковину и глядя на свое замученное отражение в зеркале, наверное, с полчаса. Лекция уже давно началась.

Теперь в коридорах пусто. В парке тоже никого. Обычно здесь кто-нибудь обязательно сидит, доделывая какое-нибудь срочное задание, но сейчас накрапывает дождик, да и довольно прохладно. Для меня самое то. Лучше думать о насущных проблемах, чем продолжать мучиться теми, что давно в прошлом.

Прячусь под деревом. Здесь и дождусь следующего занятия. Криминалистическая психология раньше была моим любимым предметом. Лекции у нас читает не кто-нибудь, а руководитель одной из групп отдела, занимающихся поиском серийных убийц — Кай Леон. Он похож на тигра в деловом костюме. Безукоризнен во всем. Строг, компетентен и безжалостен. Иногда кажется, что все девушки, записавшиеся на его курс, сделали это лишь для того, чтобы иметь возможность дважды в неделю по два часа млеть от любви, глядя на него за лекторским столом. А парни, чтобы перенять его манеру держаться.

Но это, конечно, кроме того, что сам предмет очень интересен. Раньше он был моим любимым. Странно было бы идти на него теперь, после того, что случилось? Или наоборот полезно? Посмотреть на это отвлеченно, как исследователь? Перестать, наконец, быть

жертвой, а начать рассматривать себя как участника событий?

Хорошая мысль. Ободряющая.

Манжетный компьютер подает сигнал. Я поворачиваю запястье и смотрю на дисплей — звонит Мел.

У Мел превосходная интуиция. Всякий раз, когда я начинаю каким-либо образом выползть из своего личного эмоционального ада, она звонит мне и ввергает меня обратно в пучину огненную. Конечно, нехорошо так говорить, и я каждый раз тщательнейшим образом давлю раздражение, прежде чем ответить ей.

Надеваю гарнитуру.

— Доброе утро, Мелодия.

Полтора месяца назад мы были с ней не знакомы, хотя и учимся в одном университете. Мы посещаем разные занятия, у нас разные интересы и взгляды на жизнь. У нас общее только одно.

— Ты пошла в универ, как собиралась? — спрашивает Мел.

— Да, — отвечаю, не уточняя, что сижу не на лекции, а под деревом. Впрочем, она сама могла бы догадаться. Занятия разные, но начинаются-то они в одно и то же время.

— Ты такая сильная, — говорит она, и это можно воспринять как упрек.

Я молчу. Не знаю, что еще сказать. За прошедшие две недели я утешала и увещевала ее по-всякому. Но я не психолог. И у меня нет сил.

— Я тоже попыталась это сделать, — шепчет Мел. — Но когда я выходила, в подъезд кто-то вошел, и мне показалось, что это Он. Я бежала по лестнице, не останавливаясь, до десятого этажа.

— Он умер, — говорю я.

— Я знаю.

Я понимаю, что она чувствует. Я тоже вижу Его в каждом мужчине, который попадаетея мне на глаза. Он следует за мной повсюду. Живет в моих снах и просыпается вместе со мной. Я знаю, что Его больше нет, но этого не достаточно. Он умер, но Его не убить. Возможно, мне удастся Его пережить, и Он не будет мучить меня всю жизнь. Но я не уверена — об этом я не буду говорить Мел.

— Я знаю, что ты чувствуешь. Мне было очень трудно добраться до универа, но теперь я здесь, и мне стало легче. — Я четко выговариваю слова, мне кажется, она не всегда меня слушает, глубоко погружаясь в воспоминания.

— Легче? — цепляется она за последнее слово. — Я попробую еще раз, — решает она и молчит. Слышу только ее дыхание. — Вчера я наблюдала за парочкой на лавке во дворе, — вдруг начинает Мел. — Они целовались, смеялись. Тебе не странно смотреть на счастливых людей, Бет? На нормальных людей. Он тоже казался нормальным. Ты никогда не думала, что нормальных людей нет совсем? Все только претворяются нормальными, скрывая свои грязные мысли до удобного случая.

Мне становится страшно. Ее слова впечатываются в мое сознание. Бум, бум. Но ладно, я ведь знаю, что это не правда.

— У всех бывают плохие мысли, — быстро говорю я. — Но они завладевают только больными, слабыми людьми. И тогда они совершают плохие поступки. Но это редкость, нам просто не повезло, Мел.

Поднимаю глаза и вижу, как через парк к зданию университета идет Кай Леон. Стремительной походкой он достигает ступеней, еще пару секунд и скрывается за дверью.

Не знаю, чего я перепугалась, но я, похоже, забыла дышать и слушать Мел.

— Хорошо, что нас двое, — вдруг говорит она. — Только мы можем понять друг друга, мы одни.

Мне пора подниматься и идти на занятия, но ее последняя фраза продолжает звенеть у меня в голове. Я представляю себя на необитаемом острове, и со мною рядом только Мелодия. А у нас с ней общее только одно — Ему понравились наши имена.

Пока что коридоры пусты, все на занятиях, и я прохожу спокойно до самой аудитории. У меня остается еще несколько минут для того, чтобы придумать, что сказать сокурсникам. Куда я пропала? Почему меня не было больше месяца? Не хочу, чтобы кто-нибудь из них узнал правду.

В больнице со мной разговаривал психолог. Она убеждала меня, что случившееся — не моя вина. Я попросила ее уйти.

Мне было невыносимо, что эта женщина смотрит на меня и при этом знает в деталях все, что Он делал со мной. И еще множество людей знает. Все это записано и хранится где-то в файле. Люди, которых я не знаю, открывали его или откроют в будущем и узнают обо мне все. Это не несчастье, которое можно забыть, оставить в прошлом. Это позор на всю жизнь.

И что, если мои знакомые узнают о нем? Не противно ли им будет смотреть на меня?

Время занятий закончилось, студенты высыпают из аудиторий в коридор. Никогда раньше не замечала, что их здесь так много.

Через минуту я вновь оказываюсь в окружение своих знакомых.

— Что с тобой стряслось? — снова слышу я тот же вопрос.

Что сказать? Что я ездила к отцу или попала в аварию?

— Я поехала домой к отцу и попала в аварию, — говорю я. Все охают, сочувствуют. Вот почему я так похудела. Да, вот поэтому.

— Зря ты так коротко постриглась, — говорит вдруг одна из сокурсниц, Инга. — Сейчас снова в моду вошли длинные волосы. — И эффектно встряхивает своими золотистыми, тщательно накрученными кудрями.

Месяц назад у меня были длинные пепельные волосы, но в Его фантазиях у меня была короткая стрижка, и Он их отрезал. Ни про какую моду Он не задумывался.

— У меня всегда были длинные, вот, решила попробовать что-то новое, — пожимаю плечами.

— Слушай, раз ты так долго была в отъезде, ты, наверняка, не знаешь, какой ужас у нас тут случился, — спохватывается Инга.

Даже не представляю. Может быть, она ноготь сломала? — усмехаюсь про себя. Мне всегда было страшно смотреть на ее маникюр. Как у гламурной гарпии.

— Несколько недель назад были похищены две студентки. — Начала рассказывать Инга. — Им повезло, обеих нашли живыми, а похитителя застрелили при аресте. Но пишут, что этот человек был серийным убийцей, и что на его счету к тому времени было не менее пятнадцати жертв. Трупы он расчленял и раскидывал по помойкам.

Стараюсь отключиться и не слышать, что она говорит. Я знаю, этим двум студенткам очень повезло — никого из своих предыдущих жертв Он не держал при себе так долго.

— Представляешь, может быть, они даже учились в нашем универе, — заканчивает свой

рассказ Инга.

Смотрю на нее с ужасом, неужели она догадалась? Но нет, ей уже явно владеет другая мысль.

— Хочу попросить нашего преподавателя разобрать этот случай на занятии, — делится с нами Инга. Все согласно кивают. — Хотя и не его группа занималась этим делом, но он наверняка расскажет нам больше, чем написали в газетах. А для нас это будет крайне поучительно, правда, девчата?

Хорошо, что все смотрят на Ингу. Я стою и умираю.

— Но конечно не сегодня, сегодня ведь итоговый тест.

Вот так, удар за ударом. Уже итоговый тест, так рано. Сколько занятий я пропустила? С перепуга не могу посчитать. Если я завалю тест, мой любимый предмет пойдет в табель с низкой оценкой. Снова записаться на курс? С моей крайне неясной финансовой ситуацией в ближайшем будущем?

— Ты ведь занималась, пока лежала в больнице? — интересуется Инга сочувственно. — До сих пор у тебя были хорошие шансы на стажировку. Остался последний рывок.

Она имеет в виду, что наш преподаватель, Кай Леон, по совместительству начальник группы поиска серийный убийц, обещал взять двоих своих лучших студентов к себе на стажировку на все лето. Но тому, кто месяц не ходил на занятия и, соответственно, завалил последний тест, можно об этом забыть.

Уж не говоря о том, что я не пойду и на следующее занятие, где Кай Леон, возможно, расскажет о Нем всей аудитории.

Клянусь Инге, что весь прошедший месяц только и делала, что готовилась к тесту.

— Так схлестнемся же в поединке! — шутливо восклицает Инга. У нее тоже отличные баллы за предыдущие тесты и наверняка стопроцентная посещаемость. Кроме того, ее сложно не запомнить, и это тоже плюс.

Поток моих сокурсников затекает в аудиторию. А мне нужна пара секунд, чтобы тронуться с места. Чувствую себя как выжатый лимон. Не могу даже продолжать бояться, сил нет.

Захожу в аудиторию последней. Инга уже стоит рядом с преподавателем и пытается уговорить его разобрать на следующем занятии случай со студентками. Я как раз прохожу мимо и слышу, как Кай Леон отказывает ей.

— Мы рассмотрим его с теми, кто попадет ко мне на стажировку, — обещает он.

Это хорошо. Кто-то из моих сокурсников все равно все узнает, но это будет хотя бы не сейчас.

На первых рядах еще есть места, но я поднимаюсь выше — просто знаю, что будет трудно, если кто-то окажется позади или рядом со мной. А так я всех вижу и ощущаю себя почти комфортно.

Перед тестом полагается отключать все средства связи, но я не решаюсь выключить свой компьютер совсем из боязни, что позвонит Мел. В прошлый раз, когда я отключила его, она вскрыла себе вены. Или лишь сказала мне позже, что сделала это. Так или иначе, я боюсь расстроить ее. С этой болезненной зависимостью надо что-то делать, но не сейчас. Сейчас я просто отключаю звук.

Наконец все расселись. Аудитория замирает в ожидании. Кай Леон строго смотрит на нас.

— Все готовы? Начали, — командует он и садится за преподавательский стол.

На лежащий передо мной планшет загружается задание. Я бегло просматриваю вопросы — все не так уж и плохо. Я многое знаю, а где не знаю, попробую применить логику и личный, чтоб его, опыт.

С головой погружаюсь в вопросы, и все вроде бы идет хорошо, но тут на манжете вспыхивает экран — опять звонит Мелодия. Как бы невзначай поднимаю голову. Кай Леон что-то читает на своем планшете.

“У меня тест”, - быстро печатаю и отправляю сообщение Мел. Это лучше, чем не ответить совсем. Пытаюсь снова заняться вопросами.

Экран на манжете вспыхивает. Покрываюсь холодным потом — панически боюсь, что меня поймают, и Кай решит, что я списываю, но проигнорировать Мел не могу.

“Я добралась до универа. Друг взял меня за руку, и я его ударила! Мне нисколько не легче!” — гласило сообщение.

У меня начинает раскалываться голова. Лихорадочно соображаю, что ей ответить поскорей и заняться уже делом.

“Ты постепенно избавишься от такой реакции”, - пишу я, — “все будет хорошо”, - добавляю на всякий случай и пытаюсь сосредоточиться на тесте. Мысли скачут. Несколько раз читаю одну и ту же фразу и не понимаю ни слова.

Ну хватит. Выкидываю все из головы, сосредотачиваюсь. Заполняю еще часть теста. Загорается экран на манжете.

“Я на крыше. Помоги мне”, - читаю.

Я абсолютно уверена, что Мел не спрыгнет с крыши, если я не приду. Было бы даже малодушно все бросить и бежать к ней. Однако мой организм не согласен со мной, у него начинается паника.

Очевидно, Мел использует меня, но это не значит, что ей действительно не нужна помощь. Наверное, все же придется обратиться к психологу. И боюсь, заняться этим придется прямо сейчас.

Приняв решение, я быстро заполняю оставшуюся часть теста набум, отправляю решение на преподавательский компьютер и тяну руку.

Кай Леон смотрит на меня с неудовольствием. Кажется, он уже некоторое время наблюдал за мной. Пусть так.

— Я закончила, можно мне уйти? — спрашиваю я.

— Как хотите, — мрачно отвечает преподаватель.

Я хватаю рюкзак и выхожу из аудитории. Чувствую, как двадцать пар глаз провожают меня недоуменным взглядом.

Закрывая за собой дверь аудитории, я словно окончательно отказываюсь от прежней жизни, с ее мечтами и планами. Отказываюсь от своего прежнего окружения — эти люди скоро узнают мою постыдную тайну, и я больше не смогу смотреть им в глаза. Теперь я на необитаемом острове и со мной только Мел. И надеюсь, она еще не сдалась и не спрыгнула.

Мел необязательно прыгать. Она стоит на ограждении, держась за стену одной рукой, и смотрит вниз. Очень опасно. Я даже боюсь подойти к ней или окликнуть — вдруг от неожиданности она потеряет равновесие и свалится вниз.

Она оборачивается и видит меня. При этом покачивается и чуть не падает. Бегу к ней и хватаю за свободную руку.

Она похожа на привидение. В лице ни кровинки, глаза очень светлые, почти

прозрачные, светло-русые волосы грубо острижены. На ней свободная голубая ветровка, застегнутая по горло.

— Давай прыгнем вместе, я боюсь одна, — предлагает Мелодия слабым голосом. Такое чувство, что она в каком-то трансе.

— Твои родители этого не переживут, Мел, — я держу ее, хотя понимаю, что толку от этого чуть. Если она начнет падать, я ничего не смогу с этим поделать.

— И хорошо, мы вместе окажемся на небесах, — ничуть не огорчается она и смотрит куда-то вперед, а может и в себя.

— Падают вообще-то вниз, а не вверх, — информирую я ее грубо.

Некоторые время мы просто стоим и обмениваемся вялыми фразами, но тут, очевидно, заканчивается время занятий, и я вижу, как внизу появляются первые студенты. Если сейчас кто-нибудь из них взглянет вверх, то увидит всю эту некрасивую сцену.

— Мел, ты помнишь, что мы чувствовали тогда? — хватаюсь я за последнюю соломинку. — Эти долгие дни в подвале? Мы хотели выжить, Мел, просто выжить, помнишь? Обнять наших родных людей, увидеть солнце... Нам так мало было нужно тогда, а надежды на это было еще меньше, помнишь? Но нам повезло, мы выжили, выбрались на свободу! Почему ты сейчас хочешь от всего отказаться, Мел?

— Я не хочу, но я так устала, Бэт, мне так плохо, — Мел начинает плакать. Я чувствую, что она дает слабинку, и быстро стаскиваю ее с ограждения. Она не сопротивляется.

Я, грешным делом, думаю, что все закончилось, но мы с Мел не успеваем спуститься с крыши. Дорогу нам преграждает свирепая женщина в строгом брючном костюме со старомодной брошью в виде бульдога. За ее спиной скромно маячат два широкоплечих охранника.

— Что вы обе здесь делаете?! — верещит она. — Кто вам разрешил приходить на занятия?!

Я помню эту женщину, хотя не помню, какую именно должность она занимает в университете. Так или иначе, она знает о нашей...истории. За время, прошедшее с нашего освобождения, она звонила мне два раза и была гораздо более любезна. Расспрашивала о моем самочувствии, рекомендовала мне оставаться дома или даже поехать к родным, посещать психотерапевта. Убеждала, что с моими пропусками занятий проблем не будет. Я тогда не поняла, что таким образом она запрещает мне приходить в универ.

— Вы что не понимаете, что своим поведением вы представляете опасность для других учащихся?! — продолжает она нас отчитывать. — Если не сможете удавиться, топиться в ванной в своей квартире! Нам здесь трупы не нужны! Здесь дети учатся, у них будет травма на всю жизнь!

Охранники смотрят в сторону и делают вид, что их тут нет. Я тащу Мел прочь, огибая страшную женщину.

— Чтоб я вас больше здесь до осени не видела! Еще раз замечу, отчислю немедленно! — кричит она нам вслед.

Из дневника убийцы

Воскресное утро. Когда я просыпаюсь в первый раз, еще очень рано, но бесшабашное весеннее солнце уже успело заглянуть к нам в окно и озарить всю комнату сквозь легкие как тень прозрачные занавески. Оно явно намеревается разбудить нас. Но жена спит,

отвернувшись от меня и положив руку поверх одеяла. Я поворачиваюсь на другой бок и снова закрываю глаза. Сегодня нам предстоят обычные домашние дела, и так уж спешить начинать этот день не имеет никакого смысла.

Я собираюсь еще немного приятно подремать, но вместо этого проваливаюсь в сон — кошмар, который мучил меня, кажется, с самого детства.

Я — снова маленький мальчик — стою посреди своей старой комнаты, в полутьме, и умираю от ужаса. Мне нужно скорее убрать комнату, положить на место какие-то вещи, пока Она не вернулась. Но я не могу ничего сделать, потому что у меня нет рук. Я мечусь по комнате, но ничего не могу ни взять, ни открыть. Вокруг почему-то расставлены куклы — в моей комнате их никогда не было, должно быть, они пришли из спальни сестры. Они все молча следят за мной своими мертвыми неподвижными глазами. Под их тяжелыми взглядами я пытаюсь выдвинуть ящик комода, но у меня ничего не получается. Вдруг распахивается дверь и появляется Она. Я знаю, что это моя тетка, хотя вижу только темный угрожающий силуэт. Она упрекает меня, что я не сделал того, что она мне велела. Пытаюсь оправдаться, но она не слушает меня. Верхний ящик комода открывается, и я вижу в нем свои руки, аккуратно сложенные. — А это что? — гневно спрашивает Она. И тут я понимаю, что это на самом деле не тетка, а моя жена София.

В этот момент я, наконец, просыпаюсь. Некоторое время просто лежу, уткнувшись взглядом в потолок. Не могу понять, что произошло. До сих пор этот повторяющийся сон возрождает во мне только детские страхи, воспоминания о чувстве никчемности и стыда, которое я в детстве, должно быть, испытывал постоянно. До сих пор я всегда просыпался измученным и растерянным. Но теперь что-то изменилось. Образ мучителя из моего сна всегда ассоциировался в моей голове с теткой по отцу, которая вырастила нас с сестрой, после смерти родителей. Со мной она всегда была строгой и требовательной, руководила каждым шагом и чуть что пускалась в крик. Она могла придаться к чему угодно и начать ругать и всячески поносить меня даже на людях. Ее знакомые просто замолкали на это время, а потом как ни в чем ни бывало продолжали беседу. Они все считали ее доброй и сильной женщиной, взявшей на себя заботу о двух сиротах. Мне же она виделась монстром, поедаящим мою душу. В двенадцать лет она устроила меня в школу-интернат, и мои мучения прекратились. Взамен я получил свои сны. Сны, в которых моя тетка представляла безликим чудовищем, Она подбиралась ко мне по ночам, выползала из темных глубин моей памяти. А сегодня этот образ вдруг необъяснимо трансформировался в мою жену Софию — мою милую улыбчивую Софию.

Я чувствую себя преданным. Находясь еще под впечатлением ото сна, я действительно злюсь на свою жену. Злюсь за то, что она вскрыла меня как сундук и снова вытащила на свет мои обиды и боль.

К счастью ее уже нет рядом со мной. Она проснулась раньше меня и, судя по звукам, готовит на кухне завтрак. У меня есть еще время прийти в себя. Подавить раздражение, вызванное тем, что никогда не случалось. Но сон так реален, что я не могу убедить себя ни в чем.

— Дорогой, встав-а-ай! — кричит София с кухни.

Я морщусь от беспричинной ненависти. Надеваю поверх пижамы халат и иду к ней, чтобы поцеловать в щеку, как делаю каждое утро, выходя к завтраку.

— Наш продуктовый заказ будет готов к десяти, — говорит София, не оборачиваясь. — Сначала забери его, а затем поезжай в химчистку за покрывалом.

Она снимает со сковороды большие румяные оладьи и перекладывает их на тарелки, одновременно отталкивая ногой вертящегося вокруг котика. У котика просительные глаза, величиной с эти же оладьи.

Дурнота подкатывает к моему горлу. Вспоминается картина из детства: тетка на кухне жарит оладьи, разговаривая с моей сестрой Лоли. Лоли держит на руках котенка, которого нашла на улице. Тетка разрешила его оставить, и теперь рассказывает сестре, как нужно заботиться о нем. У него большая голова, которой он постоянно вертит, и смешной пушистый хвост. Мне любопытно, захожу на кухню и подхожу к Лоли, но тут котенок начинает вырываться из ее рук, и сестра кричит, что я пугаю его. Тетка поворачивается и тоже начинает кричать, чтобы я убирался вон.

Бросаюсь вон из кухни. Она бежит за мной, но я успеваю захлопнуть перед Нею дверь ванны и запереть ее на щеколду. Слышу Ее требовательный голос из-за двери.

— Что с тобой? Тебе плохо? — кричит София взволновано.

Мне дурно, голос жены сливается с Ее голосом из прошлого. Опускаюсь на холодный кафель, так легче. Надо подумать.

Четверг. Нужно выходить из дома, но идти мне некуда. Мне не дано закончить семестр в универе и с работы меня уволили вежливым обезличенным уведомлением по почте. Скоро придет новая партия счетов, а мой банковский баланс уже отрицательный. Резюме разослано по вакансиям, которые мне не подходят. Мрак, ужас и безысходность.

Джилли валяется на диване и читает книжку, подергивая ногой в такт повествованию. Микки сидит на коврике и наблюдает за ней с явно выраженным неудовольствием. Вряд ли он раздражен ее литературными предпочтениями, ему даже все равно бумажная это книга или электронная. Единственное правило — книга должна лежать на диване, чтобы Микки мог пристроиться рядом, если у него будет настроение естественно, и чтобы его шерсть попадала между страницами или чтобы хвост можно было положить поперек экрана. Не на все время конечно, но чтобы была принципиальная возможность. Но Джилли лежит на спине и держит книгу в руках. Это неправильное положение. Интеллигентные люди так книги не читают.

Ни сестренка, ни Микки не упрекают меня ни в чем, но я и сама понимаю, что время для жалости к себе уже давно закончилось. Напяливаю на себя плащ и выхожу на улицу под тоскливый дождь. У меня есть одна возможность, один вариант трудоустройства, который мне формально, с точки зрения требуемой квалификации, идеально подходит. Там даже оплата очень обнадеживающего размера. Однако вариант очевидно временный и в резюме такую работу лучше не упоминать. Тем не менее, необходимые для данной вакансии навыки я действительно имею.

Когда я только поступила в универ, то буквально захлебнулась от нахлынувших на меня возможностей. Будущее казалось мне безграничным полем, по которому можно идти в любую сторону и везде будет хорошо. Тогда я была восторженна, безмятежна и абсолютно нерациональна в выборе курсов для изучения. Курс по развитию способности к... ясновидению показался мне любопытным дополнением к серьезным предметам. Теперь же, как не удивительно, удовлетворительная оценка по данному курсу черным по белому — одно из ключевых требований к соискателю.

Способности к ясновидению и психометрии развились у меня тогда очень скудно. Но экзамен я сдала с первого раза, как и все остальные пятеро энтузиастов. Кто знает, возможно, мы все встретимся сегодня на собеседовании?

— Бет, тебе письмо из универа пришло! — кричит Джилли, как только я появляюсь из ванной. Я полчаса стояла под холодным душем, пытаюсь смыть с себя разочарование и заодно заранее будущий позор. На собеседовании, с которого я перед этим вернулась, мне обрадовались, даже слишком. По причине единственности кандидата. Но от должности я не отказалась, даже когда отчетливо поняла, чем мне предстоит заниматься. Мне больно думать об этом, но мне все еще нужны деньги и, самое главное, деньги мне нужны не для себя.

Подхожу к монитору, наспех вытирая полотенцем волосы. Наверняка баллы за тест. Может, это уже и не важно, но сердце замирает. Отбрасываю мокрое полотенце и открываю письмо.

Шестьдесят три балла из ста возможных — с учетом того, что пол теста я заполнила

наугад, результат очень хороший. Но это всего на три балла больше, чем неудовлетворительно. Не полный провал, но близко. Итого: графу в таблицу я получу, жаль, что с низкой оценкой.

Я конечно уже смирилась, но... и тут замечаю краткий *post scriptum* от преподавателя — он требует, чтобы я завтра нашла его на кафедре за полчаса до занятий.

Понятно, чем он недоволен. Но как же мне завтра пробраться в универ? Просочиться, используя слепые зоны камер наблюдения или вентиляционные шахты? Даже если это теоретически возможно, это не мой жанр. Понадеяться, что женщина-бульдог не приказывала охране отслеживать наши с Мел лица? А если в сердцах приказала?

Решаю, что лучше всего будет отказаться от встречи под каким-нибудь благовидным предлогом. Жестокий грипп, сломанная нога, неожиданная смерть — все подойдет. Может, конечно, Кай Леон и считает, что сделать мне выволочку на полчаса крайне необходимо для мировой кармы, но я лично как-нибудь обойдусь.

Пишу, что из-за болезни прийти не смогу, и уже через пять минут получаю новое письмо. В нем мой собственный тест. Первая часть выделена зеленым — правильные ответы, вторая часть, заполненная наугад, полностью красная — все мимо. Вот такой из меня гениальный экстрасенс!

Прежде чем читать комментарий, выпить бы валерьянки, а лучше водки. Но нет ни того, ни другого.

В комментарии три едких фразы про мою безответственность, бесхарактерность, небрежение и несостоятельность.

Стучаться головой об стол не буду — в трех шагах от меня Джилли готовит бутерброды.

И все же. Неприятно, когда человек, которого безмерно уважаешь, разочаровывается в тебе. Это трагедия, конец света, приговор.

Лоли обожала этого кота, все время возилась с ним. А мне не разрешала даже приближаться к нему, боялась, что я пораню или напугаю его. Возвращаясь назад, думаю, она просто переняла теткинo отношение ко мне. Та все время твердила, что мне нельзя ничего доверить, что я все порчу. Вот Лоли и гоняла меня. Хотя раньше мы нормально общались. Мне даже кажется, было время, когда она по-сестрински любила меня. Такую перемену в ней я поначалу воспринял с недоумением, ведь мы оказались в одном положении, нас постигла одна утрата. Казалось бы, обстоятельства должны были наоборот сблизить нас. Но вышло иначе. К Лоли тетка относилась благосклонно, а ко мне как к отвратительному комку слизи. И глядя на нее, Лоли стала относиться ко мне точно также, как будто я действительно этого заслуживаю. Что это, если не предательство?

Мне было обидно, но я и виду не подавал. Я держался от котенка подальше, как от меня и требовали. И через некоторое время все улеглось. Лоли успокоилась и ослабила свой неусыпный надзор над животным.

В тот день я сидел один и делал школьное задание. Котенок пришел и сел на полу возле дивана. Я посмотрел на него, и у меня возникла идея. Даже не идея, а порыв. На балконе лежал пустой пластиковый контейнер. Я принес его в комнату, схватил котенка, посадил его внутрь и закрыл. А сверху положил несколько старых книг. Потом вернулся к домашнему заданию. Звуки, доносившиеся из контейнера, меня не отвлекали. Наоборот, они подбадривали меня. Возникло странное чувство какой-то эйфории, всемогущества. Первый раз в жизни, я делал что-то наперекор другим. Кот хотел выбраться из контейнера, но это

в моей воле было решать, где ему находиться.

Котенок задохнулся. Я, правда, не хотел этого. Мне пришлось положить его в мешок и выбросить в мусор.

У Лоли была истерика. Она проплакала несколько дней, и я не знал, что мне делать. Мне нужно было сожалеть о сделанном, сочувствовать сестре. Я же чувствовал тайный восторг. Странно, но никто не подумал на меня. Тетка решила, что котенок упал с балкона. Через несколько дней она принесла Лоли нового питомца — пухлого рыжего котяру со спокойным ленивым взглядом. Через месяц он выпал из окна.

Пятница. Через полчаса закончится последнее занятие по психологии, на котором меня нет. Я стою на пороге маленькой приемной. Женщина, вчера проводившая со мной собеседование в этой самой комнатухе, кивает мне, на секунду оторвавшись от экрана.

— Проходите, господин Пилдик вот-вот будет, — говорит она и возвращается к чтению.

Захожу в соседнюю комнату. Она немного больше первой. Посредине стоит конструкция из нескольких сдвинутых вместе столов. Вокруг с десятков стульев, некоторые из них отодвинуты. У противоположной стены два шкафа. На единственном окне решетка.

Прохожу и кладу рюкзак на один из стульев, собираясь достать свой планшет. Теперь мне видно, что на полу, частично под столом, лежит человек. Похоже, он мирно спит.

За моей спиной открывается дверь.

— Здравствуйте, я Сан Пилдик, — представляется вошедший и протягивает мне руку. Это высокий крепкий мужчина лет сорока пяти. Рукопожатие крепкое, взгляд внимательный. — Я психиатр, но меня поставили курировать этот проект.

Пилдик замечает мужчину под столом, но никак это не комментирует.

— Я хотел бы познакомиться с вами поближе, прежде чем мы начнем, — он обходит стол и садится в его голове. — Задам вам несколько вопросов, если вы не против, — достает из кейса свой планшет.

Вздыхаю про себя и сажусь тоже.

— Вы не хотели бы сесть поближе ко мне? — вежливо интересуется Пилдик. Между нами четыре стула. Меня все устраивает, но я киваю и пересаживаюсь. Теперь между нами всего два стула.

Несколько вопросов Пилдика — это несколько десятков самых разнообразных вопросов. Некоторые из них довольно неожиданны, и я не понимаю, зачем они понадобились ему. При ответе на некоторые я немного отклоняюсь от истины.

Были ли у меня в жизни травмирующие ситуации? Нет, не было.

То есть исчезновение матери и авария отца, после которой он оказался парализован по шею, меня не травмировали? Мать я почти не помню, а авария отца — трагедия прежде всего для него самого. Ему было сложно с этим смириться. Тяжело пришлось и Джилли, она тогда была совсем маленькой.

Пилдик смотрит на время.

— Пожалуй, нам пора выезжать, — говорит он, вставая и убирая планшет обратно в кейс. — Ваше первое задание довольно интересно, хотя и потребует от вас большого напряжения. Надеюсь, вы готовы. Знайте, что я все время буду рядом, также не стесняйтесь звонить мне в любое время. Я настаиваю, чтобы вы сообщали мне о любых изменениях своего состояния. Вы для нашего проекта — сложный и чувствительный прибор, который нам ни в коем случае нельзя испортить.

— А как насчет него? — не выдерживаю я. Имею в виду человека, который преспокойно проспал все это время практически у нас под ногами.

— Это Иззи, ваш коллега, — признает Пилдик с неудовольствием, — он с нами сегодня не поедет, — решительно отрезает он.

На входе в здание приходится общаться с охраной и предъявлять свои

идентификационные карты. Получаем пропуски и проходим через “саблезубый” турникет. Идем через огромный холл к лифтам.

— Хочу предупредить, что здесь с некоторым подозрением относятся к нашему проекту, — говорит Пилдик негромко. — К его целесообразности.

Честно говоря, я не удивлена, тем более зная, какими “мощными” кадрами этот проект обладает.

— Возможно некоторые люди, с которыми вам придется общаться, будут выказывать вам пренебрежение. Помните, что оно относится к идее проекта, а не к вам лично. Дальнейшее уже зависит от вас.

Я согласно киваю. Вполне понятно, вполне справедливо.

Мы заходим в лифт, и я забиваюсь в уголок. Пилдик медлит секунду, явно ожидая кого-то, кого только что увидел в холле.

В лифт входит Кай Леон. Я сжимаюсь даже не в комок, а в струну, которая звенит, надеюсь, лишь в моем воображении.

Мужчины явно знакомы, они пожимают друг другу руки. Обмениваются парой фраз, и становится окончательно ясно, что нам предстоит работать над одним делом. Пилдик коротко представляет меня. Кай Леон молчит. Действительно, все, что он думает на мой счет, он уже изложил в своем письме. Я боюсь поднять взгляд.

На девятом этаже мужчины выходят, и мне ничего не остается, как идти за ними. Мы проходим через большой общий зал.

— Поговорим в моем кабинете, — говорит Кай Леон. — А вы ждите здесь, — жестко добавляет он, глядя для меня исподлобья, поворачивается и уходит. Пилдик следует за ним, но на ходу разворачивается и делает успокаивающий жест. Да, он не совсем в курсе ситуации, но сейчас ему все объяснят. Интересно даже, меня уволят сразу или сначала поиздеваются?

Сначала не знаю, куда деться, чтобы не стоять на пути и не мешаться, но, к счастью, нахожу подходящее местечко рядом с искусственным, но все равно чахлым растением с поредшими листьями. Отсюда могу спокойно оглядеться и исподтишка понаблюдать, как работают люди. Хотя зал большой, рассчитанный на несколько десятков рабочих мест, народу в помещении немного. Выражения лиц у всех сосредоточенные, движения резкие, походка стремительная. Кай Леон с Пилдиком ушли в коридор за стеклянной дверью справа от зала, так что там, должно быть, отдельные кабинеты. Общая зона разделена перегородками на закутки по несколько столов в каждом. Потолки высокие, что все же дает ощущение некоторого простора. Из одного такого закутка как раз вышли двое моих бывших сокурсников с какими-то распечатками в руках. Это Макс и Инга, по всей видимости, именно они выиграли стажировку у Кая. Правда странно, что они уже здесь, ведь лето еще не наступило, да и не по всем предметам занятия уже закончились. Прятаться бесполезно и некуда.

— А, Бет, что ты здесь делаешь? — спрашивает Инга, подходя ко мне. — Только не говори, что это ты у нас будешь психологом? — Она хихикнула и пояснила: — Это Гил придумал.

— Она имеет в виду проект Пилдика по исследованию возможностей привлечения экстрасенсов к расследованию, — тихо говорит Макс. Он высокий и худой, вытянутый (его мама говорит, что это его ангелы тянут за уши). Всегда говорит тихо и неуверенно, при этом смотрит в сторону и кажется странным. Стоит ли упоминать, что он необыкновенный,

умный и добрый? Макс мой друг, хотя мы это скрываем. Скрываем просто так — такая у нас игра — пароли, явки. Он ничего не знает о том, что со мной произошло. Он поддержал бы меня, я точно знаю. Но для этого мне пришлось бы ему все рассказать, а я не хочу, все в прошлом.

— И кто спонсирует эту глупость? — Инга театрально кривится и заводит глаза. — Гил говорит, что проекту уже три года, а результатов до сих пор никаких.

— Да, я буду участвовать в этом проекте, — признаюсь поскорее, и лицо Инги тут же приобретает брезгливое выражение.

— Надо же, — говорит она противным голосом. — Нет, ну я, конечно, понимаю, обидно, что тебе не удалось набрать достаточно баллов. Но может это и к лучшему, может это просто не твое. Но извини, попытаться запрыгнуть на ушедший поезд... да еще таким сомнительным образом. Это просто унижительно, хотя конечно кому как, — мотнув головой, она отходит к одному из пустых столов, нежно прижимая к себе распечатки.

— Зато ты окажешься в гуще событий, — почти что шепчет Макс, поглядывая в сторону, — а мы будем приходить сюда пару раз в неделю, копаться в старых данных и бегать с ничего не значащими поручениями.

Бросив на меня короткий, но теплый взгляд, он присоединяется к Инге, просматривающей бумаги с таким важным видом, что мне становится смешно. Боюсь, я не испытываю к ней особой симпатии, но она действительно украшает мою жизнь.

Через некоторое время возвращается Кай Леон и, найдя меня взглядом, бросает коротко:

— Поехали.

Через мгновение он уже стоит у лифта и нажимает кнопку вызова. Никогда не кажется, что он спешит, но передвигается он очень быстро. Словно по волшебству лифт тут же раскрывает двери, как будто специально стоял тут и ждал его. Мы с Пилдиком, только что успевшим выбраться из-за стеклянной двери, переходим на бег и как-то несуразно вваливаемся в кабину.

Спускаемся сразу на стоянку и проходим между рядами машин. И вдруг я застываю на месте. Мужчины подходят к темному внедорожнику, который как две капли похож на Его машину.

Он заставил меня сесть в нее, угрожая пистолетом. Я тогда сделала все, как он велел, потому что боялась, что Он убьет меня. Я не знала, что это далеко не самое страшное, что может со мной произойти. Если б я знала, если б могла догадаться, то ни за что бы не села в ту машину.

Около машины, Кай Леон останавливается и перекидывает координаты на манжетный компьютер Пилдика. К счастью, они заняты и не замечают, что я в ужасе стою посреди дороги. Прогоняю воспоминания из головы и буквально заставляю себя преодолеть оставшиеся метры.

Кай садится в машину, а мы идем дальше к машине Пилдика. Устроившись за рулем, мой новый босс некоторое время сражается с навигатором на панели приборов, но у него так и не выходит перенести полученные координаты. Явно ругается про себя, смиряется и поспешно вырывается со стоянки. На выезде пристраивается за автомобилем Кая и включает режим следования.

— Я знаю, что это не безопасно, но я не слишком уверенный водитель, —

оправдывается он.

Я просто улыбаюсь в ответ, я — вообще не водитель.

— Наша работа начнется, когда все разъедутся, — начинает объяснять Пилдик, пока автопилот везет нас на место происшествия. — Вы не увидите ничего...шокирующего, просто место, где что-то произошло. Мне передадут некоторые сведения о происшедшем, но вы ничего знать не будете. Эти сведения помогут мне как-то оценить информацию, которую получите уже вы сами. И главное помните, что наша цель заключается не в том, чтобы найти конкретного преступника, а в том, чтобы исследовать возможности человека получать информацию о преступлении с помощью вневещественного восприятия. Поэтому меня будет интересовать каждая мелочь, которую вы сможете ощутить. Все нужно будет аккуратно записать. Я могу стоять в стороне, чтобы не мешать, но тогда вы будете вести запись с помощью манжеты. По возможности старайтесь проговаривать вслух все, что почувствуете и поподробней. Стало холодно — отметьте это, стало страшно — отметьте. Понимаете?

Пилдик останавливает машину в паре сотен метров от места, огороженного ленточками. Там еще работают люди, и нам остается только сидеть и ждать. Через час я не выдерживаю и выхожу из машины — хочу просто размять ноги. В нашем направлении, переговариваясь, идут два мужчины, у одного в руках небольшой планшет, на другом серая шапка, хотя для шапок уже слишком тепло. Мне становится холодно и страшно, но я пока не записываю это наблюдение на диктофон. Тот, что в шапке уходит, а тот, что с планшетом, подходит к нам. Пилдик выскакивает ему навстречу.

— Куда? — спрашивает мужчина резко, глядя на него. А вот на меня он вообще внимания не обращает. Пилдик вытаскивает из кейса свой огромный планшет.

— Учтите, если противник окажется рядом, вам придется его быстро съесть, — иронизирует мужчина с самым серьезным видом, перегоняя на планшет Пилдика какие-то данные. Закончив он быстро уходит.

— Это Гил, — запоздало представляет его Пилдик, когда тот уже успел запрыгнуть в свой автомобиль в полусотне метров от нас.

Через полчаса все окончательно расходятся или разъезжаются, мы с Пилдиком остаемся одни и идем к месту, которое только что было огорожено, исхожено и чуть ли не вспахано. По пути мой новый босс суетится, снова меня инструктирует, но, в конце концов, оставляет в покое. Теперь он стоит в стороне, на узкой дорожке для бегунов, а я прохожу дальше и останавливаюсь под деревьями. Не смотря на все инструкции и прослушанный в университете экспериментальный курс, я не представляю, что мне делать. Мне не холодно и впервые за долгое время не страшно, а в лицо светит мягкое весеннее солнце. Мне спокойно и совсем не хочется расставаться с этим ощущением. Мне не хочется касаться чужой беды — с ней рука об руку вернется моя.

Моя беда. Мы, несчастные, эгоистичны. Наш мир вращается вокруг нашей беды. Казалось бы, и все люди в нем должны вовлекаться в это движение. Но они вращаются вокруг своих бед. Или своих радостей. Каждый живет в своем мире, и эти миры расходятся.

Сейчас мне нужно запрыгнуть в чужой мир. Подпустить его поближе, не дать моей беде заслонить чужую. Здесь, на этом клочке земли, могло произойти все, что угодно. Но мне представляется терпеливый хищник, высматривающий свою жертву. Мужчина, ожидающий появления определенной женщины, подходящий под его нужды и взгляды. Но все может быть не так. Без ожидания, без плана. Случайная ссора. Мне ничего не известно. Нужно абстрагироваться от того, что случилось со мной, забыть, отбросить прочь. И это самое

сложное.

Почти невозможное. Я снова чувствую на себе Его взгляд, как тогда, когда Он спускался к нам в подземелье и смотрел своим пустым нечеловеческим взглядом, часами не проронив ни слова, не реагируя ни на мольбы, ни на проклятья. Когда Он представлял, что сделает с нами потом.

— Расскажи мне, — прошу я и, кажется, делаю это вслух. Кто лучше всего поймет убийцу, если не другой убийца? — Ты мне должен.

Я ощущаю Его присутствие так явно, как будто Он и вправду стоит позади меня. Я боюсь оглянуться, но Он хочет, чтобы я видела его. Очень медленно Он обходит меня справа. Приближается и проходит мимо в двух шагах от меня. Я слышу, как листья тихонько шуршат под Его ногами. Слышу его участившееся дыхание.

Но я не вижу Его. Зато впереди между деревьями вижу дорогу. По ней идет женщина. Она одета строго, но дорого. Ей хорошо за пятьдесят. Выглядит холенной и очень уверенной в себе. Но лицо усталое и немного раздраженное. Она размышляет о чем-то своем, быстрым шагом идя по парку, и не замечает почти ничего вокруг.

Он идет за ней, и пожухшие листья шуршат под его ногами. Она этого не слышит, поглощенная своим раздражением на кого-то. Она не чувствует его внимания, сосредоточенного на ней, его ненависти, хотя они столь сильны, что я почти вижу их. Они черные и вязкие как деготь. Они скрепляют этих двоих, и связь эту не разорвать ничем. Но она не знает об этом. Как же можно не чувствовать, что смерть идет за тобой?

Мне приходится смотреть, как Он убивает ее. Душит руками, с интересом вглядываясь в искаженное мукой и страхом лицо. С ее смертью видение кончается сразу, как обрубили.

Я сажусь прямо на землю и глубоко дышу, борясь с приступом тошноты. Пилдик неожиданно появляется рядом со мной.

— Я вижу, что у вас получилось! — восклицает он взволнованно. — Вы первая, от кого я получаю результат так быстро. Вы записали это на диктофон?

Отрицательно мотаю головой.

— Тогда скорее расскажите мне все подробно, — командует Пилдик, включая запись на своей манжете.

Что-то бессвязно бормочу, он вежливо выслушивает этот поток сознания, только спрашивает внезапно:

— Какие листья?

Я лишь развожу руками. Ну какие листья? Те, что валяются здесь повсюду. Осень же, деревья вокруг, листопад.

Пилдик продолжает заинтересованно смотреть на меня, но его брови уехали вверх. Я оглядываюсь и утыкаюсь носом в молодые и трогательные нежно-зеленые листочки на низкой ветви дерева рядом со мной. Эта ветвь спустилась ко мне и лежит на моем плече, как бы говоря: “Ну чего ты в самом деле, весна же...”

А я и забыла, что весна... то есть, увидела я совсем не то, что мне полагалось, и задание я свое провалила, но Пилдик расстроенным не выглядит. Он встает и тянет меня за руку. Мы идем обратно, удивляюсь, что прошла так далеко. А казалось, что не сделала и шагу. Садимся в машину, и пока автопилот везет нас к моему дому, мой новый босс набирает номер, на экране высвечивается имя “Гил”. Смутно припоминаю того мужчину с планшетом в руках. Включена громкая связь, так что его голос раздается на весь салон.

Пилдик передает ему детали того, что мне только что довелось увидеть, хотя в его

изложении все звучит как-то совсем по-другому. Даже хочется прервать его и пересказать все по новой. Но не решаюсь.

Пауза и Гил издает такой краткий смешок, который емко иллюстрирует собственно все, что он об этом думает. На этом можно было бы и прекратить разговор, но Пилдик почему-то с мазохистским упорством интересуется его мнением.

— Я дал тебе ориентировку, сам же видишь, что ничего не сходится, — снисходительно говорит Гил, но потом взрывается. — Это вообще дибелизм! Уж время года-то она могла бы правильно назвать! Ясно ж, что трупак здесь не с прошлого года валяется.

Пилдик косится на меня виновато, но громкую связь отключать как-то поздновато.

— Но может речь здесь о другом убийстве, — предполагает он вслух. — Которое произошло именно осенью, чуть в стороне, возле аллеи.

Гил раздраженно вздыхает.

— Ладно, дам задание нашим гиперталантливым практикантам проверить. Позвонят, если что.

Далее приходится ждать. Я сижу как на иголках, надеясь на звонок, которого все нет. Мы едем в пробке довольно медленно. Пилдик что-то вдохновенно рассказывает. Какие-то сверх материи, я не слишком вдаюсь в смысл, хотя и пытаюсь вслушиваться, но это все как пытка.

Наконец звонок. На мою манжету. Это Инга, и я громкую связь не включаю.

— Я проверила твою информацию, — говорит она капризным тоном, — ничего подобного в указанном районе никогда не происходило.

Не знаю, имею ли я право расстраиваться, что этого убийства не было. Но могу же расстроиться, что вижу всякую чушь?

— Хотела бы тебя попросить не выдумывать ерунду и не отвлекать людей от работы, — шипит Инга, — от настоящей работы!

Пилдик довозит меня до подъезда, выскакиваю из машины и, едва попрощавшись с ним, мчусь к двери. Спешу обратно домой, чтобы скорее снова забиться в свою норку. Стараюсь не думать о своем полном, полнейшем фиаско, и о том, что теперь с этим делать. Инга права на счет меня, абсолютно права.

Я не имею морального права продолжать в том же духе, но и уйти не могу. Когда еще я успею найти новую работу, когда еще работу найдет Джилли? А деньги нужны постоянно, никаких отсрочек не предусмотрено. И что же мне остается — тянуть время, изображать какую-то деятельность, а на самом деле мешать нормальным людям делать свою нормальную настоящую работу?

Рассеянно здороваюсь с выходящей из подъезда соседкой и ее пуделем. Песик странно семенит ногами в голубых ботинках. У него на голове чудесным образом удерживается голубая кукольная шапочка. Поднимаюсь на лифте на свой семнадцатый этаж. По привычке оглядываюсь и захожу в квартиру, быстро запираю дверь.

Из ванной доносится шум льющейся воды. Иду ставить чайник и замечаю, что банка для кофе снова полна, значит Джилли сходила в магазин. Приятная мелочь, напоминающая о том, что я больше не одна. Эта мысль согревает и успокаивает меня.

А не должна бы. Первый раз за эти недели, вернувшись домой, я не осмотрела квартиру сверху донизу.

Насыпаю кофе в кофейник и чувствую, что кто-то быстро подходит ко мне сзади, резко

хватает и прижимается ко мне. Низкий мужской голос говорит что-то вроде: “Если обе сразу, то плачу втройне”. Я тут же хватаю нож и, не задумываясь, куда попаду, тыкаю им назад, так что мужчина едва успевает отскочить. Поворачиваюсь с ножом и вижу почти голого, лишь в полотенце, намотанном вокруг бедер, бандитского вида татуированного незнакомца с наглой кривой усмешкой на лице.

— Эй, тихо, тихо! — протестующе выкрикивает он, подняв руки, словно сдается.

Честно говоря, мне очень хочется продолжить свои бесперспективные попытки его зарезать, но в этот момент из ванной появляется Джилли. При виде меня она тут же пугается и что-то кричит, но я уже не в том состоянии, чтобы понимать человеческую речь. Сестра кидается между нами, и я кое-как начинаю осознавать, что эти двое знакомы и более того, что не присутствие постороннего пугает Джил, а скорее направленный на него нож.

— Я думала, что ты придешь намного позже, — оправдывается сестра.

— Кто он? — раздраженно спрашиваю я, а мужчина начинает натягивать брюки.

Из-за двери моей спальни слышится не менее раздраженное поскребывание, так что я открываю ее, выпуская Микки на волю. Кот торжественно выходит, наводит разъяренный взгляд на стреноженного штанами мужчину и молнией бросается на него. Мужчина кричит и падает, Микки с громогласным рычанием начинает работать когтями, а Джилли кидается их разнимать, придерживая рукой разъезжающееся полотенце. Я же вижу, как робот в углу набирает номер службы спасения.

Мне приходится перезванивать и отменять вызов, предварительно закрывшись в ванной. Дверь немного приглушает отборную брань, которой бандит кроет моего кота. Микки уже воеет от злости и ругается в ответ на своем кошачьем. Не уверена, что оператор верит в мою историю. Возможно, теперь сидит и вызывает нам психиатрическую помощь.

В конце концов нам удастся вытолкать полуодетого бандита (или кто он там по профессиональной принадлежности) из квартиры.

— Кто это был? — повторяю свой вопрос.

— Его зовут Пал, — говорит Джилли, собирая по всей комнате свою одежду.

— Это сокращенный вариант его имени?

— Нет, кличка такая. Связана с родом его занятий.

— Он что, профессиональный поджигатель? — единственное, что приходит мне в голову.

— Я точно не знаю, — совершенно серьезно отвечает Джилли.

— А за что он собирался заплатить?!

— Он заплатил вперед, — говорит сестренка и, тяжело вздохнув, бросает собранные вещи обратно на пол. — Ты не сердись, я просто не знала, как тебе сказать.

— Я не сержусь, но я в ужасе, — понимаю, что до сегодняшнего дня у меня все было не так уж и плохо. — Извини, ты для этого сюда приехала? Чтобы было куда водить... клиентов?

— Бет, нам нужны деньги. Много. — Говорит моя маленькая сестренка безнадежным голосом.

— Но до сих пор нам хватало.

— Нет, не хватало, — кажется, Джилли готова заплакать. — Ты просто давно не жила с отцом, не видела его каждый день. Не понимаешь, как он сдал, как тяжело ему дается все время лежать на своей постели и быть обузой для всех. А я читала статьи...и там столько всего придумано для таких как он. И новые курсы лечения, и специальные кровати и

приспособления всякие. Его можно было бы вывозить из квартиры каждый день, может быть даже вылечить со временем. Но нужно в разы больше денег, нам с тобой так просто столько не заработать.

— Но ты можешь попасть в серьезную беду. Ты понимаешь, что отец этого бы себе никогда не простил, что ты из-за него...

— Ничего плохого не случится! — остановила меня Джилли. — Моя хорошая подруга найдет мне нормальный клиентов. Она уже нашла Пала. Он хороший. Всегда ходит только к одной девочке, просто меняет время от времени. Очень добрый и хорошо платит.

Кажется, у меня снова началась паника, и я быстро затараторила:

— Слушай, Джилли. Давай ты пока повременишь с этим. Спокойно сдашь экзамены, поступишь в университет, попробуешь устроиться куда-нибудь на лето. А я, пока нет занятий, найду вторую работу. У меня уже есть одна, и там хорошо платят. Я уверена, мы сможем и так накопить на все, что ты присмотрела для отца.

Мы продолжаем препираться до позднего вечера и ложимся спать в самых расстроенных чувствах.

Спровадив меня в интернат, тетка взяла на попечение еще двоих маленьких детей, а меня оставила в покое. С тех пор я видел тетку и сестру всего несколько раз. Ни они, ни я не стремились к таким встречам. Все же были праздники, которые мне полагалось проводить с семьей. Я приезжал домой, где всегда в эти дни было много народу — тетких многочисленных подруг. Я садился с ними за один стол, но чувствовал себя тенью давно почившего и не особо любимого родственника. Передо мною ставили тарелку и больше не обращали внимания.

Но жизнь вдали от теткинго контроля дала лишь иллюзию свободы. В глубине души я знаю, что Она так и не отпустила меня. Она затаилась — многорукая паучиха, незаметно оплетающая меня своей паутиной. На самом деле я давно прилип к ней спиной — своим прошлым, и как бы не дергался, не могу освободиться. Финал уже предрешен.

Я боюсь, что у меня не получится.

В детстве я был совсем хилым, не мог дать никому отпор. Другие ребята отбирали у меня вещи или заставляли что-нибудь делать за них, особенно в интернате. Я строил разнообразные планы мести, воображал как я меткой фразой ставлю на место в конце зарвавшегося Лося — высокого жилистого парня, который помыкал мною и другими такими же бесхребетными как я. Ни один свой план я не исполнил. Тысячи раз прокручивал в голове, и с каждым разом они становились все менее реальными. Я знал, что у меня ничего не выйдет. Мне не хватало ни силы, ни смелости, ни смекалки. Мне приходилось сносить молча все унижения, хотя внутри все горело огнем.

Я тонул, захлебывался ненавистью. Если кто-нибудь заступался за меня, я ненавидел и их тоже. Они так спокойно решались на то, на что у меня никогда не было сил. Я не мог позволить себе ни слова, ни взгляда. Я всегда был тихой тенью человека, а внутри кипел котел зла.

Именно тогда я и понял, что паучиха не оставляет меня. Это Она лишила меня внутренней силы, иммунитета к жизненным тяготам, которые случаются с каждым, но не каждого ломают. В последнем я прекрасно отдаю себе отчет. Это только моя проблема, другие легко преодолевают ее. Слово воды бурной реки отделяют меня от

людей, уверенных в себе и безмятежных. Они не знают и не думают о диком бесплодном острове посреди угрюмой реки, где находится логово многорукой паучихи, затянувшей меня в свою сеть.

Мне снится та женщина в парке. Со множеством новых подробностей, которые я, проснувшись, немедленно забываю. Манжета играет противную мелодию. Она может испортить любую мелодию, но эта разонравилась мне особенно быстро. Наверное, стоит сразу поставить на входящие вызовы что-нибудь неприятное, депрессивное. Это звонок от Мелодии.

— Ты где? — спрашивает она.

— Я еще в постели, — выхожу из спальни и бреду к чайнику. По дороге приветственно машу рукой Джилли, которая, вся взъерошенная и заспанная, сидит на диване и думает, наверное, стоит ли уже встать или лучше обратно лечь. Отвечаю еще на несколько странных вопросов Мел и прощаюсь.

— Будешь кофе? — спрашиваю Джилли.

— Буду, — бурчит она и снова ложится, укрывшись одеялом с головой.

Чтобы окончательно пробудиться, сестренке требуется серьезная помощь. Как только я торжественно презентую ей ее кружку, раздается звонок в домофон. Чуть не выплескиваю кофе на Джилли, и она со вздохом сама идет к двери.

— По-моему, там кто-то есть, — заключает сестра, с интересом глядя на экран домофона. Подхожу — весь экран занят чей-то белокурой макушкой.

— Доброе утро, — здороваюсь я, нажав кнопку связи. Гость поднимает голову на звук голоса. Оказывается, это снова Мелодия, как-то раздобыла мой адрес.

— Впусти меня, — просит она печально.

Я впускаю ее, хотя Джилли рядом со мной корчит рожи и отрицательно мотает головой.

Поднявшись к нам, Мел медленно заходит в квартиру, оглядывается и пугается Микки, который просто сидит и смотрит с очень кислым видом. Кажется, от гостей, которые все прибывают и прибывают в его дом нескончаемой шеренгой, он уже очень устал.

Все вместе мы садимся завтракать, но Джилли вскоре встает и начинает собираться. Ей с нами неуютно. Я провожаю ее к выходу.

— Поеду в библиотеку заниматься, — уведомляет она. — Присмотрюсь к условиям, выберу себе место поукромнее. Мне ведь там скоро часто бывать придется, — сестренка улыбается и порывисто обнимает меня. Потом переводит взгляд на Микки. — Мне кажется, он осуждает меня, — шепчет она и уходит.

Хочется малодушно сбежать, но я возвращаюсь за стол к Мел.

— Я ходила к психологу, — говорит она. — Но мне не кажется, что она сможет мне помочь.

Я советую дать психологу шанс, но подруга упрямо поджимает губы.

— А как ты справляешься?

Мысленно я бьюсь головой об стенку, а вслух начинаю рассказывать, что нашла новую работу, что новые и насущные заботы меня сильно отвлекают, что родные (Джилли и Микки) мне очень помогают. Все в таком роде.

Манжета раздражается все той же, но уже гораздо более приятной мелодией. На сей раз звонит Макс — просит подъехать к офису, у него что-то есть для меня. Извиняюсь, перед подругой.

— Можно я останусь у тебя? — просит она. — Мне уже долгое время не удается

нормально уснуть, а здесь мне почему-то спокойно.

Устраиваю ее поудобнее, прошу Микки вести себя как джентльмен и не без удовольствия на этот раз выхожу из дому. Не знаю, как Мелодия, но я, похоже, наконец выздоравливаю.

За то время, что я иду до станции, мой энтузиазм успевает испариться. Мне вновь не по себе. Мне нужно туда, ко входу в подземку — невеселое место — царство автоматов и программ, антиутопический образ автономного государства, где передовые идеи сделали человеческий разум не нужным. Включите компьютер, выключите мозг и ни в коем случае не задумывайтесь — запутаете себя, запутаете компьютер, запутаете всех.

Мимо проходят люди, спускаясь, они поднимают руки со встроенными в манжеты компьютерами, и те автоматически открывают приложение Рольф. С этого мгновения Рольф их вождь и пастырь. Его инструкции есть закон. Он определяет твою среднюю скорость и твой оптимальный маршрут, мгновенно встраивая тебя в сложную схему передвижений и взаимодействий. Не беги и не думай — тебя уже посчитали и измерили. Тебе скажут, где повернуть, в какой вагон войти, когда нужно приготовиться выйти. Быстро, удобно, без ошибок.

Уже на этапе тестирования Рольф справлялся прекрасно, люди — не очень. Нам казалось, что мы умнее машины, и все время лезли не туда. Но постепенно Рольф отучил нас от этого заблуждения, эффективность работы подземки возросла. Стресс вырос. Мы наконец-то в полной мере почувствовали себя стадом, управляемым кем-то высокомерным и немного презрительным. Ничего, мы привыкли. Это ведь всего минут на пятнадцать.

Лишь однажды случился конфуз. Какой-то шутник запустил в систему вирус, и на табло в вагонах между объявлениями остановок периодически стала появляться надпись: “Как же я всех вас ненавижу...” Не все ее замечали, но кто-то не вовремя поднимал взгляд и... это словно прочесть сокровенные мысли в человеческом взгляде. Наболевшее от вездесущего Рольфа. Опрос показал, что процент пассажиров, воспринявших это серьезно... Впрочем, не важно. Они все имели возможность обратиться к специалисту за психологической помощью.

Обратиться к специалисту... по любому поводу — как одиноко и безвыходно это звучит. Как будто человек уже умер и остался один, без друзей и родных. Попал в ад и вокруг него бесконечные коридоры с кабинетами специалистов. И людей вокруг нет.

Через четырнадцать минут вынырываю из поддерживаемой в оптимальном состоянии атмосферы подземки в свежую никем не отрегулированную атмосферу города. Зябко ежусь и засовываю ладони в карманы куртки. Дальше я бреду пешком, специально наступая на маленькие смешные лужицы, оставшиеся после только что прошедшего дождя. Эти забавные нелепицы цивилизация еще не успела изжить, и это прекрасно, ведь и порядку должен быть какой-то предел.

Пройдя мимо суровой охраны, опускаюсь на минус второй этаж, где должен ждать меня Макс. Это один из уровней подземной автостоянки. Представить не могу, что ему пришло в голову! Он выглядывает из-за минивэна, и я спешу к нему.

— Что мы здесь делаем? — улыбаюсь я.

— Мы в слепой зоне, — говорит Макс шепотом, хотя вокруг нас ни души. Так понимаю, он продолжает нашу игру в шпионов, и я недовольно хмурюсь, поскольку не уверена, что для этого место и время. — Ты не ругайся, но... — продолжает он сбивчиво, его взгляд нервно

прыгает из стороны в сторону. Макс напряжен и стоит так, будто держит в руках не планшет, а бомбу. — Я знаю, как для тебя важна эта работа, но мы оба знаем... и вообще все знают, что этот проект просто глупость и что таким образом ничего существенного найти нельзя. В офисе это все время все обсуждают — что результатов никаких нет, и всем понятно, что их и не может быть. Говорят, что проект до сих пор не закрыли, потому что у Пилдика какой-то родственник в Управлении. Всех этот Пилдик только раздражает, и все смеются над проектом, то есть, понимаешь, они смеются НАД ТОБОЙ!

Я смотрю на него с сожалением. Знаю, что попала в неприятную и даже, можно сказать, позорную ситуацию, но я не думала, что она затронет моих друзей. Никто даже не знает, что мы друзья, но вот стоит Макс и искренне переживает. Мучается от того, что ему кажется, что мучаюсь я. И если я могу просто взять себя в руки и пережить это, то что мне делать с Максом?

— Тебе приходится работать с пустым местом! — взволновано восклицает мой друг. — И это бесполезно, что бы ты ни делала, результатов не будет. Но если ты будешь знать то, что знаем мы... — только теперь он вновь переходит на шепот, — ты ведь умная, ты утрешь всем нос, заставишь заткнуться.

— Так нельзя, — качаю я головой.

— Можно! — вспыхивает Макс. — Может это ничего не даст для проекта, но для тебя... вот, — он по-другому перехватывает планшет. — Скачать информацию я не смог, но расскажу, что запомнил. А несколько фото я просто переснял со стенда.

— Да что же ты делаешь? — пугаюсь я. — Не дай Бог кто-нибудь узнает, что ты делишься информацией по делу с посторонними.

— Ты просто посмотри, — Макс практически сует мне в лицо свой планшет. На весь экран фото, по всей видимости, той самой убитой женщины из парка, и я уже не могу оторвать взгляд. Она лежит лицом вверх, вытянувшись по струнке, глаза открыты. Руки расположены вдоль туловища. На ней белый спортивный костюм, на котором хорошо видна грязь. На ногах только носки, они так и остались кипельно белыми. Я поднимаю руку, чтобы пролистать на следующее фото, но в этот момент на этаж заезжает машина.

Машина проезжает по проходу мимо минивэна, за которым мы прячемся. Смотрим на водителя, и, к нашему ужасу, узнаем профиль Гила. Он проезжает вперед и паркуется метрах в двадцати от нас.

Нет, наверняка можно быстро придумать рациональное объяснение тому, что я здесь делаю. Только в голову ничего не приходит, поэтому я к своему глубочайшему стыду прячусь за колесом автомобиля. Не знаю, как расположены камеры, но надеюсь, они меня все еще не видят. Макс же продолжает стоять на месте, рассеянно теребя чехол планшета.

— Здорово, — слышу хриловатый голос Гила, — ты что в гараже пасешься?

— Да вот, за кофе вышел, — взволнованно отвечает мой друг. К счастью в стороне действительно стоят какие-то автоматы, наверняка какой-то из них ведает горячими напитками.

— А что в офисе уже все выпили?

— Вряд ли, но я как последний извращенец больше из автомата люблю, — удачно выкручивается Макс.

— Ну, бывает, — усмехается Гил. — Мой бывший шеф вообще цикорием баловался, пока не умер. А планшет зачем с собой притащил? — почти без паузы интересуется он.

— Это... машинально вышло, по привычке...

— А че вспотел?

— Жарко... — окончательно поплыл Макс. На стоянке “тепло” как в холодильнике.

Через некоторое время слышу отдаленное урчание автомата, потом щелчок кнопки вызова лифта и продолжение разговора о каких-то там схемах. Ноги ужасно затекли от сидения на корточках и ждут не дождутся, когда же лифт наконец проглотит свой улов и можно будет уже выпрямиться.

Слышу, как открываются двери, так что вот-вот можно будет спокойно выползти из укрытия, благо вокруг сейчас пока нет нежелательных свидетелей, но тут как на зло прямо под ухом моя манжета начинает играть мелодию вызова, так неожиданно оглушительно, что я брякаюсь на спину. Уже лежа на бетонном полу гаража через просвет под днищем минивена вижу, как милостиво закрываются двери лифта.

В самых расхристанных чувствах пролетаю мимо охраны и выскакиваю на улицу, бегу куда-то прочь и, только отбежав достаточно далеко, обнаруживаю, что в этом промежутке умудрилась ответить на телефонный звонок, и кто-то теперь разговаривает со мной спокойным женским голосом. К счастью, похоже, все это время мне что-то терпеливо втолковывали, и мое отсутствие осталось незамеченным.

Сбавляю шаг и пытаюсь понять, что происходит, глядя на экранчик на манжете. Компьютер выудил номер звонящего из моей записной книжки и теперь утверждает, что со мной разговаривает психолог, которую я нашла для Мел. Странно, что это она вдруг решила обсудить со мной проблемы Мелодии, разве так можно? Но постепенно до меня все же доходит, что разговор идет обо мне. Я и забыла, что у нас с Мел одни проблемы на двоих. Теперь эта дама-психолог хочет помочь и мне тоже, но мне ее помощь нужна только в одном.

— Вы мне очень поможете, если поможете Мелодии, — отрезаю я и прерываю связь.

Снова спускаюсь в подземку. Помню, что Пилдик сказал мне отдохнуть сегодня, но я на такие действия просто сейчас не способна. Не могу все это выкинуть из головы, так что еду в парк, где нашли эту женщину с фотографии, в белом спортивном костюме.

Сама я бы никогда не купила белый костюм, особенно, чтобы бегать по улице, а не для спортзала. У меня бы он уже через пять минут превратился в серый и пятнистый, а оставшуюся часть своей жизни провел на дне корзины для грязных вещей.

Но эта женщина на меня в этом смысле явно не похожа. Так о чем же может говорить этот белый цвет? О мечтательном романтичном характере или о том, что она до педантичности аккуратна и расчетлива? И главное — что в этом цвете увидел ее убийца?

Задумавшись, пропускаю свою остановку, и господин подземки Рольф присылает мне письмо с соболезнованиями. По-моему, это уже как-то слишком. Хотя, может он сожалеет, что я в целом по жизни такая растяпа?

Как только выбираюсь на волю, звонит Мелодия.

— Удалось поспать? — интересуюсь я.

— Да, — отвечает таким голосом, как будто проснулась буквально мгновение назад. — Твой кот на меня странно смотрит.

— Он просто немного удивлен, не привык видеть в своей квартире гостей, — быстро поясняю я.

— Ты помнишь, как Он на нас смотрел? — спрашивает она трагичным тоном. Так и знала, что именно это придет ей на ум.

— Не вспоминай об этом, — прошу я. — Лучше, знаешь, посмотри какой-нибудь

веселый фильм. Пошуруй там, у меня на компьютере должно быть несколько комедий. Пароль — “астролябия”.

— Почему ты выбрала такой пароль? — удивляется Мелодия. — Что это такое вообще?

— Ну прибор такой астрономический.

— Ты увлекаешься астрономией? — не отстает Мел, а мне приходится остановиться, потому что я похоже немного заблудилась. В прошлый раз Пилдик довез меня на место на машине.

— Нет, я ничего не смыслю в астрономии, — говорю я растеряно. — Извини, мне надо идти.

— Ты скоро вернешься домой?

— Не знаю, вряд ли, мне нужно работать. Займись чем-нибудь. И не трогай кота! — вспоминаю в последнюю секунду.

Я брожу по парку в некоторой растерянности. Это не маленький современный парк, плотно втиснутый в четко выверенный городской квартал. Это настоящий кусочек леса, который цивилизация обошла по флангам, прогнула, исковеркала, но оставила жить. Ему пришлось притерпеться к многочисленным дорожкам с разноцветным покрытием для бегунов, пешеходов и самых разных и странных колесных средств, включая автомобили. Зато тянуться из конца в конец этим дорожкам пришлось по его собственным внутренним правилам: петлять, пересекаться и даже подныривать друг под друга с помощью милых каменных мостиков.

Мне приходится потратить на поиски некоторое время, и, вроде бы, такая прогулка — не самое неприятное, что может быть. Однако, кажется, людей в парке сегодня многовато, особенно для разгара рабочего дня и пасмурной промозглой погоды. И это не мамочки с колясками, которых по понятным причинам не видно вовсе. Одного типа я уже повстречала дважды. Он неспешно прогуливается, засунув руки в карманы. Проходя мимо, он пристально смотрит на меня, противно улыбаясь, так словно знает про меня что-то такое, не совсем приличное. Во второй раз чувствую, что он собирается заговорить со мной, так что ускоряю шаг и пролетаю мимо с неприступным видом.

В инстинктивном порыве спрятаться перебираюсь на беговую дорожку, проложенную прямо под деревьями. Судя по всему, я никому здесь сегодня не помешаю. Не успев еще отойти от внезапного и скорей всего не обоснованного приступа страха, уже через какую-нибудь сотню метров вылетаю на то самое место, которое и искала.

Пару минут в полнейшем ступоре просто стою и пялюсь на него.

Ничего не изменилось: это место все такое же мертвое и безмолвное как и раньше. Не понятно, чего я хочу от него.

Оглядываюсь вокруг, размышляя с чего начать. Место это, пожалуй, относительно укромное. Аллею, по которой могут идти люди, отсюда не видно, хотя я точно помню, что она совсем недалеко. Для проверки повторяю свои вчерашние действия. Это тогда, когда я “увидела” убийство, которого на самом деле никогда не было. Здесь небольшой склон, поднимаюсь и почти сразу выныриваю на аллею. Даже сейчас здесь есть люди, а в дальнем конце уже видны дома.

Не самое удобное место для нападения. Конечно, никто не увидит, что делается там, за деревьями всего в двух шагах от дороги. Зато могут услышать, если преступнику не удастся первым ударом оглушить свою жертву.

Пока я стою, мимо меня проходит женщина в подбитой искусственным мехом курточке и на высоких каблуках-шпильках. Она быстро-быстро тараторит что-то себе под нос. Явно говорит с кем-то по телефону, а ее невидимый собеседник сходит с ума, пытаясь вставить в разговор хотя бы полслова. Следом за ней, быстро перебирая длинными худыми ногами, широко шагает высокий мужчина в плаще с высоко поднятым воротником. В руках у него кейс, во взгляде — важная мысль.

Не знаю, что будет, если из-за деревьев послышится сдавленный вопль. Может быть, кто-нибудь из нас, женщина на шпильках или мужчина с кейсом и мыслью или я, поспешим на помощь прямо по весенней грязи, или, может быть, кто-то из нас позвонит в полицию. Мне интересно другое — специально ли преступник выбрал именно это место, или, преследуя свою жертву, решил, что это его последний шанс, прежде чем она закончит пробежку и покинет парк.

Даже не знаю, как мне пришла в голову эта дурацкая идея. Вернувшись обратно к беговой дорожке, я заметила относительно сухой и чистый участок земли и теперь лежу на нем в той же позе, в которой преступник оставил труп женщины. Соответственно, смотрю вверх и сквозь молодую листву деревьев вижу серое пасмурное небо. Ветра почти нет, природа спокойна и безучастна, а от земли тянет могильным холодом. Не трудно представить себя мертвецом, безразличным ко всему, что происходит вокруг, что происходит с его оставленным телом. Больше ничего не имеет значения. Неважна даже причина, по которой так внезапно прекратилась жизнь. Неважен убийца, стоящий совсем рядом и молча взирающий на дело своих рук. Для него все случившееся очень важно, а для мертвеца уже нет. У мертвеца больше нет личности, нет страха и сожаления по оставленной жизни, нет личных счетов к убийце. Убийца склоняется над трупом в надежде увидеть прощение в его мертвых глазах, но мертвецу нет дела до страданий убийцы. И грех этот мертвец ему не отпустит.

Не знаю, действительно ли убийца таким образом рассчитывал умиротворить свою несчастную жертву, но мне от ее имени хочется только вскочить и вцепиться в него с криком: “Какого черта ты это сделал со мной?” Может быть не физически, раз мертвое тело больше не слушается меня, но хоть как-нибудь, найти способ и преследовать его вечно.

— Не хотелось бы отрывать тебя от работы...

Я резко перехожу в сидячее положение, то есть настолько быстро поднимаюсь, насколько позволяет мое окоченевшее тело.

— ...но, боюсь, еще немного и на этом месте образуется еще один труп, — заканчивает свою мысль Гил, с интересом разглядывая меня сверху. — Ну и что там говорят эльфы... или кто там, гномы, духи земли? Они видели преступника? Описание дать смогут?

— Говорят, что вы большой и нахальный и наступили на их дедушку, — ворчу я, с большим трудом поднимаясь с земли.

Гил ругается и пытается пучком прошлогодней травы оттереть ботинок от грязи, в которую наступил, пока вероломно подкрадывался ко мне.

— Шеф велел тебя найти, — говорит он наконец.

— И как вы меня нашли? — удивляюсь я.

— Ну как же, разве ты не почувствовала, что между нами образовалась сильная ментальная связь?

— Может быть ментальное отторжение?

— Да, скорее так, — признает Гил с сожалением, — но к счастью, ты не параноик, так что тебя легко можно вычислить по сигналу личного мобильного устройства.

Это он про мою манжету. Он упорно мне тыкает, а я упрямо остаюсь на вы.

— Сегодня возвращается муж нашего трупа,...через двадцать четыре минуты такси привезет его в холодный пустой дом, — говорит Гил драматично, делает паузу и продолжает уже совсем другим тоном: — В последние две недели он расслаблялся и медитировал в каком-то санатории для особо буйных где-то на задворках вселенной, с которыми нет постоянной связи и прямого сообщения. Нужно добраться до него и опросить. У моей напарницы личные дела, так что шеф велел взять с собой тебя. Заодно прозондируешь, не могла ли его астральная проекция укокошить жену, пока он там сидел в позе лотоса на берегу бассейна.

Должно быть, на моем лице отражается что-то не то, поскольку Гил таращит на меня глаза и восклицает:

— Ну а что? Мы должны отработать все версии!

Издевается в общем, но по существу, могу ли я позволить себе поехать с ним и пообщаться с мужем нашей жертвы, учитывая, в чем состоит моя работа. Верю или не верю, но я взялась за нее и теперь предполагается, что я должна получить всю информацию черт знает откуда, а не из обычных и вполне реальных земных источников.

— Ну или я пойду один ловить нашего убийцу, а ты продолжай ловить цистит, — отвечает Гил на мои сомнения и разворачивается уходить.

С другой стороны некоторые установочные данные все равно должны быть известны, а то ведь информация может пойти из любого временного слоя, и нужно определить, что речь идет о нужном событии, а не... Не грохнуть бы, а то в грязи ноги так и разъезжаются.

Приходится бежать за Гилом до самой автостоянки, одним концом врезавшейся в парк и отделенной от основной его части узкой извилистой речушкой. Он позволяет догнать себя только после деревянного мостика, низко нависающего над быстрым течением. Его машина стоит всего в нескольких метрах.

Милостиво дав мне минутку, чтобы я все-таки смогла уведомить своего настоящего начальника, Гил открывает багажник своего авто и начинает в нем копать, пока я, стараясь выровнять дыхание, набираю номер Пилдика. Выслушав мои сбивчивые объяснения, тот медлит пару секунд и с неожиданным воодушевлением дает добро.

— На самом деле, это замечательная возможность! — Орет он мне в ухо. — Нам не позволяли говорить с родственниками жертв уже очень давно! С тех пор как один мой человек, как они сказали, дал родителям пропавшей девочки необоснованную надежду. Такой скандал был, вы не представляете! Не забудьте включить запись еще до того, как войдете в дом! Видео, если можно. Постарайтесь пройтись по дому, почувствуйте, какие от него исходят вибрации! — И так далее в том же духе. Пока Пилдик говорит, смотрю, как Гил мастерит из листа бумаги кораблик. С ним он выходит на мост, смотрит вдаль, потом встает на одно колено и осторожно опускает кораблик на воду. Течение подхватывает бумажную лодочку и увлекает ее за собой.

Не ожидала от него такого вообще. Отвлечшись, часть инструкций Пилдика я рассеяно пропускаю. Закончив разговор, выхожу на мост и смотрю, как кораблик уносится все дальше, счастливо миновав небольшой порожек.

Русло речушки причудливо извивается среди низких берегов и хорошо просматривается метров на пятьдесят вперед, теряясь где-то вдали среди окутывающих его ветвей. Мы стоим

вдвоем на мостике и некоторое время молча смотрим на удаляющееся от нас маленькое белое пятнышко.

— Как думаешь, доберется он так до того света? — спрашивает Гил, как будто даже на полном серьезе. Голос странный. Может он и хочет меня снова как-то поддеть, но в его интонации что-то изменилось.

— Не доберется, — тем не менее отвечаю я, — вон же, его какая-то женщина подобрала.

Женщину в короткой черной куртке с надетым на голову капюшоном я заметила только сейчас. Она стоит на правом берегу речки у самой воды и держит в руках кораблик. Откуда и от кого он приплыл ей похоже совсем не интересно, в нашу сторону она даже на миг не оглянулась.

Гил вдруг резко поворачивается и, не говоря ни слова, быстро идет к машине. Уже внутри, пока мы едем, он долго молчит. Ведет машину сам, без автопилота и навигатора, и, хотя и кажется, что мыслями он где-то далеко отсюда, ведет уверенно и безошибочно.

Останавливаемся мы в новом капсульном районе, рассчитанном на хорошо образованную молодежь среднего класса. Здесь отрабатываются все самые передовые технологии и идеи в области строительства, и выглядят эти разномастные сложно сконструированные дома, состоящие из разноцветных капсул, словно детский конструктор.

Гил въезжает во двор и останавливается на одном из мест, предназначенных для служебного транспорта.

— У нас еще около минуты, — изрекает он, сверившись с компьютером. То ли человек, с которым мы должны встретиться, только что прислал ему сообщение, то ли его права доступа позволяют ему отслеживать передвижение чужого такси.

Гил постепенно выходит из своего отстраненно задумчивого состояния, его лицо принимает обычное пофигистское выражение, и он улыбается уголком рта:

— Мне нужно напоминать, что производить видеосъемку в квартире потерпевшей может только официальное лицо?

— Не нужно, — говорю я, не смотря на указания Пилдика.

— Аудио тоже нельзя. Если захочешь что-нибудь записать можешь по старинке начирикать инфу в блокнотик.

Да уж, представляю себе эту картину. Прошу мужа убитой говорить помедленнее, открываю перед ним виртуальное окно и калякаю стилусом по воздуху. Или хоть можно инфракрасную клавиатуру развернуть?

— Фотографировать тоже нельзя, даже если Пилдик слезно просил.

— Не нравится он вам? — спрашиваю я, ожидая услышать в ответ какую-нибудь саркастическую ерунду.

— Ну отчего же? — ухмыляется Гил, но его голос черствеет. Такие люди тоже нужны обществу. Для сохранения, так сказать, равновесия в природе. Мы вот ловим и сажаем чокнутых психопатов, это наша работа. А он создает новых. Гармония.

Не успеваю шокировано похлопать ресницами и спросить, что он имеет в виду. Гил уже выпрыгивает из машины, навстречу подъезжающему такси.

Из такси же вылезает достаточно колоритно выглядящий молодой мужчина. Длинная цветастая рубашка свисает с широких мускулистых плеч, на ногах наоборот короткие льняные брюки и что-то вроде пляжных шлепанцев. Длинная борода, крашенная под цвет соломы, и еще более длинные усы. Виски и затылок выбриты, а волосы на верхней части

головы заплетены во множество мелких косичек, уложенных каким-то сложным витиеватым способом в пучок. Густые брови сурово насуплены. Линия рта искривлена в страдальческой гримасе.

Мужчина быстро проходит в подъезд, не дожидаясь своего багажа. Гил несется за ним прямо по газону, я замыкаю. Растерянный чемодан, который только-только успел освободиться из багажного отделения, путается и вместо своего хозяина начинает преследовать меня, как утенок мамочку. Едва успевает запрыгнуть за мной в прозрачную кабину лифта.

Между мужчинами уже успело начаться какое-то подобие диалога, хотя говорит только Гил. Тот же, кого мы поймали на выходе из такси, только смотрит в сторону и иногда едва заметно кивает, но, по крайней мере, не выражает недовольства по поводу того, что Гил обращается к нему по имени Океан. Это довольно редкое имя, так что мы видимо попали на того кого надо.

Между тем прозрачная цилиндрическая кабина движется по направляющим по широкому пролету между этажами и секциями здания. Сначала вверх как обычный лифт, потом в горизонтальной плоскости, заезжает за угол и снова поднимается вверх. Опускаю глаза, судорожно вцепившись в поручень. На панели доступа горит не номер этажа, а номер жилого помещения, так что похоже нас подвезут прямо ко входу, что в принципе удобно. И вообще, кто их знает, может эти квартиры еще и местами могут меняться. Тогда без лифта свою жилплощадь, можно вообще не отыскать.

Кабина останавливается и выпускает нас на площадку с тремя дверьми. Между дверями стена украшена зелеными панелями, из которых растет несколько видов трав, что для глаз очень кстати, поскольку все вокруг либо бежевое, либо прозрачное. Со стороны пролета площадка огорожена метровой высоты перилами. Перевесившись через них, вижу пол где-то очень глубоко внизу. Еще вижу чемодан, по моему примеру высунувшийся в пролет, поднырнув под нижней перекладиной. Вот тут явная недоработка конструкции на мой взгляд.

Океан пропускает нас за собой в квартиру, и застывает посередине комнаты, повернувшись к нам спиной, сцепив руки за головой, смотрит в потолок. Гил спокойно рассматривает интерьер, пока я пытаюсь отцепиться от преследующего меня чемодана. Наконец, тот отключается, повинувшись какому-то моему случайному жесту, и я получаю возможность немного оглядеться.

Пожалуй, все же квартира не намного больше моей, но выглядит просторной благодаря хитроумному горизонтальному и вертикальному зонированию, игре с цветом и, может быть, чему-то еще. Вся мебель очень необычная и, очевидно, мультифункциональная. Назначения некоторых предметов я даже так сходу и не назову, может быть создавать красоту? По крайней мере, выглядит это все довольно любопытно, хотя и не очень уютно. Но если б я была кошкой, полазила б с удовольствием. Вон на тот карниз под пятнистой картиной залезла бы точно.

Тем временем Океан все-таки берет себя в руки и опускается на небольшой диванчик, слишком маленький для его комплекции, что превращает диван в странное вытянутое кресло. Гил усаживается напротив и попадает локтем в питьевой фонтан, который тут же включается. Брезгливо отряхнувшись, он заново начинает разговор, задает необходимые вопросы и, хотя, на мой дилетантский взгляд, делает все правильно, довольно быстро доводит мужчину до истеричных причитаний и слез. Предположу, что причина заключается

в то и дело проскакивающей в его тоне неуместной агрессии к тому, кто совсем недавно узнал о трагической гибели близкого человека. Возможно, также ухудшили ситуацию словосочетания вроде “вы оставили ее одну”, “оставили без связи”, “никак не могли повлиять на ситуацию” и т. д. Если Гил именно этого и хотел добиться, то провернул трюк просто мастерски. Однако, судя по брезгливо-жалостливому выражению его лица, он всего лишь не сдержал то, что и без того кипело у него внутри.

Наверное, из-за того, что внезапно ощущаю приступ жалости к этому вздорному саркастичному человеку, я и нахожу в себе наглость встрять в ситуацию. Собственно, всего лишь предлагаю налить чаю. Океан судорожно кивает.

В кухонной секции чайника нет вообще. Ничего похожего. Есть экран. Включаю, нахожу в списке чай, но эта позиция разветвляется на несколько десятков вариантов. Пережив секундный приступ паники, выбираю запомненный². Раздается мерзкий и резкий сигнал и на стене загорается одна из лампочек. Под лампочкой створка. Подношу к ней руку, створка отодвигается и я быстро выхватываю прямо из недр стены чашку с чаем. Просто чудо! Горячее обжигающее чудо.

Перехватываю чашку за ручку и ставлю ее перед Океаном. Он берет ее в руки и со звуком втягивает в себя ароматную жидкость. Это не дает ему плакать. Вскоре он уже сам говорит о своей жене, благо Гил не встречается и сидит тихо, привалившись к краю фонтанчика. Океан рассказывает, как она приучила его к зеленому чаю и органической пище; как она выбирала чашки для их нового дома и выкинула все старые; как она открыла ему глаза на этот мир и убедила поменять карьеру; что ей приходится сдвигать тумбы, когда она занимается йогой на рассвете; как она организовала идеальный романтический вечер на яхте, где он и сделал ей предложение; что панно у окна, которое она нашла на блошином рынке, загорается всеми цветами радуги при первых лучах Солнца. Его мысли беспорядочно скачут от воспоминания к воспоминанию, и вскоре среди вороха деталей трех лет их совместной жизни вырисовывается яркий объемный образ энергичной и немного властной молодой женщины, которая твердой рукой вела их семейный корабль сквозь океан возможностей в гавань благополучия. Уверенной в себе и крайне организованной..., что объясняет волшебную чистоту ее белого спортивного костюма.

Пользуясь тем, что Океан, если и обращается к кому-то, то только ко мне, Гил строчит что-то на своем планшете. Оторвавшись от работы, он требовательно смотрит на меня и настойчиво приподнимает брови. Выглядит это страшно, так что набираюсь смелости вклиниться в рассказ Океана и вывести разговор на распорядок дня его жены и прочие интересующие нас факты. По-моему, получается неуклюже, но Океану все равно, он говорит охотно, силится вспомнить любую мелочь.

В страхе упустить что-либо существенное, я смотрю на Гила, надеясь, что он подскажет, о чем еще спросить. Он же, не отрываясь от планшета, делает круговое движение пальцем, и я прошу у Океана разрешения осмотреть квартиру и вещи его жены.

Океан вскакивает с дивана с намерением показать все, что нужно. Я тоже встаю, зато Гил кладет ногу на ногу и откидывается назад, принимая удобную позу и явно не собираясь сдвигаться с места. Раздраженно-вопросительно развожу руками. Мне интересно, кто же будет, по его расчетам, снимать? Мужа убитой попросить? Гил другого мнения. Не смотря на собственную речь в машине, он протягивает камеру мне.

— Не очень трясись ей, ладно? — говорит, гаденько улыбаясь.

Ладно, пусть. Трясущимися руками прицепляю камеру к карману куртки.

Океан показывает мне их общую спальню, небольшую ванную комнату. Он немного растерян, изо всех сил желая помочь, но не зная, что именно мне нужно увидеть. Я тоже не знаю, вот в чем проблема.

Брожу вокруг, походу задавая Океану какие-то вопросы. Он отвечает, продолжая говорить о жене в настоящем времени. Мне вообще кажется, что она незримо присутствует здесь и ходит за мной по пятам, не слишком довольная присутствием чужого человека возле ее туалетного столика или рядом с ящичком мелких пророщенных луковичек на подоконнике. Вглядываясь в чужую жизнь, мне и любопытно и стыдно одновременно. А Океан, стоя в стороне, следит за мной со странной надеждой, будто я могу откопать здесь, что-то важное, что позволит его жене воскреснуть.

Ничего подобного я не нахожу. Среди обычных бытовых предметов, лежащих на строго подобранных своих местах, необычным кажется только бумажный буклет на прикроватной тумбочке — благотворительный забег в том самом парке через несколько дней. Мужу она о нем не говорила, продолжала бегать по вечерам как обычно.

В шкафу нахожу второй спортивный костюм, на сей раз салатного цвета с белыми деталями. К нему стоят подходящие по расцветке кроссовки, я беру их в руки — выглядят почти как новые, только на подошве есть едва заметные следы износа. Шнурки на них нежно зеленого цвета, как ростки у луковиц на подоконнике. Они тянутся ко мне, подрагивая и извиваясь, и на мгновение я не вижу в этом ничего особенного. Медленно, но упорно удлиняясь, шнурки пытаются добраться до моей шеи.

Когда вся дикость этой ситуации доходит до меня, кроссовки выпадают у меня из рук. Это очевидным образом нарушает идиллию расстановки обуви в шкафу, так что поднимаю их снова и смотрю на невинные бантики, которыми претворяются кровожадные шнурки. Абсурд, но, пожалуй, на сегодня это единственный “результат” моей деятельности в рамках проекта Пилдика, и он совершенно несоразмерен его энтузиазму. Ставлю кроссовки на место. Из уважения к нашей жертве, даже выравниваю их по одной линии с тапочками и ботинками.

— А белые кроссовки тоже завязывались на шнурки? — спрашиваю у Океана, и тот утвердительно кивает.

Выйдя из спальни, обнаруживаю в квартире нового человека. Заря — родная сестра Океана и приехала забрать его пожить с родственниками. Никакой новой информации нам от нее получить не удастся, и мы прощаемся.

В ожидании лифта, Гил думает о своем и довольно мерзко ухмыляется. Забыв, что решила обращаться к нему на Вы, интересуюсь:

— И что ты собираешься делать с видео, которое полагалось снимать тебе?

— Доложу, что у тебя контакт был лучше, — пожимает плечами Гил. — И вообще, мы находимся в официальном сотрудничестве с шарашкой Пилдика, так что...

— Тогда почему сначала ты мне... — я осекаюсь, — а и нафиг. — Меня больше интересует другое. — А куда делись белые кроссовки? — спрашиваю, заходя в подплывший к нам лифт.

— Какие еще белые кроссовки? — вредничает Гил.

— Которые были на убитой.

— Не было на ней никаких кроссовок.

— Хочешь сказать, она в носках по парку бегала?

— Предположительно, до убийства какая-то обувь на ней была. Но на месте

преступления она не найдена.

— Но мы же только что узнали, что к белому спортивному костюму у нее были белые кроссовки! Со шнурками.

— Да, но муж не видел, что она вышла на пробежку тем вечером именно в них. — Как ни в чем не бывало, продолжает издеваться Гил.

Честно говоря, на этом мне представляется наша убитая в огромных клоунских ботинках, в которых она бежит по парку, высоко поднимая ноги.

— Хорошо, — не спорю я, — но эту неустановленную обувь мог забрать убийца...

— Или, например, другая бегунья, которой кроссовки приглянулись. Или ворона, или... стая ворон. — На этом фантазия Гила иссякает, а наш лифт выпускает нас в подъезд.

— А что еще он мог забрать? У других жертв? — с надеждой спрашиваю я.

— А ты не хочешь поискать ответ на этот вопрос в каких-нибудь высших сферах? — ожидаемо отфутболивает меня он.

— Нет, у высших сфер сегодня профилактическое отключение. Так что?

— Ты чего вдруг такая дерзкая? — возмущается Гил, но у меня есть свой козырь.

— А ты почему наехал на мужа убитой?

— Шарф, ремень, цепочка от кулона, — быстро перечисляет он. — Сам кулон рядом с телом нашли...

— То есть все длинное?

— А кроссовки как же?

— Ну, в них были шнурки.

— Почему не вытащил шнурок на месте? Ладно, предположим, не успел. Но зачем забрал оба кроссовка, но цепочку взял одну, хотя на девушке их было три?

— Не смог расстегнуть? — первое, что приходит мне в голову, хотя вариантов масса, конечно.

Гил предлагает перекусить в небольшом сетевом кафе, которое, не смотря на выдавшийся в этом году необычно холодный май, уже выставило свои столики на улицу. После еды, он подвозит меня до дома и, съязвив что-то напоследок, растворяется вдали.

Поднявшись на свой этаж, вместо Микки я обнаруживаю поджидающую меня под дверью Джил.

— Как долго твоя подруга собирается у нас гостить? — спрашивает она шепотом, едва я успеваю перешагнуть порог.

К своему стыду я совсем забыла о Мел.

— Может быть, она уже пойдет к себе домой? — предлагает сестра.

Вхожу в комнату и вижу странную картину. Мел неподвижно сидит возле окна и смотрит на улицу. Микки лежит в позе Сфинкса на холодильнике и неотрывно наблюдает за ней. Кухонный робот застыл за спинкой дивана, хотя обычно во время простоя он возвращается в чулан и встает на базу. Обстановка напряженная.

Подхожу к Мел и спугиваю с их наблюдательных постов обоих стражей. Не знаю, как к ней подступить.

— Ну как ты? Разогреть тебе что-нибудь съедобное?

— Я уже предлагала, — говорит Джилли нетерпеливо.

Но в этот раз Мел от еды не отказывается. Достая для нее первый попавшийся готовый обед в саморазогревающейся упаковке, для нас с Джил завариваю чай. Сестра с понурым

видом ставит для себя табуретку, и, бросая на меня говорящие взгляды, идет рыться по ящикам в поисках остатков печенья или конфет. Возвращается с ворохом почти пустых пакетов и старается спихнуть угнездившегося на табурете Микки.

Мел ест медленно, микроскопическими кусочками. Минут через десять поднимает на меня глаза:

— Можно я останусь у тебя на ночь? — тихо спрашивает она. Голос слабый, тон просительный и неуверенный, но взгляд острый и внимательный.

Мне от нее не по себе, да и сестра сейчас наверняка мысленно активно протестует, однако отказать не могу. В шкафу должен быть надувной матрас, так что еще одно спальное место у нас есть. Иду в маленькую комнату, чтобы достать его и опробовать, за мной так ненавязчиво следуют и Джил, и Микки.

— Ты не боишься, что она зарежет нас во сне? — шипит сестра. Микки крутится вокруг еще сложенного матраса и издает крайне неприятные звуки.

— Может она и ведет себя немного странно, но лишь потому, что она еще не оправилась от пережитого, — пытаюсь утешать их обоих.

— И это очень сильно заметно, — кривится Джил.

— Пусть так. Почему не поддержать человека? — тихонечко сержусь я.

— Потому что она больная на всю голову! Пусть ее в соответствующем заведении поддерживают. Таблеточками, например.

— Она точно в такой же ситуации, как и я! Меня ты тоже хочешь туда отправить?

— Вот именно, ситуация у вас одинаковая, но ведешь ты себя совсем по-другому!

— А чувствую то же самое!

Джил непонимающе глядит на меня и отступает.

— Но ножи я все-таки спрячу, — шепчет она упрямо.

— Как хочешь! — фыркаю я. — Только не при ней, пожалуйста, — едва успеваю бросить ей вдогонку.

Вовсе не думаю, что Мел может доставить нам какие-то неприятности, но чисто для собственного спокойствия, ну и из соображений гостеприимства хотя бы, устраиваю нашу гостью на кровати, а сама ложусь на матрасе между ней и дверью в большую комнату. Засыпаю необычно быстро и спокойно.

Во сне ко мне снова возвращается осень. Я стою на небольшой прогалине между деревьев. Сквозь их почти голые ветви льется мягкий солнечный свет. Земля сплошь покрыта толстым шуршащим ковром из пожухших листьев. Меня настигает необычное для последнего времени чувство тепла и умиротворения.

С легким сердцем хожу вокруг, с каждым шагом вздымая легкую сладко пахнущую листву. Неподалеку есть кто-то еще, но кто это, я не вижу. Его присутствие меня совсем не пугает, наоборот я бегу к Нему с беспричинной радостью... И тут не меня кто-то не вовремя наступает, и сладкое видение улетучивается из моей головы.

Возвращаюсь назад, но открывать глаза так не хочется! Наверняка это тяжелая тушка моего кота бродит с ночным дозором. Однако, перевернувшись на бок, утыкаюсь носом в его теплый бок и просыпаюсь окончательно.

Возле двери совершенно очевидно кто-то стоит.

Светлая неподвижная фигура похожа на понурое привидение.

Засвечиваю фонарик на самой низкой яркости, чтобы не напугать призрака. Как и

следовало предположить, это Мел в длинной растянутой белой майке. Межкомнатная дверь закрыта, и ручки на ней нет, так что Мел тщетно водит рукой в воздухе. Мне кажется, она все еще спит. Чтобы на обратном пути, она снова не наступила на меня, аккуратно провожаю ее к кровати.

Пока я сижу в машине, мимо проходит женщина. Длинные светлые волосы перехвачены сзади заколкой, бежевое свободное пальто, вокруг шеи обернут темно-зеленый шарф. Уверенный взгляд, быстрая походка, каблуки черных туфель размеренно стучат по асфальту. Я провожаю ее взглядом, понимая, что это Она — женщина для моих фантазий. Внутри растет возбуждение. Я представляю, как догоняю Ее и опрокидываю прямо здесь, на усыпанную пряными листьями траву. Сажусь сверху и хватаю обеими руками Ее горло. Она пытается вдохнуть в себя воздух еще хотя бы раз. Глаза с ужасом уставились на меня.

Фантазии с настоящей женщиной кружат мне голову гораздо больше. Эйфория и чувство всемогущества, это ни на что не похоже!

Я выскакиваю из машины и бегу вслед за Ней. Я не собираюсь ее догонять, просто пойду за Ней. Она и не заметит. Буду идти и думать о Ней. Никто не пострадает, никто не догадается.

Я следую за Ней в парк, сворачиваем на одну из дорожек, сплошь покрытую листьями. Она замедляет шаг. Я замечаю, что вокруг нас никого нет. Мои нервы на пределе. Мне нужно всего несколько минут.

Ускоряю шаг, уменьшая дистанцию между нами. Все так просто, она слабее меня, она не успеет закричать. Даже если вскрикнет, никто не поймет, что случилось. Я успею уйти. Все просто, я могу это сделать. Впервые в жизни.

Подхожу вплотную к ней, и в нос ударяет запах Ее духов. Она чуть поворачивает голову, услышав шаги. Я прохожу мимо.

Быстро иду вперед по дорожке. Потом сворачиваю к озеру. Оборачиваюсь и нигде больше Ее не вижу. Отпустила! В изнеможении опускаюсь на землю, меня всего трясет.

Я мог это сделать — такого ужаса я еще никогда не испытывал! Кипящий котел зла выплеснулся прямо на меня. Поднимаю и смотрю на свои красные обожженные руки.

Когда просыпаюсь в следующий раз, на улице уже совсем светло. Чувствую себя непривычно бодрой и отдохнувшей. Потихоньку выматываюсь из одеяла, в которое так уютно завернулась во сне, и поднимаюсь на локте, чтобы взглянуть на Мел. Свернувшись калачиком, она все еще спит на самом краешке кровати.

Как можно тише выбираюсь в большую комнату, притворяю за собой дверь и вижу застигнутого врасплох кота. Перед этим он хрумкал кормом из своей миски, быстро-быстро, чуть ли не давясь от напряжения, а теперь смотрит на меня большими виноватыми глазами.

— Что это с тобой, дружок? — с удивлением спрашиваю я. Он бросает еду и несется обратно на свой пост у постели Мел. Похоже, Микки чувствует себя обязанным следить за этим подозрительным элементом, вошедшем в нашу жизнь и на нашу территорию.

Джил уже успела неслышно собраться и куда-то уйти. У меня же настолько тихо действовать не получается. Я успеваю только надеть тапочки и найти, куда сестренка спрятала все ножи, когда Мел появляется из спальни.

— Доброе утро, — улыбаюсь я, — завтракать будешь?

Мел выглядит намного лучше, чем вчера. К ее бледному лицу вернулось вполне человеческое выражение, и она больше не похожа на оживший труп. Вместе мы садимся за стол, и я делаю несколько бутербродов, которые она буквально проглатывает. Большая чашка кофе с сахаром и сливками тоже приходится очень кстати. На щеках Мел даже появляется подобие румянца. Кажется, это хороший признак!

Или она зомби, который теперь будет ненасытно пожирать все на своем пути, включая случайно подвернувшихся женщин и котов.

— Что ты собираешься делать сегодня? — интересуется Мел.

Собственно, сегодня Пилдик просил меня приехать в его контору, чтобы обсудить результаты моих вчерашних изысканий и их гипотетическую полезность для его проекта. Но это позже. А до этого мне хочется снова съездить в тот парк, где нашли труп женщины. Я вовсе не собираюсь снова валяться на земле или что-то вроде этого. Не могу выбросить из головы сегодняшний сон. Он был довольно приятным и принес мне отдохновение, но кроме этого заставил вспомнить мой недавний неудачный опыт ясновидения, когда я “увидела” то другое убийство, которого на самом деле никогда не происходило.

Говорят, мысли материальны. На наших курсах по ясновидению в универе этой идее было отведено несколько занятий. Предполагалось, что свой “отпечаток” оставляют не столько сами события, сколько эмоциональный фон, их окружающий. То есть, насколько я могу представить, “запечатлеться” в принципе могло и то, что произошло не в реальности, а только лишь в голове убийцы, но повело за собой сильный эмоциональный всплеск. Конечно, все это на грани разумного (а то и далеко за пределами оно), но я не могу выкинуть эту идею из головы, зато у меня есть несколько свободных часов, чтобы потратить ей.

То самое место нахожу чисто по памяти, и уже теперь ставлю отметку на карте на будущее. Оглядываюсь на Мэл — не смотря на явное улучшение, она все еще боится оставаться одна и молча ходит за мной, спрятавшись в объемную, слишком большую для нее толстовку как в броню. Каждого, кто проходит мимо нас она провожает колючим

неприязненным взглядом. Один из этих редких прохожих случайно ловит этот взгляд и, ошарашенно ступая в сторону, чуть не врывается в фонарный столб. Мэл опускает голову и толи смущается, толи улыбается, я не вижу, но она догоняет меня и дальше мы идем вровень.

Мимо места, где мне привиделось то несостоявшееся убийство, мы проходим не останавливаясь. Идем в сторону, откуда пришла наша “жертва”. Вспоминая детали того, чего на самом деле не было, пытаюсь восстановить ее маршрут. Он шел за ней некоторое время по прямой, значит, на аллею рядом мы не сворачиваем. Было еще светло, но, кажется, начинало темнеть, прохладно, ветер качал ветви деревьев. Она выглядела усталой, но макияж свежий, волосы уложены аккуратно. Идет быстро, еще не успела раскраснеться на ветру. Обувь неудобная, офисные лодочки на каблуке, одета не слишком тепло. Мне кажется, она только что выскочила из офиса, не забыв заново навести красоту. Идти недалеко.

Сверяясь с картой, сворачиваю на выход из парка. Здесь рядом есть небольшое здание, разбитое на миниофисы для индивидуальных предпринимателей и фрилансеров, которые не хотят работать у себя дома. Тихий район, зато машину поставить толком некуда. Рядом конгломерат жилых высоток, у них собственная парковка, но туда посторонних не пустят. Есть велопарковка и недалеко остановка общественного транспорта, если пройти через парк — совсем близко. Где-то здесь он, возможно, и поджидал ее. Или чуть в стороне, чтобы не попасть на камеры из подъезда высотки и у входа в офисы. Вот тут возле пробела в заборе, огораживающего парк, можно стоять хоть до посинения, не вызывая каких-либо подозрений.

Однако имеет ли смысл планировать убийство на короткой почти прямой линии и в далеко не самой безлюдной части парка? Полагаю, нет. А он ведь и не убил ее, он только шел за ней, детально и со вкусом представляя, как мог бы убить ее. Он мог увидеть ее случайно, когда...

— Как тебе повезло, — внезапно подает голос Мэл. — Ты такая стойкая! Можешь спокойно ходить по улице, думать о насущных вещах... а я везде вижу Его глаза, мне все время чудится, что Он смотрит на меня. Даже сейчас. Поворачиваюсь, а там только тени. — Она тревожно всматривается в танцующие на ветру тонкие веточки за оградой парка, беспомощно хватается за мою руку, — посмотри, это же не Он там, нет?!

— Нет, нет, конечно, нет, — пытаюсь ее успокоить и обнимаю за вздрагивающие худые плечи.

— Я схожу с ума, да?! Ведь ты Его не видишь?

— Мне тоже Он мерещится иногда, — признаюсь, чтобы как-то ее подбодрить. — Наверное, просто потому, что и сама никак не могу Его отпустить. Словно хочу как-нибудь *post factum* изменить то, что произошло.

— Да?! Что ты имеешь в виду?

— Мне тоже сложно смириться с тем, что Он со мной сделал. С нами обеими. Пытался за нас счет решить какие-то свои проблемы, низведя нас до положения неодушевленных и безвольных предметов, которые Он переставлял, как ему вздумается. Он смотрел на нас, но видел что-то свое. И я не могу смириться с тем, что Он просто так, походя украл часть моей жизни, а мог по своей прихоти забрать и всю. Даже не видя во мне человека. И это нельзя изменить, как-то заставить Его видеть, потому что Он умер.

— И что ты будешь с этим делать? — шепотом спрашивает Мэл.

— Иногда я представляю, что Он как бы помогает мне. Подсказывает что-то. Как бы в счет того, что сделал со мной.

— И ты совсем Его не боишься больше?

— Он умер, Мэл. То, что Он делал с нами, Ему не помогло. И больше уже ничего не поможет. Та тень, которую ты все время видишь, беспомощна и бессильна.

Она тяжело вздыхает. Мы медленно бредем обратно. Мне нужно посадить ее на автобус, чтобы она поехала на следующую консультацию к своему психологу, что очень кстати, по моему. Даже не знаю, как на нее подействует все, что я наговорила сегодня. Очень может быть, что мне не стоило этого говорить.

Пока идем по аллее, замечаю маячащее справа белое пятнышко. Вглядевшись, понимаю, что это сквозь молодую листву я вижу бегуна. Он или она быстро исчезает из вида, но отсюда с аллеи, я вижу кусочек беговой дорожки, которая здесь, в этом самом месте проходит совсем близко к аллее. Здесь наш убийца мог впервые, случайно, трагично засесть свою настоящую реальную жертву. А потом выследить и там дальше, в стороне убить ее.

Здесь, по этой аллее он может быть каждый день ходит и до сих пор. И может быть, даже работает в том самом офисном здании. Один, по собственному графику, ни перед кем не отчитываясь в своем нахождении.

Как я и призналась Мэл, впереди, прямо на беговой дорожке стоит серая тень. Его тень. Мои ноги сами по себе начинают идти к Нему, я спотыкаюсь, падаю, и мое сознание улетает куда-то ввысь. Я буквально начинаю видеть все откуда-то сверху.

Я вижу женщину, ту самую. Она выходит из офисного здания и быстрым шагом идет к парку. На середине аллеи я стремглав догоняю ее, порывом ураганного ветра сметаю с ног, сдергиваю обвивающий ее шею тонкий шарф и сдавливаю, пока последние капли жизни не покинут ее дергающееся тело. Жгучее удовлетворение ударяет в какие-то глубинные структуры моего мозга, и на этом все...

Оказывается, я все еще лежу ничком на земле. Мэл тормозит меня, и я с трудом перехожу в сидячее положение. Меня тошнит от отвращения, и я не могу понять... прежде всего меня волнует не то, какого черта только что произошло, но то, как и почему я испытала такие противоречивые чувства к смерти другого незнакомого мне человека.

— Девушка, вы в порядке? — спрашивает меня только что подошедшая женщина. Та самая женщина, живая и очевидно даже неподозревающая о своей жестокой гибели, которую я вижу снова и снова.

Ну да, я в порядке. По крайней мере, должна быть.

Манжета разрывается веселой мелодией, глядя как наша несостоявшаяся жертва заходит в офисное здание, отвечаю на звонок.

— Привет, ты дома? — раздается взволнованный голосок Джилли.

— Нет, а что?

— А скоро будешь?

— Через несколько часов только.

— Хорошо, пока.

Ну хорошо, так хорошо. Запихиваю новые воспоминания подальше, поскольку начинаю побаиваться за собственный рассудок. Обдумаю это позже, может быть, обсужу их с Пилдиком. А пока что провожаю Мэл до трамвайной остановки, чтобы отправить ее как посылку на встречу с психологом.

От метро до офиса специалиста ей было бы далековато идти, и я подумала, что посадить в такси ее будет непросто, поэтому выбрала трамвай. Это такая большая штука с автоматическим управлением, которая по идее никак не напоминает автомобиль, в котором Он отвез нас в свой лесной дом. Но у Мэл совсем иное мнение на сей счет. Она начинает

плакать и стонать уже по приближении трамвая к остановке, а сесть в него она соглашается только после моего заверения, что я поеду с нею. При этом мне все равно приходится втаскивать ее внутрь за руку, а она вырывается и ревет как маленький ребенок. Потом всю дорогу старательно прикрываю ее от осуждающих взглядов и какого-то ухмыляющегося придурка, который все пытается снять Мел на видео.

В общем, Мел я доставляю вовремя и сдаю ее с рук на руки психологу, а вот к Пилдику ужасно опаздываю. Спешу, бегу, мчусь и заодно забываю обо всех своих собственных страхах к людям, местам, машинам. Давно надо было попробовать.

Влетаю в офис, а там никого. Компьютер на столе секретаря выключен. Но как же так?

Немного отдышавшись, робко стучусь в дверь кабинета Пилдика. Она чуть приоткрыта, за нею тишина. Мне никто не отвечает, но я все-таки вхожу.

Пилдика на месте нет, но напротив двери сидит мужчина. Он полного телосложения, руки сцеплены и удобно лежат на большом животе. Подбородок опущен на грудь, глаз за круглыми стеклами темных очков не видно. Судя по надетому на него бежевому застиранному свитеру, это, возможно, тот же персонаж, которого я обнаружила в прошлый свой приход сюда лежащим под столом. Иззи, кажется.

Потихоньку присаживаюсь за стол, стараясь не разбудить своего “коллегу”, но он, оказывается, не спит. Медленно поднимает голову и смотрит на меня. Ну или в мою сторону, глаз-то его я не вижу. Меня пробирает нервная дрожь. Становится тяжело дышать. Я так и не решаюсь сказать что-нибудь и отвести взгляд не могу.

— Зачем ты привела его сюда? — изрекает Иззи через минуту пугающего молчания. Голос неприятный, высокий, речь вялая, тягучая. — Того, кто стоит у тебя за спиной! — драматично восклицает он, будто проговаривает монолог на сцене.

— Там никого нет, — на самом деле каждой клеточкой своего тела это чувствую.

— Нет есть, есть! — Иззи встает, со звуком втягивая в себя воздух, и медленно обходит стол. — Он прячется в тени, но иногда выходит, так ведь? Дышит тебе в спину, насыляет кошмары. Его не должно быть здесь! Это ты его выпустила!

Не могу больше сидеть и вскакиваю с места. Иззи оказывается не высок, почти с меня ростом, но явным образом доминирует в комнате. Шаг за шагом он выдавливает меня из кабинета, продолжая тяжело дышать с каким-то неприятным скрипящим звуком, а его мягкое лицо становится все краснее. Из ушей вот-вот повалит дым. Он выглядит и несуразно, и пугающе одновременно.

— Он должен был уйти во тьму, в кипящую адскую тьму, но ты позвала его и он откликнулся! Вот он теперь покуролесит вдоволь! Без тяжких телесных оков, без угрозы возмездия! Вот уж он поиграет, вот уж побуйствует!

Продолжая отступать, пчусь назад мимо стола секретаря, пока не натыкаюсь спиной на дверь, она раскрывается за мной, пропуская меня внутрь, и захлопывается перед истекающим демоническим безумием Иззи.

Стою одна в темноте, лицо горит, колени дрожат. Кровь стучит в ушах. Но дверь будто наглухо отрезала меня от всего того что так лихо напрозорчил этот странный человек, и я постепенно успокаиваюсь и прихожу в себя.

Вокруг стоит глухая тишина, и вдруг я слышу торопливые шаги. В офис входят двое. Постукивание каблучков и женский голос, взволнованный мужской голос удаляется. Похоже, пришел Пилдик и его секретарь. Я делаю шаг вперед и, нашаривая в темноте ручку, пытаюсь открыть дверь, однако она не поддается.

Какого черта? Иззи запер меня здесь?!

Мне удастся хотя бы включить свет и понять, куда же я собственно попала. Это всего лишь небольшая ванная комната, выложенная голубым кафелем. Очень некстати вижу свое отражение в зеркале. Волосы всклокочены, глаза круглые от ужаса.

Ладно, ладно... Успокаиваюсь, деликатно стучусь в дверь.

Мне открывает Пилдик и удивленно смотрит на меня.

— Все в порядке?

— Нет! — решаюсь признаться я, иначе так ничего и не выясню. — Что это за странный человек у вас в кабинете?

— Иззи? — подтверждает мои подозрения Пилдик. — Он вас напугал? Он уже ушел, можете больше не прятаться.

— Я не прячусь, я... — ну да я пряталась, прохожу за шефом в его кабинет, и с подозрением оглядываюсь вокруг, но тот действительно пуст.

— Да, Иззи вполне может напугать, — со вздохом Пилдик садится в свое кресло. — По правде сказать, он очень сильный медиум, но, к сожалению, работать с ним не просто. Если не сказать бесполезно. По всей видимости, постоянная связь с миром духов оказала на его разум самое разрушительное воздействие. То, что он говорит, а говорит он много...но какое отношение это имеет к происходящему понять бывает очень сложно. Иногда получается вычленивать из его рассуждений что-нибудь полезное, но обычно такое впечатление, что говорит он полную чушь, — с неудовольствием признает мой шеф, а я вспоминаю оброненную вчера Гилом фразу, про то, что Пилдик создает новых психов. Может он в чем-то и прав, может этот Иззи просто тронулся умом и его слова — только бред и ничего больше. Но не ждет ли и меня в таком случае нечто подобное? Не останусь ли я в конце концов наедине с Ним в мире своих собственных мрачных фантазий?

Обратно домой доползаю на последнем издыхании, ощущения такие, как будто этот Иззи выпил меня досуха, словно вампир. К счастью, небеспочвенные подозрения на счет того, что Джилли в мое отсутствие снова привела кого-то нежелательного в нашу квартиру, не оправдываются. У порога меня встречают только ее заискивающая мордашка и всепрощающая физиономия кота. Я кое-как добираюсь до кровати, по дороге избавляясь от одежды, и отрубаясь напрочь, несмотря на солнечный свет, ласково сочащийся сквозь окно. И домогающийся всеми способами внимания Микки не может меня разбудить.

Просыпаюсь от тяжелого муторного сна, когда на улице еще или уже светло. Манжета утверждает, что сейчас пять тридцать с чем-то там утра. Голова чугунная, на спине лежит кирпич. При попытках перевернуться на бок, с третьего раза кирпич соблаговолит слезть с меня и устроиться на подушке.

В поисках животворящего кофе бреду сквозь туман и трясину болотную, изливающуюся из моей головы, и каким-то чудом выбираюсь к чайнику. Кипячу, завариваю, наливаю, и вот он, мой спаситель, в руках моих трясущихся. Подношу горячую кружку к губам и оборачиваюсь.

— Приветтики, — встает с разложенного дивана большой голый человек, одновременно натягивающий на себя трусы. Узнаю в нем Пала только по огромной татуировке во всю грудь.

Ну и какие могут быть приветтики от стремного мужика в наколках, оплачивающего своего пребывание в постели моей младшей сестры?! Джилли снова куда-то подевала ножи,

поэтому хватаюсь за сковородку. К сожалению, современные технологии сделали из нее совершенно бесперспективное орудие убийства, так что сковорода сама чуть ли не в трубочку сворачивается от страха, однако Пал все же предпочитает ретироваться из квартиры, по дороге подхватывая раскиданную одежду.

— Можно хоть штаны надеть? — интересуется он, пятясь в коридор.

— Можно, за дверью! — выталкиваю его из квартиры и вдогонку кидаю оброненный им кроссовок.

Уже на лестничной клетке Пал спокойно запихивает ногу в штанину и вдруг смотрит на меня и говорит:

— А хочешь, я разберусь с ним? Ну с тем, кто это сделал? — и кивает на меня, а я только сейчас осознаю, что вышла из своей комнаты в одном нижнем белье, так что все глубокие ссадины и порезы, так и оставшиеся на моем теле уродливыми шрамами, оказались выставлены на показ. — Ты только имя назови...

Ну а что... Произношу Его имя первый раз в своей жизни. Пал, видимо, видел это имя в новостях, поэтому молчит, так и застыв в одной штанине на ноге. Я просто захопываю дверь.

Неожиданно, но приключение в парке благотворно сказалось на моем самочувствии. Напряжение спало, я снова ощутил вкус к жизни. До сих пор мои небольшие фантазии позволяли мне понемногу стравливать сжигающее меня изнутри зло, только в этот раз я полностью, одним махом очистился от всего, что накопилось во мне. Ядовитый пар ярости и отчаяния нагревал мой мозг и отравлял душу, а теперь я начал выздоравливать и крепнуть.

Я стал легче, уверенней в себе, и даже на днях позволил себе поспорить с женой о будущем цвете обоев в гостиной. Она хотела сдержанности, а мне теперь хочется больше цвета!

Боюсь, что София не ожидала от меня такого. Сейчас она сидит одна в нашей спальне — толи обиделась, толи думает, как теперь быть. Но в этот раз я первый не сдамся. Я понял наконец, почему Она из моих кошмаров стала примерять лицо жены.

Я никогда особенно не нравился девушкам. Я всегда был тихим, застенчивым и незаметным. Только София заметила меня, разглядела в толпе первокурсников, и этого для меня оказалось достаточным. Я влюбился в ее внимание ко мне, в ее терпеливое ожидание моих запоздалых и неуверенных действий. Это она выбрала меня и несколько лет осторожно вела к цели. Это она познакомила меня с собой, она приглашала себя на свидания, она поженила нас через год после окончания университета. Я был счастлив тем, что получаю от Софии желаемое, но именно она делала так, чтобы я желал то, что получаю.

То что я наконец просек эту ее игру со мной — грандиозный прорыв! Об этом кричало мне мое подсознание! Теперь я свободен, свободен окончательно. Я свободен от женщин, которые все как одна стремятся руководить каждым моим шагом. Моя тетка подавляла меня открыто и мощно, как бульдозер. Моя жена элегантно и даже нежно, исподволь. Но все женщины одинаковые!

Глава 6

— Доброе утро, есть тело! — бодрый голос Ги́ла из наушника.

— Какое тело? — не врубаюсь я.

— Расхреначенное, приезжай и сама посмотри, кровищи море, жесьть! И поскорее, трупик совсем свежий, его неприкаянный дух еще витает где-то рядом.

Оказывается, что ехать надо на окраину города, идти через какие-то гаражи, распаханые ремонтными работами дворы и лезть через ограждение, потому что я явно заблудилась, но мне не хочется возвращаться обратно. Перебравшись через него, съезжаю в лужу, которая оказывается ямой, и иду дальше с одной ногой по колено в грязи, а другой по колено мокрой. Уже на подходе в меня больно врезается человек в наглухо надвинутом на лицо капюшоне.

Когда добираюсь, наконец, до Ги́ла, отбитый бок болит безумно, а нога замерзла и отваливается.

— Ты в порядке? — спрашивает он сразу.

— Будешь тут в порядке, — ворчу, — забрались черт знает куда.

— Как только мы поймаем убийцу, я его лично заставлю перед тобой извиниться, — с сарказмом обещает Ги́л.

— Ну почему нельзя немножко поворчать, — канючу я, пытаюсь вернуть на место ребро, которое по ощущениям пытается из меня выпасть. — Кто там? — вытягиваю шею. Отсюда мне почти ничего не видно, а Ги́л так неудобно встал, что мешает подобраться хоть чуть-чуть ближе. — Там же мужчина, и не задушенный, да?

— Нет, его забили до смерти, а после смерти побили еще.

— И как это связано с предыдущем убийством? Зачем ты меня позвал? Зачем ты сам здесь?

— Ну вообще-то у нас не одно дело, знаешь ли, — пожимает плечами Ги́л. — Сегодня утром позвонил твой коллега, Иззи, — это имя он употребляет с нескрываемым отвращением, — и поведал нам великое откровение. Ты знала, что в отличие от тебя этот чувак ясновидит во сне? Дрыхнет себе на рабочем месте, в тепле и от кухни недалеко. Удобно.

— Ясно, — бурчу я, вспоминая, как первый раз увидела туловище под столом. Оказывается, Иззи там работал.

— Что за имя вообще такое? Уменьшительно-ласкательное от чего? Иззи-шиззи. Шизофреник?

— Не знаю, возможно.

— Короче, мониторит он мир во сне, а во сне все не так как на яву, правильно? Так что проснувшись, формулирует он свои видения в очень образной, неявной форме. Может, ты прояснишь, что этот придурок хотел сказать? Пока сама такой не стала.

— И что же он сказал?

— Паучье жало нанесло удар, сразил лося он наповал, — Ги́л смачно гыкает.

— Откуда у паука жало? — задаю я глупый вопрос.

— Полагаю, изначально его у него не было, — наморщив лоб, отвечает Ги́л. — Анатомически было не предусмотрено. Поэтому ему пришлось найти эквивалентную замену на месте. А именно некий тупой предмет, которым было нанесены множественные удары в

область головы и торса. Не советую смотреть, качественные удары, лицо аж вдавлено в череп. — Осаживает он меня назад.

— Разве жало не должно быть острым?

— Ну уж какое нашел.

— То есть убийство было спонтанным?

— Вряд ли. Видишь ли камера, оглядывающая это место своим недремлющим оком, оказалась демонтирована грубым бескультурным образом всего за полчаса до происшествия. Зато другая камера на том вот доме зафиксировала, как наша без пяти минут жертва срезает свой последний путь на работу через стройку. Как и каждый божий день почти в одно и то же время с понедельника по субботу. Само место преступления с нее не видно. Прекрасные условия для засады.

— А почему упомянут лось, у жертвы могучее телосложение?

— Не сказал бы. Возможно, природой оно и предполагалось, но офисная работа внесла коррективы. Так что скорее речь о ветвистых рогах. Надо будет уточнить у его жены. Ну так что? Сможешь вступить в контакт с новообразованным привидением? — Гил снова оседлал своего любимого конька и поехал рысью. — Спроси его, где он будет гулять, когда стройку достроят. Все-таки по бумагам здесь предполагается дошкольное учреждение, детишек жалко.

— Ты не даешь мне подойти, как я могу с кем-то проконтактировать? — фырчу в ответ.

— Не могу пустить, могу дать галстук. Он уже запакован, так что на, смотри. — Гил тычет мне им в нос, как собаке, словно рассчитывает, что я сейчас возьму астральный след, и мы быстренько пойдем и возьмем убийцу прямо на квартире, отдыхающим после ратных подвигов. Галстук похож на грязную жалкую тряпку, от которой так и разит смертью. Не в смысле запаха конечно. — Почему-то его сняли с тела и бросили в паре метров от него.

— Интересно, — я перестаю корчить недовольные рожи и плююсь на испачканный в крови и грязи галстук с большим подозрением. — Его сначала взяли, сняли с изувеченного тела, но потом бросили. А ничего больше не пропало?

— Полагаю, на нем не хватает брючного ремня.

— А шнурки есть?

— Нет.

— Тоже забрали?! Вместе с ботинками?

— Нет, — повторяет Гил. — Не было на нем шнурков. Ботинки на нем какие-то такие, не помню, как называются, без шнурков короче.

— Значит, кто-то сначала промучался, чтобы снять с него галстук, отошел, но потом вспомнил про ремень и решил, что лучше возьмет его, чем эту грязную тряпочку.

— При этом не вспомнил про кейс, манжету, — встрял Гил, — ботинки тоже не плохие, хоть он и не брезговал в них по грязи ходить.

— Значит, они ему не подходили.

— Для чего?

— Как сувенир не подходили. Кто-то магнитики собирает, кто-то колокольчики, фантики.

— Я бы лучше собирал деньги.

— А ему нужно было что-то другое. То, что именно он коллекционирует.

— Ну, если этот труп относится к той серии, на которой сидит Иззи...

— Не относится, — резко качаю я головой, — он относится к той же серии, что и

девушка в парке. Убийца забрал у нее шнурки!

— Ага, — кивает Гил. — То есть тот наш убийца, который сначала душил зрелых женщин за пятьдесят, потом молодых женщин от двадцати до тридцати, теперь перешел на мужчин. Ну, нормально, бывает. Но с чего ты взяла, что его интересовали именно шнурки, если он забрал оба кроссовка?

— Ну... — протянула я, вспоминая хищно потянувшиеся ко мне шнурки из шкафа нашей бегуни.

— А чего из тебя кровь течет? Напоролась на что-то?

— На кого-то, — только сейчас удосуживаюсь посмотреть на свой большой бок, а там длинный глубокий порез и рука, которой я пыталась “поставить на место” свое ребро, вся в этой противной крови, — по дороге сюда на кого-то наткнулась.

— Сможешь опознать его по ауре?

— Да пошел ты!

— Пошли вместе, — на сей раз кротко улыбается Гил и тянет меня за руку.

Дверь в квартиру открывается еще до того, как я подношу манжету к сканеру. На пороге появляется Джилли и пытается смотреть на нас как бы свысока, для пущей убедительности встает на носочки.

— Ты привела в дом мужчину? — спрашивает она строго, прищурив один глаз.

Я прямо спиной чувствую, как Гил позади меня скабрёзно усмехается, одновременно рассматривая мою сестру.

— А он не мужчина, — бурчу, проходя в квартиру. Микки сидит на проходе и недовольно заглядывает за меня, мониторя, кто там заявился на его территорию на этот раз. Не стоит ли сразу не мешкая выгнать его взащей?

— Протестую, могу представить все необходимые доказательства обратного, — подшучивает Гил, проходя за мной, и позволяет коту обнюхать себя и магазинный пакет. О да, ты не ошибся, в пакете взятка! Благосклонность Микки, возможно временная, но моментально завоевана. Однако моему бдительному охраннику все же необходимо провести тщательный досмотр провезенного через порог багажа и он не сводит с него взгляда по всему пути его следования.

— Ты как так поранилась?! — восклицает сестра, как только я стаскиваю с себя ветровку. Вообще-то мою не смертельную рану так хорошо обработали и перевязали, что я уже и думать забыла о ней, но на футболке расплзлось огромное пятно.

— Ерунда, — отмахиваюсь и спешу в спальню переодеться. Одной царапиной больше, даже если останется шрам не важно. Все равно в открытом купальнике мне больше не ходить.

Пока Гил выкладывает продукты на стол и открывает многочисленные маленькие баночки и упаковки, Микки все деловито обнюхивает и осматривает. Не суетится и не выпрашивает — знает, что и так все предложат и все дадут. Джилл тоже перестает искать свою куртку и заинтересованно подходит поближе. То, что выбрал Гил для нашего маленького домашнего застолья, мы с ней по большей части и не пробовали никогда. Не то чтобы совсем не могли себе позволить, но в нашей семье никогда никому не приходило в голову тратить совсем не лишние деньги на дорогую еду, когда есть дешевая.

Алкоголь Гил также предпочитает элитный. Увидев на столе бутылку, я отхожу в сторону, чтобы позвонить Мэл. Не помню, когда мы общались в последний раз. Назойливые

звонки прекратились слишком внезапно и мне тревожно. Ответа нет. Оставляю ей сообщение и возвращаюсь к столу.

— Она приходила сегодня утром, — вдруг сообщает Джил раздраженным голосом. — Хотела остаться, хотя я и сказала, что тебя нет, и неизвестно когда будешь. Я ее выгнала.

— Выгнала? — повторяю за ней, с ужасом представляя, как это могло отразиться на Мел.

— Скажите ей, что так нельзя! — обращается сестра к Гилу. В ее голосе звучит недовольство и немного отчаяния.

— Перестань! Он даже не знает, о чем ты говоришь! — прерываю ее.

Гил даже и не порывается что-либо сказать, спокойно раскладывает снедь по бутербродам.

— Она присосалась к Бэт как пиявка, — продолжает жаловаться Джил, игнорируя мое возмущение. Я по инерции снова одергиваю ее, но теперь впервые замечаю, как она расстроена. Замечаю признаки все той же растерянности, беспомощности, которая так близка мне. Сердце щемит от раздирающего чувства тоски, но я не знаю, как все это исправить. Она всего лишь хочет помочь мне, но мне, кажется, не нужна ничья помощь.

Этот разговор как-то удается замять, и мы садимся кушать. Гил стойко делает вид, что не заметил уродливого момента нашей семейной истерики. Наскоро сжевав несколько бутербродов, Джил убегает из квартиры к одной из своих подруг, оставив нас вдвоем, и он распечатывает бутылку.

Только наполненный стакан я выдуваю одним махом, не дождавшись подходящего повода. Не чувствую ни малейшей горечи, водка пролетает как вода.

— Еще? — спрашивает Гил и подливает мне, хотя и совсем чуть-чуть, как будто боится, что я сопьюсь прямо тут, у него на глазах. — По-моему, твоя сестра права.

— В чем? — непонимающе гляжу на него.

— В том, что ты зря свалила на себя проблемы этой девчонки. Вам обеим от этого будет только хуже.

— Ничего я на себя не взваливала, — бурчу я и морщусь. Эти несколько капель, которыми он меня удостоил на этот раз, стоят всего предыдущего стакана.

— Не хочу принизить ваши переживания, но то, что с вами двумя случилось, довелось пережить не вам одним. С некоторыми вариациями, конечно. Это я к тому, что если у вас появилась иллюзия, что вы теперь одни в целом мире можете друг друга понять, и что поэтому обязаны повсюду ходить за ручку и скорбно взирать на этот мир из-за свинцового щита, то это все бред. Есть люди, которые помогут этой твоей Мел, ты не обязана вешать ее себе на шею.

Не могу удержаться и не представить себе эту милую картину. При этом мы с Мел почему-то похожи на двух героинь аниме с огромными глазами, выглядывающими из-за тяжелого металлического круга, который мы с трудом катим по дорожке, а он все время кренится, обещая раздавить нас обеих нафиг.

Гил наливает мне совсем уж мизерную порцию, но после моего печального вздоха добавляет еще. Все-таки катить свинцовую дуру, не заправившись хорошенько, невозможно.

— Значит, ты все знаешь о Нем? — уточняю я, с интересом обнаружив, что незаметно порядком захмелела.

— Ну почитал кое-что, — сознается Гил. Толи левый, толи правый. Толи тот, что по серединке.

— Стыд-то какой, и как нам теперь общаться?

— Да ладно, — ухмыляется Гил, — у нас у всех есть свои страшные грязные тайны.

— Может быть, но твоих-то я не знаю.

— Уверена? Скажи еще, что никого не видела там, на реке.

Пытаюсь пошевелить размякшим мозгом. Как по заказу из памяти выплывает очень яркий образ девушки в капюшоне с бумажным корабликом Гила в руках. Только мне кажется, она была всего лишь очередной галлюцинацией.

— Помнишь, ты тогда сказала, что какая-то девушка, подобрала мой кораблик? — напоминает Гил. Он уже и сам успел набраться, смотрит куда-то мимо меня и говорит. — Но это только ты ее тогда увидела. Для меня этот маленький паршивец просто накренился и затонул. Полагаю, это была Нина. Она любила пускать кораблики в этом месте. Мы с ней какое-то время встречались, потом начали жить вместе, но недолго. Она ушла от меня к одному козлу, а он оказался еще большим ничтожеством, чем я. Вот в чем состоит мой грязный секрет! Каждый раз после работы я еду смотреть на окна их квартиры. Сажу в машине и смотрю, пока в них не погаснет свет, как распоследний маньяк. Представляю, что могло бы быть, если бы я не был таким мягкотелым и не отдал бы ее ему. Просто не отпустил, когда она уходила.

— Нины уже нет в живых? — спрашиваю я, когда он замолкает. Вообще-то, я хотела только подумать об этом, но похоже сделала это в слух.

— Ее тело выловили из реки, — кивает Гил. — Я не сразу ее узнал, когда увидел. То есть вообще не узнал, только когда просканировали ее идентификационный имплантат, все понял.

— Ее убил этот новый мужчина?

— Нет, но он ее не уберег. И за это мне хочется оторвать ему голову. Каждый раз едва сдерживаюсь. Каждый день.

В дальнейшем в этот вечер Гилу удастся выместить немного своего гнева. К ужасу благоразумного Микки, который тщетно пытается нас остановить, мы выходим на улицу и, взяв такси-автомат, едем к Гилу, находим коробку с памятными вещами, оставшимися от их с Ниной недолгого сожительства, и сжигаем их на улице. На розжиг идут остатки второй бутылки, то есть совсем чуть-чуть. На дым подъезжает робот-полицейский, которому от Гила и достается. Правда, его корпус и без того уже кем-то поврежден, так что, бить калеку он все же не решается, только отмахивается и кричит. Поэтому в камере нам ночевать все же не приходится, и мы возвращаемся ко мне. Воодушевленные нашими успехами в борьбе с внутренними демонами, мы быстро оказываемся в постели.

Я несколько раз встречал и провожал Ее через парк, но больше ни разу не удалось мне остаться с Ней наедине. Всегда кто-нибудь оказывался в пределах видимости: старик, гуляющий с собакой, мамаша с ребенком, две женщины, вполголоса обсуждающие какие-то неурядицы на работе. Никто не обращал на меня внимания, и я мог спокойно брести за Ней, а большего мне было и не нужно. И все же преследование без ощущения, что у меня есть возможность, есть несколько минут безграничной власти над Ней... отсутствие этого ощущения не давало мне того шквала эмоций, что я чувствовал в первый раз. Наоборот, я возвращался домой разочарованным и разбитым.

Мне необходимо придумать что-то еще, найти безопасное место. И время — я не могу позволить себе свободно передвигаться по городу, столько и когда мне нужно. У меня

абсолютно нет времени для себя. Стоит мне уклониться от оговоренного с женой маршрута моей жизни, и Софи учинит мне допрос. Все время, свободное от моей постылой и скучной работы, она уже распланировала. Она владеет им безраздельно. Мне нужно выгадать себе время.

Просматривая газеты, я понял, что основной вопрос, раздирающий наше общество — это поиск оптимального баланса между порядком и личной свободой. Каждый хочет чувствовать себя защищенным — с одной стороны, с другой — никто не хочет, чтобы за ним следили двадцать четыре часа в сутки. Даже если следят бесчувственные и беспристрастные роботы. Действительно, в последнее время люди стали все трепетней относиться к своим данным, хотя еще во времена моего детства без малейшего страха вываливали в сеть всю возможную личную информацию, вплоть до своего настроения в данную конкретную минуту. Сейчас же они не хотят, чтобы в какой-нибудь базе оказались даже их вкусы или предпочтения. Они хотят сохранять анонимность в кафе, магазине, спорт центре, салоне красоты. Не говоря уже о барах и клубах. Некоторым кажется, что лучше рискнуть быть ограбленным на улице возле дома, чем дать кому-нибудь возможность узнать, сколько раз ты наведывался в бар по соседству. Поэтому серьезные бои ведутся чуть ли не за каждую устанавливаемую видеокамеру. И эта борьба подробно освещается в прессе.

Таким образом, мне потребовалось провести небольшое исследование, но я достаточно быстро смог выбрать несколько подходящих зон для моей охоты. Достаточно безопасных, где я мог бы спокойно выслеживать своих жертв, не привлекая особого внимания.

Не перестаю напоминать себе, что все это лишь фантазия, и все будет происходить не взаправду. Небольшая ролевая игра для успокоения нервов. Никто не пострадает на самом деле и мои жертвы никогда не узнают, что играли в моем театре. Только так я могу заставить мою совесть молчать, а мое сознание не ужасаться моим действиям и планам. Лишь получать удовольствие от их неслыханной дерзости, направленной наперекор обществу, и от осознания, что это я, Я делаю это!

Надо мною лишь черное ночное небо с точечками звезд. Луна в вышине кажется слишком большой и близкой. Редкие облака медленно проплывают мимо, задевая ее диск. Плыву и я. Замечаю это только тогда, когда Луну от меня заслоняет старый мост. Средний его пролет совсем провалился, и опоры слепо тычутся в небо.

Мост проходит над моею головой и остается позади. Привстаю на локтях, чтобы проводить его взглядом. Оказывается, я лежу на небольшом плоту, плывущем по течению не слишком широкой реки. Я вижу берега, до них как будто совсем недалеко, но никого и ничего не могу на них рассмотреть, они сливаются в один сплошной черный цвет.

Мой плот напоминает дверцу шкафа из моей квартиры. Его несколько не качает, ни единого всплеска в полнейшей тишине. Переворачиваюсь на живот и смотрю в воду. Поверхность кажется совсем ровной и спокойной. Ни единого блика от Луны, словно ее вообще нет над нами, а свет идет откуда-то из глубины.

Я опускаю голову все ниже, всматриваясь в тени под водой. Со временем они становятся все четче, и вот мне уже кажется, что это тела людей, привязанные за ноги к каким-то грузам на дне. Их руки свободны и подняты вверх. Они колышутся как водоросли на дне моря. Нет сомнений, что они все мертвы. Чем дольше я пытаюсь их рассмотреть, тем

ближе они ко мне.

От воды идет тошнотворный металлический запах, и я больше не могу терпеть. Поднимаю голову, но в этот момент чья-то рука достигает поверхности, судорожно пытается за что-нибудь уцепиться и наконец хватается за мою протянутую ладонь. Я тяну его на себя, пытаюсь вытащить утопленника к себе на плот. Его рука холодная, почерневшая и склизкая на ощупь. Секунду назад она твердо сжимала мою кисть, но вдруг совсем потеряла хватку и безжизненно повисла. Я продолжаю тянуть, но кожа под моими пальцами рвется и расползается, обнажая гнилую плоть.

Понимая всю бессмысленность моих попыток спасти мертвеца, я отпускаю его, но он не отпускает меня. Его мертвые пальцы по-прежнему смыкаются вокруг моей ладони, и невидимый в черной воде груз тянет меня вниз. Мои силы быстро угасают. Тяжесть мертвого тела стягивает меня с плота. Рука уже по плечо в воде и я с трудом удерживаюсь, чтобы не окунуться с головой. Свободной рукой я торопливо пытаюсь отцепить от себя утопленника, а он уходит все глубже. Хватаю последний вздох, плот накреняется и опрокидывает меня в воду.

Вокруг меня десятки мертвых тел. Вздувшиеся, обезображенные, в ошметках одежды. Они все привязаны к чему-то, скрывающемуся в черной глубине, и все же они как будто смыкают ряды вокруг меня. Они становятся все ближе, так близко, что могу их коснуться. Все еще пытаюсь оторвать от себя первого мертвеца и его пальцы наконец поддаются, возможно попросту оторвавшись от кисти. Он исчезает в темноте, а я, вдруг оказавшись на свободе, гребу вверх, туда где сквозь мутную воду я вижу огромный лунный диск. Но десятки рук впиваются в меня и тащат обратно. Вырываюсь из последних сил, тянусь вверх, но все что вижу теперь это расплывающиеся лица мертвецов со всех сторон.

Последний отчаянный рывок позволяет мне проснуться. Я все еще чувствую удушье и могильный холод, а тело еще несколько секунд продолжает бороться за жизнь, все больше запутываясь в одеяле. Высвобождаюсь и сердито скидываю его на пол. Ощущение, что мой разум жестоко и неумолимо затягивает в пустоту, уходит самым последним. Чтобы прийти в себя, смотрю на мой жизнеутверждающий плакатик на стене. На самом деле просто таращусь на стену. Никакого плаката там нет, и я в растерянности. Кому пришло в голову его снять и зачем?

Постель рядом со мной пуста, очевидно, Гил ушел ночью по-тихому, не разбудив меня. Вошедший в комнату Микки, вскочив на кровать, ее презрительно обнюхивает. Цепляет когтями мятую простыню и тащит. Интересно куда: в стирку или просто выкинет в окно?

Встаю, чтобы не мешать ему наводить порядок, и выхожу из комнаты. Стол перед окном сияет чистотой, а жаль. Это значит что, кухонный робот дисциплинированно убрал все следы наших вчерашних посиделок, так что сегодня что-либо найти будет очень трудно. Например, место кружек по его инструкции находится на полке над мойкой, а не непосредственно рядом с чайником. Ну ладно, не такая уж эта беда, но бесит ужасно. Тем более что моей кружки с нарисованными на ней маленькими лупоглазыми мишками на полке нет. Рядом с чайником нет, и на столе явно нет. В комнате образцовая чистота и порядок, а моя любимая кружка как испарилась. А я как маленький ребенок хочу пить свой утренний кофе именно из нее, а не из какой-то там идентичной ей любой другой кружки. Роюсь в мусорном ведре, когда на манжету поступает вызов.

— Прости, что так ушел, — извиняется Гил, хотя я не вижу причин для этого, — но у

тебя я так и не смог заснуть. Сколько лет твоему коту? — спрашивает он неожиданно. — Лет пять назад я пристрелил одну мразищу, никогда не забуду этот его взгляд перед тем как мы начали палить друг в друга. А ночью этот взгляд был у твоего кота. Я узнал его, когда он склонился надо мной в полутьме. Могу поклясться, у него в лапе был нож! Он спрятал его куда-то, когда понял, что я не сплю и все вижу. Проверь под матрасом!

— Не может быть, на этот случай мы от него все ножи прячем, — в тон ему говорю я, но все же подхожу к двери спальни и проверяю, как там Микки. Он уже содрал простыню с половины кровати и теперь увлеченно дербанит темную тряпочку на полу — полагаю, забытый Гилом носок. Перехватываю у него это ценное имущество при попытке смыть его в унитаз.

— Давай захвачу тебя по дороге, — предлагает Гил. — Тут, говорят, свидетель нарисовался. Уверен, что ерунда, но надо съездить.

Автопарковщик находит нам место и даже любезно пытается нас сам на нем припарковать, но Гил рычит и бьет по его виртуальной лапе, не давая перехватить управление. Дело в том, что найденное парковочное место слишком далеко от пункта нашего назначения. А Гил хоть и смирился, по его словам, с необходимостью каждое утро пробегать пять километров по соседнему стадиону, но он решительно не готов пройти то же расстояние по служебной надобности. Это ему морально претит. Так что, выразив автопарковщику свое недоверие в неофициальной форме, он делает круг по кварталу и находит-таки, где приткнуться.

Я вылетаю из машины и оглядываюсь вокруг, чтобы убедиться, что ничего не путаю. Сердце стучит от беспричинной радости. Мы на той самой небольшой парковке возле парка рядом с тем самым офисным зданием, где по моим расчетам может работать наш убийца.

— Откуда столько восторга? — скептически интересуется Гил, выбираясь из машины вместе с термостаканом с кофе.

Сама не знаю ответа на этот вопрос, но во мне поселилось странное чувство близости к разгадке. Мне кажется, что прямо сейчас я стою на том самом месте, где стоял наш убийца, когда впервые увидел свою первую жертву. Ну да, ту которую он так и не убил, но это такие мелочи. Такое ощущение, что если я сейчас сойду с места, то смогу пройти по его следам и увижу его где-нибудь за углом, находящимся в полном раскаянии и готовности сдать компетентным органам. Чушь конечно, но...

На радостях, я рассказываю Гилу о нашей с Мел вчерашней вылазке и женщине в шарфе. Это информация приводит его в полнейший восторг, но совершенно противоположный моему. Он смеется и издевается надо мной всю дорогу до гигантской новостройки на противоположной стороне улицы. Может и заслужено, но он меня так злит, что мне удается случайно прищемить его дверью подъезда.

Пока поднимаемся на этаж, успеваем помириться, поэтому на площадку выходим уже спокойные и незлые. Но Гил звонит в квартиру и нарывается на грубое:

— Кто такие?!

Мы удивленно переглядываемся и осознаем, что внизу по домофону слегка ошиблись номером. Однако нас все равно впустили и, видимо, где-то еще нас сейчас сосредоточенно ждут.

Гил снова представляется и показывает удостоверение, но допрос продолжается.

— Как вы проникли в подъезд?! Мне обещали, что этот электронный замок невозможно

взломать! Куда смотрит так называемая квалифицированная круглосуточная охрана? За что я деньги плачу?!

Гил признает, что нам удалось проникнуть на этот особо охраняемый объект благодаря сугубо непредосудительным связям с соседями, и в результате соседи оказываются прокляты вплоть до седьмого колена и заочно приговорены к отправлению в дурку.

Потом нас все-таки запускают в квартиру.

— Плохое начало, давай уйдем? — шепчет Гил, проходя по темному пахнущему чистящим средством коридору. Мне и самой хочется удрать, но нельзя же просто развернуться и уйти, так ведь?

Хозяйка квартиры проводит нас на кухню и к нашему удивлению начинает многословно и громогласно жаловаться на трубы, которые шумят.

— А мы к этому какое отношение имеем? — недоуменно спрашивает Гил.

— Вы госслужащие! Вашу зарплату платят из моего кармана! Я плачу вашу зарплату! Вы обязаны решить мою проблему!

— Вы за этим нас позвали?! — повышает голос Гил.

— А что мне оставалось? Я уже обзвонила все ваши чертовы госконторы и никто ничего до сих пор не сделал!

— Хорошо, ваша взяла! — рычит Гил. — Сейчас я решу вашу проблему с трубами! Только схожу к машине за топором и сразу решу!

Под непрекращающиеся крики и обвинения мы выкатываемся из квартиры. Дверь с грохотом захлопывается за нашей спиной, и мы возвращаемся к лифту. Гил красный как помидор и под определенным углом кажется, что у него из ушей реально валит пар. Он заваливается в лифт прямо через начавшие расходиться в стороны дверцы, а вот я не могу. Стою, уставившись на что-то впереди себя, и не могу сойти с места.

— Ты чего?! — еще не успев отойти от встречи со “свидетельницей”, грубо рявкает Гил.

— Я не могу ехать на лифте, — невнятно лепечу я, силясь хотя бы моргнуть.

— А на чем ты можешь ехать?

Пропускаю вопрос мимо ушей. С трудом поднимаю руку и указываю на место в лифте рядом с Гилом.

— Ты Его видишь?

Я вижу Его. На самом деле я не знаю, как Он выглядит, поэтому черты Его смазаны, но я абсолютно уверена в том, что это именно Он и никто другой. Он стоит и не двигается, не растворяется в воздухе, не маячит неясной тенью, не мерещится где-то на границе бокового зрения. Он стоит передо мной, так же как стоит Гил.

— Не вижу, — раздраженно вздыхает последний. — Но кто бы там не стоял, ты тоже поместишься. Здесь есть ограничение только по весу.

Пячусь назад. Гил фырчит, но тоже выходит. Всю дорогу по лестнице он недовольно топает за мной.

— А это что? — с интересом останавливаюсь у двери на тринадцатый этаж. В отличие от остальных она заперта и на ней нет застекленного окошка.

— Технический этаж, — бурчит Гил.

— И что там?

— Трубы всякие, оборудование, хрен знает что. Эти современные многоквартирные дома, чем только не напиханы, ты сама живешь в чем-то подобном.

— И кто-то за этим всем следит?

— Наверное, наведывается периодически. Следить можно и дистанционно. Полагаю.

— Ясно.

— А что?

— Не знаю. Но это место находится прямо напротив.

— Напротив места, где любит рефлексировать наш убийца? — скептически уточнил

Гил.

— Напротив места, где он часто бывает. Может быть, он занимается обслуживанием какого-нибудь установленного здесь оборудования.

— Ну, наверняка так и есть. Раз нас призрак на эту чертову лестницу погнал. Призраки же врать не будут, — закатил глаза Гил и, бросив меня, стал дальше спускаться по ступеням.

— Рядом с местами других убийств есть похожие жилые дома? — побежала я за ним.

— Конечно, есть, они везде есть, — ворчит Гил, не останавливаясь. — Точечная застройка. Хотя какая точечная с такими махинами на миллиард человек? Скоро между этими монстрами проруют туннели и пустят метро.

Я и в своем собственном доме не рискую войти в лифт. Топаю пешком шестнадцать долбанных этажей. Но на один единственный рывок у меня силенок не хватает. Иду медленно, останавливаясь передохнуть чуть ли не каждые несколько пролетов. Только последние несколько этажей пролетаю, едва задевая ногами ступеньки. Я слышу плач Джил.

Нет, она не рыдает навзрыд. Тихонечко хнычет, пытаюсь смыть краску с двери в нашу квартиру. Большими уродливыми буквами на ней кто-то оставил глумливую надпись. “Шлюха”. И она ни фига не смывается.

— Они как-то узнали, — хлопает носом сестра.

— Кто?

— Соседи.

— Тебе кто-то что-то сказал?

— Нет! — рычит она сквозь слезы. — Но разве не очевидно?

— Можно узнать точно, кто это был, на этаже есть камера.

— Пофиг, — Джил, насупившись, ковыряет краску ногтем. — Кто бы ни был, он прав, ты же знаешь. Просто, я думала, никто не узнает.

— А прав в чем, собственно?! В том, что лезет не в свое дело? В том, что считает себя вправе судить других?!

— Не трудись, — отмахивается Джил. — Все это просто сотрясение воздуха. Мы все друг друга осуждаем, и нам всем от этого больно.

Она уходит обратно в квартиру, а я пинаю дверь в бессильной ярости. Теперь на ноге три пальца болят, а толку?

Надпись мы все-таки смываем в четыре руки едреной жидкостью для снятия лака, а письмо в нашу охранную фирму я отсылаю потихоньку, пока Джил, закрывшись в ванной, продолжает рыдать при включенном душе. Отослав, представляю, как я скидываю этого безымянного человека, который посмел стать причиной ее слез, с лестницы. Стыдно, но чертовски приятно.

Сначала я обратил внимание на бары и клубы, потому что из них возвращаются домой поздно, но достаточно быстро понял, что Она такие заведения не посещает. После работы она идет на языковые курсы. Я вспомнил о них, потому что у Софи возникает желание

заниматься изучением языков каждый раз, как мы смотрим какой-нибудь иностранный фильм. Такие есть в здании напротив, я могу провести тщательный отбор, не вставая со стула.

После работы в маленьком магазинчике, где не шпионят за своими клиентами, я купил игрушечный пистолет и еще какую-то ерунду. Так в моем счете по карте будет только общая сумма, потраченная здесь, не равная цене игрушки.

Я выслеживал Ее всю неделю. Даже не шел за Ней, а смотрел с безопасного расстояния. Выяснял маршрут. Даже эта подготовка доставляла мне удовольствие, давала заряд бодрости на весь следующий день.

А сегодня просыпаюсь и вдруг понимаю, что сделаю это. Выхожу на кухню, целую жену завтракаю, отвечаю на все ее вопросы. Выходя из дома, забираю пистолет из тайника. Уйдя пораньше с работы, заезжаю за тортом, как велела Софи. Оставляю машину у здания мини-офисов как всегда, а до Нее добираюсь на автобусе. Встречаю Ее на маршруте, Она точна. Все идет абсолютно, как я планировал. Мне кажется, что какие-то злые силы сконцентрировались вокруг меня. Они помогают мне и расчищают мой путь. Когда Она добирается до намеченного мною места, рядом с нами больше никого нет. Как тогда, осенью, в парке. Я толкаю Ее в темноту.

— Молчи, и я не трону тебя, — слышу я себя. Угрожая пистолетом, отвожу Ее подальше от дороги. Я сплошной нерв, ощущаю Ее страх всем телом. Она, трясась, еле-еле стаскивает с себя манжету и кольцо.

— И цепочку, — говорю я, улыбаясь. Она что-то блеет в ответ, то есть, на шее у Нее ничего нет. Я, будто не веря ей, тянусь к ней, срываю шарф, машинально запихиваю его в свой карман. Через несколько минут все уже кончено.

Ее кольцо я забираю с собой, манжету оставляю.

По дороге закидываю кольцо подальше в снег. Там его еще долго не найдут.

Возвращаюсь к машине в безмятежном спокойствии и удовлетворении. В этот раз вышло лучше всего. Чувствую, что живу и живу не зря. Фантазия оказалась такой мощной и яркой, что я до сих пор ощущаю ее каждой клеточкой своего тела.

Забираюсь на водительское сидение и ощущаю странную тяжесть в своем левом кармане. Некоторое время сижу неподвижно, не в силах поднять руки. Дверца машины так и остается распахнутой.

Чертов шарф — настоящий реальный пахнувший духами шарф — так и свисал из моего кармана всю дорогу, пока мое сознание упорно не замечало очевидного! Ужас от осознания пронзает меня насквозь.

Первая мысль — срочно сейчас же немедленно избавиться от него! Но вторая — только так, держа этот шарф в руках, я не теряю сознание, только так я понимаю, что натворил. Если выброшу его, никогда не найду в себе сил признать, что все это — страшное, мерзкое, смердящее потом и страхом и тошнотворными Ее духами — все это произошло в реальности! Стоит мне избавиться от шарфа и я обо всем забуду, и может быть это даже было бы хорошо и милосердно к моим издерганным нервам, все равно ведь ничего уже не исправить, но тогда, боюсь я потеряю контроль и никогда уже не смогу отличить фантазию от реальности и затеряюсь во мраке.

Не знаю, что и думать, что делать, куда бежать. Звонок с номера Мел, глухой шепот, и я едва ли что-то могу разобрать. Вроде она сказала “Он здесь” или мне послышалось. Теперь она не отвечает.

Несколько раз порываюсь позвонить Гилу, но всякий раз меня что-то останавливает. Наконец, принимаю решение и еду к ней на квартиру.

Никогда раньше здесь не была, даже не помню, откуда у меня ее адрес. Обычный спальный район. У подъезда лавочка. Сидящий на ней мужчина подозрительно косится на меня, пока я стою у домофона. Полагаю, не без причины. Наверняка, видок у меня тот еще. Старая толстовка, темные круги под глазами, нечесанные волосы и затравленный взгляд. Вообще-то он тоже не в театр одет, но он здоров, он спокоен и он у себя дома. Его рот презрительно искривлен и собирается окликнуть меня, но я уже проскальзываю в подъезд и, захлопнув дверь, бегу к лифтам. Еще мгновение и я в кабине, снова бухает дверь, но я уже еду наверх. Бдительный жилец остается со своими подозрениями внизу.

Кстати, не помню, чтобы мне кто-нибудь ответил по домофону, замок просто разблокировался и все. Это мог быть кто угодно, надеюсь, Мел.

Возле ее квартиры горит зеленый огонек. Насколько я знаю, он гореть не должен. Он должен мигнуть лишь раз при разблокировке входной двери по ключу. Неуверенно тяну руки, и створки распашной двери раздвигаются в стороны. Запах.

Множество запахов давно не проветриваемого помещения. Словно Мел отключила вентиляцию и ни разу не открывала окна. Пахнет сыростью и чем-то протухшим.

— Свет! — срывающимся голосом говорю я. — Мел! — зову я запоздало.

Но впереди меня все также темно и никто не откликается. Свет не включается ни единым известным мне способом, я даже пытаюсь нашарить механический выключатель на стене, но дверь захлопывается за моей спиной, и я остаюсь в кромешной наичернейшей тьме.

Не могу подавить в себе ощущение, что я снова в Его подвале, из которого невозможно выбраться. В глубине сознания я понимаю, что выход есть и совсем рядом, стоит протянуть руку и дверь снова распахнется. Но тело не слушает, оно в панике. По щекам льются слезы, ноги ватные, воздух, такой спертый и смрадный, с трудом проходит в легкие.

— Мелодия! — зову я, возможно, только про себя. Кажется, с перепуга я оглохла. Ни единого звука не доносится до меня. Лишь тихонько звенит в ушах.

Вокруг все та же тишина, и непроглядная тьма, в которой Он оставлял нас ждать своего прихода. Как отворялась тяжелая металлическая дверь — неожиданно, без какого-либо предупреждения — мы еще слышали, но его осторожные шаги по мягкому полу, его выверенные неспешные движения... Кое-что удавалось слышать. Эти звуки, когда он проверял свои инструменты, должно быть, подстегивали его воображение. Нам же они не сулили ничего хорошего. А потом, когда он делал с одной из нас то, что ему нравилось, медленно, долго, чувствуя себя в полной безопасности, вторая, хоть уже и могла понять в какой части комнаты он находится, но не могла дотянуться до него, не могла ни придушить, ни ударить его цепью, на которой сидела.

Маленькими шажочками на все более подкашивающихся ногах двигаюсь вперед. Они просто отказываются нести меня. Еще чуть-чуть и останется только ползти.

Каким-то образом ощущаю пространство вокруг, где совсем глухо там стены. Пустота колеблется, звенит. Так я прохожу через дверной проем в комнату и добираюсь до окна. Оно на ощупь задраено плотной тканью, ее края приходится отдирать от стены. Содрав ногти в кровь, иступленно дергаю за освободившийся кусок, штора валится на меня и глаза ослепляет свет. Не яркий, но такой желанный. Проморгавшись, смотрю на манжету, которая тоже могла бы дать мне свет, но я о ней совершенно забыла. В подвале у меня ее не было.

Его в комнате нет, и не могло быть. Вокруг царит беспорядок, вещи валяются на полу вперемешку с банками и упаковками от продуктов. Мел я замечаю не сразу, она лежит на боку среди всего этого безобразия и, хотя свет падает ей на лицо, она не реагирует. Сажусь рядом и трогаю за плечо, никакого ответа.

Лодыжки и запястья Мел туго стянуты полотенцами. На лице запекшаяся кровь. Манжета находится рядом, экран разбит.

— Мел!

Она, не моргая, смотрит в мою сторону, но взгляд фокусируется где-то за моим плечом. Я знаю, что там никого нет, и не собираюсь оборачиваться. У меня больше нет никаких моральных сил, даже на то, чтобы бояться.

— Мел, что же ты с собой делаешь? — шепотом спрашиваю я.

Она еле заметно качает головой.

— Он здесь, — шепчет она.

— Никого здесь нет, — качаю головой. Я никого не вижу. Полотенца стянуты так, как можно было бы сделать и самой. В ванной комнате разбитое зеркало со следами крови. Ей что-то привиделось на нервной почве, вот и все. А может, ей хочется внимания. Психологу ее позвоню, но уже утром. Сейчас слишком поздно звонить ей на работу.

Не знаю, как еще помочь. Прибираюсь в квартире и выношу целую гору скопившегося мусора. Ну и остаюсь на ночь.

Психолог пришла прямо на дом и сменила меня. Не сомкнув глаз всю ночь, теперь я еду домой. Мел никак не прореагировала на мое прощание, она лежит на кровати и смотрит в пустоту.

Выхожу из ее квартиры с самым тягостным чувством. Мел совсем плохо, и что я не делаю, похоже, делаю только хуже. Впрочем, я и сама такая же. Приходит лифт и на мгновение зрение подводит меня. Я вижу Его, взирающим на меня жадным взглядом из-за раскрывающихся створок лифта. Еще секунда и морок рассеивается, и на его месте вижу вжавшегося в стенку незнакомого человека, инстинктивно прикрывшегося портфелем и с ужасом вылупившегося на меня из-за стекол очков.

А я страшна в своем страхе! Со стыда готова провалиться сквозь землю, но до нее еще пятнадцать этажей, которые преодолеваю бегом по лестнице.

Вернувшись домой, слышу шум воды в душе. Надеюсь, Джилли моется там одна. Ну, по крайней мере, никаких мужских одежд вокруг не набросано. По дороге к компьютеру отмечаю, что у нас, в сущности, с приездом сестры теперь не намного чище, чем у валяющейся в депрессии Мел. Сладкоежка Джил повсюду оставила следы своего пребывания в виде оберток от батончиков и конфет. Кухонный робот почему-то никак на них не реагирует, хотя должен бы.

На почту пришло очень странное письмо — ответ от охранной компании. Суть ответа в

том, что запись с камеры, установленной на нашем этаже, вполне себе существует, но у них к ней нет доступа! Вроде того что автоматическая передача данных на сервер компании по некой необъяснимой причине была приостановлена. Запись должна сохраниться на домашнем сервере, но помещение, в котором этот сервер находится, располагается на техническом этаже нашего дома, и по еще одной необъяснимой причине они не могут туда попасть. На настоящий момент охранная компания тщетно пытается связаться с управляющей компанией. Но сама камера работает и благодарность мне за оказанное доверие, и все такое! Ну елки палки!

Собираясь сохранить это замечательное письмо, обнаруживаю, что жесткий диск забит какой-то ерундой. Это фотографии. Множество фотографий обычных женщин на улице или в помещениях магазинов или салонов красоты. Женщины на первый взгляд разные. По возрасту где-то от двадцати до пятидесяти. Пролистываю бесчисленное количество этих странных изображений, пока не наткнулся на фотографии Джил. Кто-то следил за ней: идущей по улице, сающейся в машину, в машины мужчин...

Подтверждение того, что Пал был не единственным “клиентом” моей сестры, меня не трогает. Ну или не так трогает, как проявленное к ней внимание со стороны очередного психа, который так или иначе имеет доступ к нашему компьютеру, а может и в наше жилье.

— Джил! — воплю я не своим голосом и мчусь в ванную.

Шумит пущенная в душе горячая вода, но там никого. Зеркало над раковиной запотело, и на нем проступила корявая надпись из четырех букв: “сука”. И в ней я вижу Его отражение за своей спиной.

Зеркало разбивается, и осколки летят прямо мне в лицо. Поднимаю руки и отступаю на шаг назад. Оступаю и плюхаюсь в тазик с веселенькими желтыми утятками. У меня в глазах темнеет, словно опускается занавес над этой нелепой сценой.

Когда тьма вокруг меня вновь расступается, я сижу в тазике, повсюду стекло и потеки крови. Душ выключен, на полу сухо, как будто его и не включали.

Сижу в тазике с порезанной рукой, плачу от боли и ржу как ненормальная. Капец просто!

А еще имею наглость что-то не то думать о Мел! Сама хороша! Галлюцинирую на пустом месте! Очевидно, что никто не включал воду в душе, никто ничего не писал на зеркале и не прятался за моей спиной. Никаких странных фото в компьютере тоже наверняка нет.

Кое-как выбираюсь из тазика и с каменным безразличием выхожу из ванной, не боясь, что кто-нибудь из осколков зеркала мстительно вонзится мне в ступню. Так и есть, место на жестком диске опять свободно. Ничего не было.

Однако я не могу, просто взять и забыть очередное странное видение, сославшись на причуды воображения и усталость. Я знаю, это Он преследует меня повсюду, ухитряясь одновременно мучить и Мел. Он, Его призрак, реален он или нет, постепенно сводит с ума нас обеих, так что дело не в моей новой работе. Нам с Мел каким-то образом необходимо покончить с нашим общим прошлым, и мне ничего лучшего не приходит в голову, как поехать к Нему и спросить лично, какого черта Ему от нас все еще нужно. Где находится тот домик в лесу, я не знаю и не представляю, как бы я могла это узнать, зато адрес, по которому Он провел свое детство, где-то на общедоступных электронных просторах, я помню, был.

Я сконфужен. Просмотрел все мыслимые новостные порталы, но нигде нет ни слова о

происшествия в парке, как будто ничего и не было. Выхожу из маленькой темной комнатки, где обычно сижу, пока капает мое рабочее время, и пробираюсь в укромное место, где на трубах развешаны мои трофеи. Хотя трофеи, по-моему, слово неудачное. Эти вещи отнюдь не свидетельствуют о моих победах, они лишь связывают меня с теми событиями, которые настолько выбиваются из размеренного течения моей обычной жизни, что мозг отказывается считать их произошедшими на самом деле. Временами мне действительно кажется, что эти эпизоды — лишь порождение больной фантазии той травмированной части моего я, которое я всю жизнь пытаюсь загнать поглубже. Закрывать в дальней темной комнате, как нелюбимого и нежеланного ребенка. Нет, я не считаю, что так можно поступать с детьми, какими бы они ни были. Но иногда я представляю свое внутреннее пространство, как квартиру с множеством комнат. В каждой живет кусочек моей личности, достаточно автономный, со своими желаниями и надеждами. И в самой дальней комнате без окон живет маленький мальчик, похожий на меня в детстве, забытый всеми, жалкий и худой. Он все время плачет и боится, ведь кроме него в этой комнате есть большой стенной шкаф, из-за дверей которого постоянно слышатся шорохи и шипение.

На одной из труб, как доказательства произошедших по Ее воле преступлений висит тонкая золотая цепочка, вязанный женский шарф и прочие предметы, при взгляде на которые сердце пронзает острая боль. Там же, связанные узлом, я вижу шнурки от кроссовок. Они твердо свидетельствуют о том, что эпизод в парке был на самом деле, а не приснился мне. Значит, тело уже должны были найти, но почему-то никто не говорит об этом. Такого не может быть! Нигде ничего. Сейчас каждая собака ведет собственный блог, документируя каждое самое незначительное событие, но никто не удосужился написать об убийстве молодой женщины в популярном и далеко не безлюдном месте? Это что, общественный заговор?

Я еду в парк. Большая ошибка, я знаю. Но невозможность прочитать о случившемся, посмотреть на произошедшее чужими глазами, прочесть в них осуждение и неприятие моего поступка, мучит меня настолько, что еще чуть-чуть, и я пойду и сдамся властям. Этот груз невозможно выносить.

Не знаю, о чем я думал. Это место даже не огорожено, мимо то и дело пробегают люди. Они пыхтят, потеют и смотрят только вперед или себе под ноги. На них майки и обтягивающие тело штаны, а я стою в пальто и шапке и пытаюсь слиться с деревом. Тело все еще лежит на земле, его плохо видно с дорожки, не смотря на то, что одето оно в яркий белый спортивный костюм. Правда, он сильно испачкался, и я чувствую за это свою вину. За это и еще за то, что ей пришлось пролежать здесь всю ночь, а ведь было холодно. За то, что ее никак не могут найти. Как только я это допустил? Если бы я положил ее всего лишь на метр ближе.

И как мне теперь все исправить? Самому сообщить о теле? Проблема в том, что я не уверен, что мое анонимное сообщение окажется таким уж анонимным. Разумнее, наверное, все же сообщить от собственного лица и придумать, каким образом я здесь оказался.

Теперь я стою в толпе зевак, но нас оттеснили довольно далеко и практически ничего не видно. Я пытаюсь разглядеть хотя бы белое пятнышко сквозь деревья, но внезапно натыкаюсь взглядом на человека, снимающего собравшихся людей. Меня прошибает холодный пот. Полагаю, сейчас вот здесь все и закончится. И я готов к этому. Мысленно начинаю подбирать слова. Как объяснить им, зачем я все это сделал? Как так получилось?

Как сказать, чтобы они поняли? Дадут ли мне возможность объяснить?

Такое чувство, что у меня на лбу горит огромное клеймо. Я последний раз оглядываюсь вокруг, на весенний пробуждающийся лес, голубое небо с перьями облаков. Жду, когда ко мне подойдут, выхватят из толпы и скажут: “Довольно, это ты, нам все известно”. Должно быть, странно, но меня охватывает облегчение. Я словно птица, в распоряжении которой все небо мира.

Но время идет, и никто ко мне не подходит. Меня вновь опутывает липкой паутиной, скрывающей меня ото всех, в том числе от возмездия. Боюсь оглянуться. Паучиха стоит за моей спиной и победно хохочет.

Джилли с независимым видом проходит мимо меня с только что наполненной до краев чашкой кофе и садится за монитор. Ставит локти на стол и, не отводя взгляда от текста, крутится на кресле, чуть в одну сторону, чуть в другую. Она не знает, куда я собираюсь ехать, и не собирается спрашивать. И даже смотреть в мою сторону. Она выглядит расслабленной, но я кожей чувствую напряжение. Как будто отношения между нами — это теперь тонкая ниточка, которую она боится порвать. Я тоже боюсь. Самое инстинктивно правильное сейчас — это молчать: не спрашивать и не рассказывать.

Но все же не могу же я просто взять и уйти, уйти надолго, не сказав ни слова сестре. Надо сказать хоть что-то. Попрощаться. То есть не попрощаться, а сказать что-то вроде “до свиданья”, “до вечера”.

— Когда ты вернешься? — ни с того ни с сего спрашивает Джилли, так и не обернувшись ко мне.

— Не знаю, вечером, — мямлю я. — А ты что будешь делать?

— Схожу с Нелли куда-нибудь, — небрежно пожимает плечами сестра. Нелли — одна из ее старших подруг. Подруг у нее вообще очень много. И в нашем родном городке, и здесь уже, и повсюду. Куда бы она ни пошла, везде кого-нибудь да знает. Они как секта, тайная и всепроникающая сеть подруг.

Встаю и неуверенно топчусь в прихожей. Сама не знаю, что меня подняло, но, по крайней мере, звонок домофона я воспринимаю почти спокойно. Это приехал Макс, в голосе скрытое раздражение. Не ясно почему — это ведь была его идея подвезти нас.

Мел стоит в моей спальне возле окна. Кисти рук спрятаны в рукава толстовки и прижаты к груди. Так она и идет за мной. Микки провожает нас сидя в дверях.

В лифте Мел начинает заметно потрясывать, она смотрит на меня исподлобья взглядом затравленного зверя. Я старательно это игнорирую, никакого смысла вновь ее утешать нет. Все же чувствую себя жестокосердной, поэтому спрашиваю:

— А что твой психолог сказала о нашей поездке?

— Я ничего ей не говорила, — неожиданно признается Мел. Смотрю в сторону — я бы тоже не сказала, но удивлена, что этого не сделала она.

Вижу Макса прямо на выходе из подъезда, он поставил машину так близко, как только возможно. Он открывает перед Мел заднюю дверь, но она шарахается от него так, что чуть не сбивает с ног идущего по тротуару мужчину. Мы с Максом синхронно рассыпаемся в извинениях, но прохожий так удивлен, что никак это не комментирует, а лишь ускоряет шаг.

Смушенная, Мел буквально влетает на заднее сиденье машины. Я сажусь на переднее, рядом с Максом и мы трогаемся. Автопилот он не использует и сосредоточен на управлении, когда ему приходит чей-то вызов. В его односложных ответах незримому абоненту снова слышится раздражение, на сей раз гораздо более явное.

— Это Инга, — как только вызов завершен, поясняет Макс, волнуясь. — Эта женщина звонит мне каждые пять минут. Рисуетя перед друзьями, делая вид, что безумно занята чрезвычайно важным делом. На самом деле Кай дал нам абсолютно бессмысленное задание.

— Но тебе все же нужно его выполнить, — начинаю нервничать я. У меня нет никакого желания портить карьеру друга, отвлекая его на свои ментальные изыскания.

— Не думаю, что Кай еще помнит о том, что приказал нам сделать. У него снова

полный комплект подчиненных, так что мы с Ингой теперь просто мешаемся всем под ногами.

— Но Инга-то сделает свою часть задания, — напоминаю я.

— А, ну да, — хмыкает Макс. — Ничего, сделаю завтра.

— И будешь выглядеть плохо на ее фоне, — не унимаюсь я. Лихорадочно прикидываю, как доехать общественным транспортом и как запихнуть в него Мел, не доводя ее до истерики.

— Это мои проблемы, — одергивает меня Макс. — Я сказал, что отвезу вас, и не спорь со мной! — В конце фразы его голос дрогнул, но его окрик заставил меня замолчать. Оборачиваюсь и вижу, что Мел испуганно вжалась в сиденье. Мне тоже не по себе.

Теперь и такая малость может вывести меня из равновесия. Напомнить, что все вокруг меня на самом деле не такое, как я думаю. Мой милый уступчивый друг может взбрыкнуть и сделать все по-своему. Он сам решает, как поступить, я не несу ответственность за его жизнь и ни за чью другую жизнь, и, следовательно, не могу контролировать их и их воздействие на меня. Я ничего не могу контролировать. Так и должно быть. Совершенно несправедливо желать контролировать других людей, мне должно быть стыдно за такой порыв, но вместо этого мне очень страшно.

Всем неловко, так что далее, за всю дорогу, мы обмениваемся всего парой фраз. Наконец, на навигаторе высвечивается конечная точка нашего путешествия. Мы въезжаем на тихую улочку с вереницей почти идентичных частных домов. Ухоженные и милые, рассчитанные на семьи с детьми и средним достатком.

Машин вокруг нет, людей тоже. Макс проезжает всю улицу до конца и аккуратно паркуется возле последнего дома. Приехали.

Мы молча сидим в машине и разглядываем дом через окно. Сейчас он представляет собой большой контраст с добропорядочной идиллической округой. Его передняя стена сплошь исписана ругательствами и угрозами, стекла побиты, на входную дверь плеснули красной краской. На лужайке впереди валяется всякий мусор, стащенный, наверное, со всей округи. Похоже, соседи как смогли, но выразили свое презрение.

— А что если Он здесь? — раздается сзади замогильный голос Мел.

— Он мертв, — напоминаю я, но при этом меня пробирает дрожь.

— Ты не можешь знать наверняка.

Я знаю. То есть мне сказали, что Его застрелили во время штурма, но я не видела Его мертвым. Когда нас с Мел выводили на улицу, то набросили что-то нам на головы, так что можно было видеть только пол под ногами, но ничего вокруг. Я спрашивала, что же такое нам не дали увидеть, но ответа не получила. Наверное, если б после трех недель под землей я бы могла еще что-то чувствовать, я бы поняла и без слов. Но в тот момент, люди, неожиданно возникшие вокруг меня, казались просто очень уставшими и злыми.

В следующий момент я уже стою на крыльце и пялюсь на красную лужицу внизу. Замок выломан, так что остается только поднять руку и толкнуть дверь, но краска повсюду, и она слишком похожа на кровь. Должно быть, по задумке автора она и должна напоминать о ней.

— Мы все-таки не должны... — голос Макса откуда-то издалека.

Толкаю дверь кроссовкой и вхожу, то есть делаю единственный шаг через порог. Передо мной очень узкий коридор, такой узкий, что я вряд ли смогу протиснуться. И как только Он смог втащить меня по нему в свой дом?

Пришлось ударить себя по лбу, сильно, иначе бы мозги не встали на место. Это другой

дом! Не тот, в подвал которого Он затащил меня с плотным и душным мешком на голове. Где тот, я не знаю. А в этом Он жил с матерью и сестрой. В этом доме Он чудовищем не был. По этому коридору он никого не тащил.

Самый обыкновенный коридор, нормальной ширины. Выкрашенные светло-лиловой краской стены, по бордюру орнамент из фиалок. Встроенный шкаф с зеркальной дверцей. Слева вход в белоснежную кухню, справа очень светлая гостиная, через которую можно выйти в небольшой ухоженный дворик и гараж на две машины. В задней части дома еще три жилые комнаты, просторный чулан с терминалами для домашних роботов. Все обычно и по-человечески, разве что только очень пусто.

На то, чтобы как следует осмотреться, уходят минуты. В Его доме не осталось ничего мало-мальски личного. Из мебели и техники — только то, что встроено и при продаже идет в комплекте со стенами. И то, часть системы управления домом выкручена из стены и там зияет ничем не прикрытая дыра. При этом в одной из спален стоит остов кровати без матраса и объяснений.

Должно быть, во время поспешного переезда, вскоре после того как некий доброжелатель опубликовал в сети этот адрес, Его мать и сестра вывезли отсюда абсолютно все. И не из сентиментальных соображений, надо полагать. В сети ведь можно продать что угодно, любую мелочь из дома человека, который за последние восемь лет замучил и убил семнадцать молодых женщин. Ах, нет же! Пятнадцать.

Но может еще и шестнадцать будет. Мел все же зашла внутрь, преодолела этот настораживающий каждую клеточку тела коридор и теперь сидит в углу гостиной, прямо на голом полу, и смотрит в окно. Или на окно. Оно выходит во дворик и осталось целым. На стекле большими черными буквами из баллончика Его любимое слово. “Сука” Вообще-то Он повторил его при нас всего лишь три раза, но и это запомнилось, так мало Он успел нам сказать. Не знаю, стоит ли пытаться ее отвлечь. Мертвенно бледная, с безжизненным немигающим взглядом очень светлых глаз и безвольно откинутой головой, она похожа на привалившийся к стене труп. Пытается ли она переварить случившееся или же собирается заикнуться на нем и остаться навсегда в том дурацком темном подвале?

Макс топчется у входа, не смея нарушить закон вторжением на частную собственность. Хотя там-то как раз, снаружи, он хорошо виден всем соседям. Услышав приближающуюся по улице машину, он все же делает выбор и перепрыгивает через порог. Правда еще остается его собственный автомобиль у обочины, но тот смотрится не так подозрительно, как взъерошенный парень, нервно мнущийся на крыльце дома серийного убийцы.

Еще раз уже внимательней прохожу по помещениям. Не знаю, что мне делать с этой пустотой, она ничего мне не говорит. Хотя бы изнутри дом изгажен не так сильно, как снаружи. Возможно, внутрь решилось войти не так много “мстителей”, как буйствовало на улице. Хоть так.

Интересно, кто были эти люди?

Он измывался над нами так долго, но у меня до сих пор не возникло и тени желания громить здесь все и поганить. У Мел, похоже, тоже. Надеюсь, она хотя бы отомрет в ближайшем будущем. Сомневаюсь также, что здесь побывал хоть кто-нибудь из тех, кто вынужден был каждодневно успокаивать родственников убитых Им и похищенных, сбиваться с ног, отрабатывая маломальские зацепки, копаться в мусоре в поисках разлагающихся кусков тел... Возможно, это был кто-то из тех, кто однажды оскорбился узнав, что время от времени по-соседски здоровался с убийцей? Или кто-то, кто знать не

знал об этом человеке, пока однажды не прочел о нем, просматривая новостные сайты за чашкой утреннего кофе?

— Бет, посмотри на это! — зовет меня Макс. Иду к нему в спальню, в которой осталась стоять кровать. Он стоит на одном колене и всматривается в едва заметные следы на половом покрытии. Согласно рекламе, на таком умном покрытии вообще не должно оставаться никаких следов от мебели, а вот поди ж ты. — Эта хреновина раньше стояла по-другому.

Глаз-алмаз. И это пока мы с Мел страдаем фигней по углам.

Макс смотрит на кровать, потом на меня, и я согласно отхожу в сторону и чуть не подпрыгиваю от неожиданности, потому что в дверном проеме вижу неслышно подплывшее привидение, оставшееся от Мел.

Макс в одиночку отодвигает тяжелую на вид кровать, и мы все видим, скрывавшееся до сих пор за ее спинкой прямоугольное отверстие в стене. Оно не очень большое, сам Макс не пролезет, а вот я возможно смогу. Правда, лезть туда у меня нет никакого желания.

— Он там! — Воскликает Мел и вцепляется в мою руку так, что я не удерживаюсь от вскрика. Честно говоря, мне уже тоже там черт знает что мерещится!

— Он туда не поместиться! — не без раздражения отвечает Макс и ложится на пол возле отверстия. Включает фонарь на своей манжете и пытается, просунув голову в дыру, заглянуть внутрь стены.

— ЭТО ОН! ОН! ОН УТАЩИТ ТЕБЯ! — верещит Мелодия, а я ловлю себя на том, что оттаскиваю Макса за ногу от отверстия, и он очень этим недоволен.

— Да вы обе помешались! — кричит друг.

Вполне справедливо кричит.

— По-моему, оттуда можно пролезть вниз, под дом, — уже более миролюбиво говорит Макс, быстро взяв себя в руки.

— Я же говорила! — все также истерично продолжает Мел. — ОН внизу, в подвале! ОН следит за нами через отверстия в стенах!

— Здесь нет подвала, — старается урезонить ее Макс. — Максимум невысокий подпол с коммуникациями. И пролезть туда сможет только ребенок. Взрослый мужчина застрянет намертво. — Он оглядывается на стену и морщится. — Может быть, здесь раньше стояло что-то поменьше и полегче, что смог бы отодвинуть даже ребенок. При переезде это забрали, а дыру закрыли кроватью.

— Думаешь, Он прятался под полом, когда был ребенком? Это была его комната? — Не могу оторвать взгляд от черного прямоугольника. Оттуда мне все чудится Его тяжелый взгляд.

— Ну, может он тогда уже устраивал пыточные застенки своим игрушкам или щенятам каким-нибудь с котятами, — вздыхает Макс.

Кошмарная идея. Надо бы залезть и посмотреть.

Опускаюсь на колени перед отверстием. Вполне могу протиснуться туда, даже пробую, но только в своем воображении. В реальности сижу и пялюсь в темноту.

— Должен быть другой способ туда попасть, — мягко говорит друг.

Где может быть люк в подпол, никто из нас не знает, никто из нас никогда не жил в отдельном доме. Наверное, на кухне было бы удобно или в кладовой. Мы бестолково ходим туда-сюда.

Макс с беспокойством выглядывает на улицу. Все боится, что нас застукают. И,

пожалуй, он прав — наша “связь” с хозяином дома, не дает нам права находиться здесь. Надо бы уже уходить отсюда, но спохватываюсь, что так и не осмотрела маленький дворик за гаражом.

От соседей дворик отгорожен пластиковым забором салатого цвета. Одно невысокое дерево — кажется, вишня, и несколько кустов. Небольшой участок выделен под какие-то посадки, может быть, предполагался огородик или клумба. Возле дома стоит старая щербатая собачья будка, краска почти сошла, доски рассохлись. Не удивительно, что ее с собой не забрали, но странно, что хотя бы не разломали, ведь вещь очень личная. На ней даже сохранилась табличка, на которой выцветшими буквами детским почерком написано “Бет”.

У Него была собака по кличке Бет? Именно это Он имел в виду, когда сказал, что ему нравится мое имя? А что на счет Мел, Мелодии? Так звали его канарейку? Первый раз за все время, чувствую, как во мне закипает злость. Но не успеваю как следует насладиться этим чувством, слышу, как к забору с той стороны кто-то подходит.

— Убирайтесь оттуда, слышите?! — кричит женщина срывающимся от волнения голосом. — Я уже позвонила в полицию!

Обернувшись, вижу ее силуэт и слышу, как она взбирается по ступенькам. Наверное, на той стороне к забору приставлена небольшая стремянка. Женщина в возрасте. Ее голова появляется над забором, она щурится на солнце.

— Мира, это ты? — удивленно спрашивает она. На секунду ее лицо принимает благожелательное и сочувственное выражение.

Я поднимаюсь с земли и подхожу ближе, женщина понимает, что обозналась и пугается. Как будто привидение увидела.

— Простите, что испугали. Мы сейчас уйдем. — Говорю я, но остаюсь стоять на месте. На самом деле я не могу уйти. Я очень хочу, мне просто необходимо отодвинуть эту старую, разваливающуюся будку и забраться под этот несчастный дом, в Его мысли и в Его душу.

Женщина тоже продолжает стоять неподвижно. Она сильно напугана. Больше, чем если б увидела во дворе десяток пьяных вандалов с топорами.

— Он был хорошим мальчиком, — вдруг говорит женщина и сама удивляется себе. И как только ей пришло на ум сказать такое? — Вы ведь одна из тех девушек, которые... — у нее не получается подобрать слово или просто выговорить его, — ...остались... — неуклюже заканчивает она. Потом сдавлено вскрикивает и зажимает себе рот ладонью, по ее лицу вдруг начинают течь слезы, плечи вздрагивают, взгляд устремлен мимо меня.

Приходит шальная мысль, что Он сейчас стоит позади меня. Оборачиваюсь, но в дверях всего лишь Мел. Тот же рост и телосложение, тот же цвет волос и стрижка, даже толстовки на нас сегодня одинаковые. Те две девушки, которые “остались”, остались в живых. Очень похожи друг на друга и, видимо, на некую Миру, с которой эта женщина меня по началу спутала.

— А кто такая Мира? — спешу удовлетворить свое любопытство.

— Его младшая сестра, — сдавлено проговаривает женщина, пытаясь вытереть слезы, но на месте вытертой влажной дорожки тут же образуется другая. — Мне очень жаль, — приговаривает она, — очень жаль.

Мел молча делает шаг назад и исчезает где-то в доме. Я смотрю на Его соседку, которая стоит на стремянке, плачет, страдает, но не делает попыток уйти, уклониться от тягостного разговора, и хочу у нее спросить... Она ведь знала его еще ребенком, так?

Шрамы, разбросанные по всему моему телу, начинают ныть, они хотят узнать, что же такого у Него произошло в жизни, что Он поступил с нами так?... горят огнем от нетерпения.

— Он был таким добрым заботливым мальчиком, — всхлипывает соседка. — Всегда здоровался, предложил подстричь мой газон, когда я сломала ногу. Провожал сестренку в школу, так трогательно держал ее за руку. У них была очень хорошая семья. Пока... пока их отец, не сошел с ума. Тогда все изменилось. Может поэтому? Может это наследственное?

— Что значит, он сошел с ума? — спешу уточнить я.

— Сначала он стал часто выпивать, и его уволили с работы. После этого он стал каким-то агрессивным что ли, часто повышал голос на детей и жену, а иногда вообще было непонятно на кого он кричит. Потом мы начали замечать, как он бесцельно шатается по району, просто ходит туда-сюда с бутылкой в пакете. И что ему ни скажи, сразу воспринимал как оскорбление. Однажды кинул в меня бутылкой, а я ведь только посмотрела в его сторону. Хорошо, что я далеко стояла, и он не попал. А через года полтора он уже не жил с семьей. Говорили, вроде, что он ночует вместе с бездомными в здании заброшенного торгового центра. Он тут недалеко, до сих пор стоит. Ходят слухи, что построили его на месте старого кладбища, понимаете, сейчас же суеверные все. Да и подъезд там неудобный. До сих пор стоит никому ненужный. — Перейдя на отвлеченную тему, женщина смогла успокоиться, и теперь смотрит на меня с печалью, но не более того.

— Когда вы последний раз его видели?

— Да уж много лет прошло. — Женщина задумалась, но точнее вспомнить не смогла.

— А собака у них была? — киваю я на будку.

— Да, Карл принес щеночка из приюта, вскоре после того как отец их окончательно бросил.

При упоминании Его имени я вздрагиваю. Оно слишком простое и человеческое и для чудовища не подходит. Соседка замечает мою мимолетную оплошность, и все, она замолкает.

— Он любил эту собаку? — дрожащим голосом выдавливаю из себя вопрос.

— Любил. Возился с нею все время.

— Это Он выбрал ей имя?

— Да, кажется, он.

— А как она умерла?

— Ее сбила машина, — коротко отвечает женщина, но мнется и, кажется, готова рассказать что-то еще.

— Как это произошло? Пожалуйста, для меня это очень важно.

— Бет была очень дружелюбная и ласковая собачка, но, кажется, не очень умная. Она просто ушла за кем-то. Я не знаю точно. Он... он искал ее весь день, обвесил всю округу объявлениями. Вернулся только поздно вечером и... я слышала, как он рыдал в своей комнате. Мне было так его жалко, я даже испекла ему пирог с вишней.

— Вы отдали ему этот пирог?

— Нет, передала через Миру, это она открыла дверь. Она сказала тогда, что не знает, что произошло, но брат очень расстроен.

— А потом?

— Потом, уже на следующее утро, я увидела их мать, собирающей объявления на улице. Она мне и сказала.

— Что она вам рассказала? — Допытываюсь я, как будто речь идет о деталях моей собственной гибели, а не о смерти моей тезки.

— Только это, — женщина растеряно качает головой. — Что Карл нашел Бет мертвой и, что, по всей видимости, ее сбила машина.

— А где это произошло, не сказала?

— Нет, она спешила и не хотела разговаривать.

— Она была расстроена?

— Да, конечно.

— Она выглядела беспомощной или сердитой?

Сначала женщина смотрит на меня непонимающе, но потом отводит взгляд и пытается вспомнить.

— Может быть, она злилась на кого-то, — говорит она после паузы. — Может быть, на того, кто сбил Бет? Это было бы естественно.

Женщина уходит принять свое лекарство. Я так и не выяснила, как ее зовут — из меня вышел бы отличный следователь, просто шикарный.

Макс поджидает меня возле двери. Тактично не хотел лезть в разговор, но он недоволен.

— Говорила о нем так, словно пыталась оправдать, — кипит друг. — Мертвая собака, отец алкоголик со склонностью к бродяжничеству и это, конечно, все объясняет!

— В принципе, возможно.

— Еще скажи, что это ты во всем виновата! А он просто жертва обстоятельств!

— Ну, нет, — мямлю я. Со всем моим стремлением понять Его, обвинять себя в Его поступках я тоже не стремлюсь. Это было бы слишком.

— Ну, счастье! Значит, в психушку мы сегодня повезем только Мел.

— Ты бы не мог сдвинуть эту будку?

Макс подступает к будке без малейших вопросов. Сдвинуть ее с места оказывается не просто, она словно прилипла и угрожает развалиться в руках. Но у Макса все выходит. Он отряхивается и садится на корточки перед маленькой железной дверцей. Брезгливо кривится, но отдергивает щеколду и открывает вход в низенький подпол.

— Можно мне все-таки туда залезть или ты снова будешь хватать меня за ноги?

— Давай я, — подаю я на колени и, пока не передумала, заползаю в темный лаз мимо удивленного друга. Даже фонарик включаю не сразу, а только когда света с наружи становится недостаточно.

Вокруг меня трубы, провода, запрятанные в кожухи, но свободного места много. Под коленями и ладонями песок. Больше смотреть не на что. Я ползу в том направлении, где должна быть Его комната. А вот и дыра, через которую, Он, должно быть, пролезал сюда, еще будучи ребенком.

Если Он и приносил сюда что-нибудь, это отсюда забрали. Сажусь на песок и пытаюсь свыкнуться с этим местом. Впереди светлый прямоугольник, через который я вижу ноги Макса. Мне не страшно. Ощущения совсем иные, чем в Его подвале. Очень низкий потолок но он не давит. Здесь скорее чувствуется защищенность. Это тайное логово. Снаружи все вокруг таит в себе опасность, и оно непредсказуемо. А здесь безопасно. Сюда можно спрятаться. И здесь можно спрятать то, что хочешь защитить, о чем хочешь позаботиться. А ведь Он очень заботливый человек, по словам соседки, чье имя я не спросила.

— Позови сюда Мел, — кричу я.

— Это Он меня зовет? — тут же слышу я насторожено-истеричный голос Мел. Все.

клиника. Вряд ли при таком раскладе она почувствует здесь то же что и я, так что просто ползу назад, на свет и ноги Макса.

Через четверть часа выезжаем на обширный пустырь, где раньше была автостоянка заброшенного торгового центра. Покрытие все еще ровное как стол, не то что паркинг возле моего дома. Вылезаем из машины и видим под ногами частицы праздника: блески и мелкие пятнышки неоновой краски, мусор от взорванной пиротехники, обрывки гирлянд и всякой прочей праздничной мишуры. Похоже, у парковки давно уже появилось новое предназначение. Может все это уберут перед следующей тусовкой, а может присыплют следующим слоем.

Как бы то ни было сейчас вокруг пусто и тихо. Непосредственно рядом так и не было никогда ничего построено, судя по не выровненному ландшафту. Только кусты и трава. Автозаправка, которые мы проехали, совсем близко, но отсюда ее не видно. Зато нас здесь хорошо видно. С воздуха, например. Как раз над головами неслышно пролетел патрулирующий дрон.

Макс замешкался и до сих пор вылез из машины только одной ногой.

— Хочу оставить сообщение, — поясняет он, — ну, знаешь, где искать наши обезображенные тела, если что.

— Боюсь, как бы нас не начали искать раньше, чем понадобится, — смотрю на медленно удаляющийся дрон. Похоже, пока мы не вызвали у его оператора особых подозрений или он просто отвлекся. Но он может вернуться, а у нас нет никаких возможных причин оставаться здесь, кроме небольшого нарушения закона. Само здание ТЦ обнесено двухметровым забором с плакатами, требующими забыть и думать о вторжении на территорию повышенной опасности.

— Можно запрограммировать автомобиль сделать круг по городу и вернуться за нами позже, — бесцветным голосом сообщает Мел, глядя куда-то в пространство.

Макс недовольно хмурится, такой опции у его автопилота нет. Добраться без пассажиров в назначенное место — пожалуйста. В назначенное время выехать и с поправкой на дорожную обстановку и допустимые скорости движения прибыть на место максимально близко к назначенному времени — непременно, рекламу все видели. Но попросить автомобиль помотаться где-нибудь, пока хозяин не позовет, — нет, извините. Но для Мел это не проблема, она просачивается на водительское место и несколько минут колдует над встроенным компьютером. В универе ее основная специальность — сетевая безопасность.

— Мне потом в обслуживании не откажут, с пиратскими патчами? — ворчит Макс, но самоуправство не пресекает.

Вскоре автомобиль деловито закрывает окна и стартует на самостоятельную прогулку. Разворачивается, но разметки не видит, так что Макс доламывает последний разметочный столбик на границе пустыря и тащит его сбоку машины, имитируя обочину.

— Есть более продвинутая версия... — начинает Мел, когда он возвращается. В ее глазах на секунду загорается обнадеживающий огонек.

Теперь нам нужно каким-то образом преодолеть высокий полимерный забор вокруг ТЦ. Он яркого апельсинового цвета и красиво сияет на солнце. Еще он гладкий и зацепиться на нем не за что. Пожалуй, нужно обладать некой физической формой, чтобы перемахнуть через такую ограду, но мы с Мел ее явно подрастеряли, так что идем вдоль забора в поисках входа для инвалидов, лиц пожилого возраста и нарушителей с детьми. Проходим метров

триста, заворачиваем за угол и чуть не пропускаем небольшой отломанный кусок. Макс едва удастся протиснуться сквозь образовавшуюся прореху, нам с Мел гораздо легче.

Идем обратно вдоль здания, надеясь найти какой-то не слишком заметный лаз или вскрытую служебную дверь, но в итоге заходим через парадный вход. Проход продлан в широких прозрачных дверях, и просто прикрыт фанерным листом. Впереди некий тамбур, еще одни двери, и дальше мы выходим в огромный зал, ограниченный в высоту только полупрозрачной крышей здания. Слева и справа от нас по пять уровней магазинов, словно два пятипалубных судна сошлись вместе. Между ними перекинуты многочисленные разноцветные мостики. Когда-то все это сияло. Вокруг бегали неутомимые ножки многочисленных шопоголиков.

Огромное заброшенное здание производит гнетущее впечатление. Мертвая, настоявшаяся на пыли и запустении тишина. Никого здесь не было уже очень долго, хотя откуда бы мне это знать? Откуда знать, что в этих многочисленных нарезанных тонкими перегородками помещениях и переходах никого нет?

— Что если здесь и сейчас живет кто-нибудь? — шепотом вопрошает Макс. — Им не понравится, что мы тут шастаем.

Возле входа мы как на ладони для любого, вышедшего на любую из растянувшихся над нами галерей. Стоять на месте бессмысленно. Но я беспомощно оглядываюсь вокруг и не знаю, куда нам идти, что нам предпринять дальше.

— Что ты рассчитываешь здесь найти?

В растерянности смахиваю со лба мокрые волосы, от волнения стало очень жарко. Зачем я вообще притащила всех сюда, это не Его территория... Кровь бухает в ушах, нестерпимо пахнет гарью, так что начинает подташнивать...

— Что если вы подождете меня снаружи? — предлагаю я.

— Я тебя тут одну не оставлю, — фыркает Макс. — Много лет прошло, что-либо искать тут бессмысленно.

— Я не буду искать, — пытаюсь намекнуть я.

— Попробуешь подключить шестое чувство? — с сомнением уточняет Макс. К возможностям ясновидения он относится скептически, как и большинство населения планеты, как и я сама. Но это вроде как теперь моя работа. Уповать на случайное озарение, не обоснованное и туманное, единственный оставшийся мне путь.

— Ладно, — покладисто соглашается Макс. — Но ведь тебе не обязательно для этого бродить по всему зданию? Отойдем куда-нибудь, где нас не так будет видно, но недалеко от выхода, если что.

Он оглядывается и выбирает для нас нишу в стене, где возможно раньше стояли автоматы. Я располагаюсь чуть в сторонке, поворачиваюсь к друзьям спиной и закрываю глаза. В очередной раз переживаю, что не обладаю экстраординарными экстрасенсорными способностями. Но вспоминаю нашу преподавательницу с ее тихим как ручеек голосом, часто повторяющую, что, хотя истинным даром обладают единицы, прикоснуться к чуду может каждый.

Чудо, к которому нужно прикоснуться мне — это смерть и разложение. Оно плохо пахнет, оно оглушительно громкое, оно мучительно, как зубная боль. Оно полно безумия, страха и бессильной злобы.

Вонь от горящего пластика и ветоши не дает сосредоточиться. Против воли открываю глаза и ищу взглядом источник. Это гора обугленного мусора посреди зала. Матрасы, одеяла,

грязная скомканная одежда, тазики и кастрюли, даже игрушки.

Это остатки того, что было вывoločено из маленьких пластиковых квартирок, которыми стали бывшие магазины на верхних уровнях здания, то, чем были занавешены широкие витрины, давая их обитателям некоторую долю приватности.

У края кучи лежит на боку розовый трехколесный велосипед. Такой же как был у Джилли, когда ей было четыре года, она каталась на нем вокруг детской площадки перед домом, круг за кругом, бесконечно. Ждала, когда мама вернется с работы. Когда соседка не выдержала и сказала ей, что мама не вернется, Джилли назвала эту женщину душой. Это было первое слово сестренки, сказанное за три месяца.

Мне представилось, как на этом велосипеде каталась такая же маленькая упрямая девочка вокруг опустевшей чаши фонтана, круг за кругом. К велосипеду была привязана банка с камушками внутри, от нее на полу остались крошечные царапины.

Если бы Он пришел сюда искать свою собаку или если бы Он пришел сюда искать своего отца, чтобы сказать ему о собаке, Он бы прошел мимо этой девочки. Девочка на розовом велосипеде сразу бы сделала это место не таким уж страшным.

Забыв, что собиралась стоять на месте, прохожу вглубь здания, поднимаюсь на второй уровень ТЦ по лестнице сбоку от центральной аллеи. Мелкий мусор шуршит под ногами, не позволяя передвигаться бесшумно. Перед тем как сделать очередной шаг я тщательно прислушиваюсь, боясь, что здесь все же не настолько безлюдно как кажется. Однако это мешает моей основной задаче. Я концентрируюсь на настоящем, тогда как важным сейчас является прошлое. Пришла я именно за ним, и о собственной безопасности нужно ненадолго забыть. Получается далеко не сразу. После трех недель в Его подвале инстинкт самосохранения играет в моем оркестре главную скрипку, и вступает без моего одобрения или желания. Однако у меня есть против него кое-что в рукаве. Не знаю, как у других, но у меня этот инстинкт крайне, просто до занудства серьезен. Не стоит даже предлагать ему немного подурачиться или поиграть. Поэтому я останавливаюсь в начале самого темного и небезопасного на вид коридора, заполненного всяким хламом, среди которого легко может укрыться любая самая неожиданная опасность, вытягиваю шею и вопросительно мяукаю. Мой инстинкт самосохранения шокирован таким несерьезным подходом и с ворчанием уползает в темноту. Хлам в коридоре не подает ответных признаков жизни, так что иду вперед уже спокойно и без какого-либо мешающего сосредоточиться внутреннего конфликта.

На ходу бездумно разглядываю встречающиеся по пути витрины и манекены. Последние словно бы выстроились и смотрят на меня в ответ, указывая руками на что-то впереди. Может быть, кто-то специально поставил их так, а может мне просто кажется, но по их указаниям я постепенно ухожу вглубь здания — дорога ничем не хуже других.

Наконец путь преграждает старое грязное покрывало, повешенное кем-то на манер занавеса. Не слишком приятно дотрагиваться до него, но иначе дальше не пройти. Берусь за край и чуть приподнимаю, но тут покрывало полностью соскальзывает с того, на чем оно там висело, и падает к моим ногам, взметая тучу пыли.

Итак, занавес падает, и передо мной возникает большой белый экран, ярко освещенный прожектором. Перед экраном жметесь от ужаса небольшая лохматая собачка. К ошейнику на ее шее привязана веревка. Другой ее конец идет вверх и теряется в темноте. При виде меня она бросается в мою сторону, но тормозит раньше, чем натягивается веревка. Кто-то, стоящий рядом со мной, пугает ее. Этого кого-то мне рассмотреть не удастся из-за света

прожектора, но он очень большой.

— Ты за ней пришел? — спрашивает громкий неприятный голос. — Что-то раньше ты брезговал ко мне сюда заходить, а за ней пришел?

Мне хочется схватить собаку, выдернуть из ошейника и стремглав бежать с ней отсюда от этого страшного, режущего слух голоса, но ноги словно приросли к полу. Их как будто вообще не стало, я резко стала ниже ростом и смотрю на все это снизу, может быть, поэтому силуэт человека рядом с прожектором кажется мне таким большим.

— Чем она это заслужила? — голос переходит на крик. — Ты правда думаешь, что она особенная, твоя, и любит только тебя? Да эта продажная сука пошла за мной всего лишь потому, что у меня был вкусно пахнувший пакет в руках! Гребаный кусок мяса на кривых ножках любит каждого, кто предложит пожрать! Вся суть отношений в этом! И ты ничем не лучше! Ты любишь свою тупую разжиревшую мать, только потому что она тебя кормит и покупает игрушки. А меня нет, ведь я перестал приносить птенчику еду в клювик. И все, тут же стал не нужен! И вы все от меня нос воротите! Смотри!

Веревка натягивается и поднимает собаку в воздух. Та пытается извернуться, чтобы выскользнуть из туго затянутого ошейника, бьет лапами. Ее мотает на конце веревки, но когда возможно она озирается на меня и смотрит с мольбой и страхом своими большими выпученными глазами.

Мужчина подходит к ней и бьет с размаху чем-то тяжелым. На это невозможно смотреть. Но он все время повторяет: “Смотри, смотри!” И это невозможно слышать. Звуки ударов, визг. Молчание отмучавшегося животного наступает как благословение.

Мужчина перерезает веревку и тельце падает на пол. Теперь оно действительно похоже на кусок мяса. Повозившись, он снимает липкий пахнувший кровью ошейник, подходит ко мне и одевает его мне на шею.

— Теперь твоя очередь! — проговаривает он и, схватившись за него, поднимает меня над полом. Хохоча как безумный, он трясет меня в воздухе, а потом, приподняв повыше, кидает об стену.

Боли я не чувствую, только кровавую тяжесть на своей шее. Вскакиваю и бегу, просунув пальцы под ошейник, мне нестерпимо, что он касается моей кожи. И я боюсь, что он снова схватит меня. Бегу мимо манекенов, которые безучастно взирают на меня как будто из-под потолка, такими огромными они мне кажутся.

Бегу так быстро, как только могут позволить мои коротенькие ножки, но этого недостаточно, мне не оторваться, не уйти. У меня нет шансов на спасение, пока мне не удастся наконец нырнуть в спасительную темноту, между наваленных в конце коридора коробок. Но я слышу как он, извергая ругательства, легко расшвыривает их в стороны, и я ползу, ввинчиваюсь между ними, просачиваюсь как змея, обезумевшая от ужаса и слепая. В темноте я пробираюсь глубже и глубже в этой свалке ненужных вещей, они падают мне на голову, задевают острыми краями, и наконец рука не находит опоры и я падаю вниз, соскальзываю по какой-то неровной поверхности и останавливаюсь лежа ничком на чем-то прохладном, приподнятом над полом.

Больше никакого шума, никакой ругани и тяжелого дыхания. За то время, что я тут бродила и убегала от призраков прошлого, успело стемнеть и теперь все выглядит иначе, но я явно снова на центральной аллее, похоже скатилась вниз по пространству между эскалаторами.

— Так, кто здесь?! — раздается от входа в ТЦ. Я вижу луч фонаря и сползаю на пол,

спешно ища глазами укрытие. — Выходите сами, и тогда проблем не будет! — голос не слишком уверенный, но все еще надеющийся, что говорит с пустотой.

Немного поведив фонарем, охранник уже поворачивается уходить, но внезапно луч выхватывает из темноты человеческую фигуру. В первую секунду я думаю, что это очередной манекен. Но это Мел.

Охранник столбенеет. Световое пятно от его фонаря немного потрясывает. Мел стоит неподвижно — одинокая и измождённая худая фигурка в темном зале давно заброшенного ТЦ. Ее тяжелый немигающий взгляд совершенно безумен. Охранник шокирован разглядывает Мел, а его тело непроизвольно делает шаг назад. Она выглядит так, как будто хочет съесть его мозг.

Раз уж нас все равно заметили, я встаю и выхожу из укрытия. Мужчина, заметив движение, направляет на меня луч фонаря и вдруг начинает орать. Не на нас, а просто в пространство, выражая этим некую свою сильную эмоцию. Я запоздало понимаю, что два зомби страшнее, чем один, тем более что мы с Мел похожи и даже одеты почти одинаково. Два идентичных зомби, один из которых только что словил страшные глюки и немного не в себе, и второй сильно не в себе. Пятки охранника сверкают уже от самого входа и исчезают, а к нам несется Макс, хватая нас за руки, сначала одну, потом другую, и мы вместе мчимся на другую сторону ТЦ, надеясь не встретиться там с наскоро собранным отрядом охотников на зомби.

Вернувшись домой, обнаруживаю на кухне подругу жены. Меня не предупредили, что она сегодня придет. София оборачивается и извиняется за это, но я слишком устал, чтобы слушать их женские разговоры. Прохожу мимо и запираюсь в ванной.

Даже собственное отражение в зеркале раздражает меня, так я вымотался. Раз за разом плещу в лицо холодной водой, и меня более-менее отпускает. Если подумать, было грубо вот так резко пройти мимо них. Не помню, поздоровался ли я вообще. Пытаюсь снова прокрутить эту сцену в голове. Что-то было явно не так, когда я вошел. Что-то должно было случиться, раз Ирен — одна из немногих подруг Софии, допущенных к нам в дом — пришла сюда без предварительной договоренности. Мне стоит выйти и поговорить с ней хотя бы несколько минут. По крайней мере, узнать, что происходит.

Моя жена опять оборачивается, услышав мои шаги в коридоре. Ее лицо кажется испуганным. Первая мысль, что причина во мне.

— Муж Ирен снова нашел ее, — говорит София.

Я с трудом вспоминаю, о чем она. Меня вся эта драма никак не касается, но я стараюсь проявить сочувствие, поскольку именно этого от меня и ждут. Не понимаю, чем мы можем помочь и почему этот навязчивый, грубый, пристрастившийся к алкоголю человек является такой уж проблемой, учитывая, где Ирен работает. Сама она объясняет, что боится принять против него жесткие меры из-за их двоих детей, для которых он все же является отцом. Бессмысленное на мой взгляд обсуждение продолжается еще сорок минут, и хотя я практически не принимаю в нем участия, но и уйти не могу. София под столом сжимает мою ладонь.

Когда они, наконец, прощаются, жена просит меня отвезти Ирен домой. Не понимаю, почему та не может воспользоваться такси, к тому же меня смущает мысль, что я окажусь наедине с женщиной в своей машине. Конечно, Ирен не та женщина. Не тот тип женщины. По крайней мере сейчас, напуганная и жалкая. Кроме того важна не только она

сама, но и сам процесс, вся та цепочка действий, которые постепенно пробуждают того отвратительного ненасытного хищника внутри меня. Но могу ли я быть полностью в этом уверен? С каждым днем паучиха захватывает все новые территории моей личности, с каждым разом ее выход становится всю легче. Ей уже не нужно прогрызать себе путь через мои внутренности. Дыра в моей груди покрыта всего лишь тонкой корочкой из застывших крови и слез. Я не знаю, когда она прорвется в следующий раз. Может быть, прямо тогда, когда я, буду сидеть за рулем, сосредоточусь на траффике, безотрывно глядя на дорогу, но при этом не перестану ощущать исходящее от ее тела тепло, запах волос. Что если в один такой момент, чудовище прорвется наружу, вытянет из меня свои уродливые смертоносные конечности, и замкнутое пространство моей машины в одну секунду превратится в бойню?

Но я не могу отказаться, это будет не вежливо. София провожает нас до двери. Пока мы вдвоем спускаемся на лифте на парковку, я украдкой поглядываю на Ирен и представляю, как выпихиваю ее безжизненное тело на дорогу. Кто-нибудь заметит? Мне кажется, люди вообще ничего не замечают вокруг. Особенно, если это касается других людей.

Когда мы садимся в машину, я уже почти смирился с тем, что должно произойти. Когда мы останавливаемся у ее дома, я уже почти готов повернуться и увидеть ее лежащий на сидении в странной неудобной позе, с повисшей головой и остановившемся взглядом, похожую на одну из ростовых кукол Лоли. Ей бы так повезло. У куклы нет двоих детей, нет мужа, который напившись звонит с угрозами, что переломает ей пальцы по одному. У нее и суставов нет, о которых нужно беспокоиться.

Я удивлен увидев Ирен живой. Это даже как-то несуразно. Странно видеть, как она отстегивает ремень безопасности и открывает дверь. Должно быть, при этом я слишком вытаращился на нее. Она смотрит на меня с ужасом. Боюсь, все мои мысли, все образы, гревшие меня всю дорогу, каким-то образом проступили на моем лице, и она все поняла. У нее в сумке пистолет, я знаю. Поднимаю руку, чтобы завладеть этой сумкой раньше, чем она опомнится, но не успеваю.

Она смотрит мимо меня. Мощный удар неожиданно обрушивается на лобовое стекло с моей стороны машины. Я и без того возбужден, но этот грохот вызывает такой мощный всплеск адреналина, что мне кажется, я умираю. Моя душа вот-вот отделится от тела. Застыв, я беспомощно смотрю, как какой-то мужик курочит мою машину огромной битой. Я слышу крики. Ирен выскакивает на тротуар и орет на мужа, он орет на нее. Замахивается на нее, но в итоге снова бьет по машине. Хочет добраться до меня, думает, что я любовник Ирен. Я только и могу, что вжиться в сидение. Против такого разъяренного лося, я бессилен, а безмозглая женщина почему-то не спешит объяснить, что я тут совсем ни при чем.

Единственный, кто бросается к нам на помощь — это робот-полицейский, но без кучи пушек и мощной брони, как их показывают в фильмах, он абсолютно бесполезен. Робот что-то гундит о нарушении закона, и этот огромных размеров мужик расправляется с ним несколькими ударами. Потом он снова замахивается на Ирен, которая вместо пистолета достала из сумки баллончик с газом. Но свихнувшемуся ревнивцу этот газ, как освежающий спрей. Следующий удар наверняка проломил бы ей череп, но сзади на мужчину набрасываются двое прохожих и падают с ним на асфальт.

Пока на улице творится суеда, я продолжаю сидеть на месте и борюсь с порывом

умчаться отсюда, бросив их всех разбираться без меня. Я раздосадован и зол. Раньше я был полностью поглощен страхами того, что я мог бы сделать. Но сейчас я не сделал ничего. Мое мужское начало понесло очередные потери. Оно негодует и жаждет мести. Муж Ирен — огромный тупой кусок мяса и костей — напугал меня, растоптал мое человеческое достоинство, снова заставил меня почувствовать себя жалким и ничтожным. Но теперь, когда он лежит на дороге перед бампером моей машины, поверженный другими людьми, а не мной, я уже не могу ничего исправить, не могу восстановить. Придется использовать для этого кого-то другого. Того, кого напомнил мне этот могучий лось. Персонажа их моего детства. А чудовище, пригревшееся в моей груди, пусть наконец обрушит свою ярость в нужную сторону.

Просьпаюсь от ощущения чьего-то присутствия в комнате. Его взгляд острым ножом разрывает мягкие пути сна и бесцеремонно врывается в сознание. Мгновенно взмокнув от страха, порывисто озираюсь в темноте, ожидая вновь услышать Его тяжелое дыхание. Но не слышу ни единого звука. Воспоминания о том, что Его больше нет со мной и вообще нет больше нигде, проталкиваются наверх с большим трудом. Но и они не приносят облегчения. Ощущение посторонних взглядов, пронзающих меня насквозь, лишь усиливается. Безмолвные черные фигуры окружают меня, приближаются, давя меня склизким жгучим презрением. Они повсюду, они не говорят и не дышат, не издают ни единого звука, но отчетливо подбираются ближе, забирая во все сильнее давящее кольцо.

Пальцы вцепляются в одеяло, и оно неожиданно становится моим якорем в бушующих водах безумия. Оно напоминает мне, что я все еще дома, в своей постели, а не внезапно провалилась в ад, из которого мне никогда и выхода-то не найти.

— Микки! — пытаюсь позвать я, но сквозь губы прорывается лишь жалкий стон. Тем не менее, не проходит и секунды, как я слышу глухой удар в дверь, и тяжелое теплое тельце стремглав пересекает комнату и бросается мне в руки.

Мой герой прогоняет призраков, они бегут от него без оглядки. Он ложится рядом, приткнувшись боком ко мне, но голову не кладет и еще долго продолжает сверлить взглядом темноту.

Под такой охраной через какое-то время мне снова удастся заснуть, но Микки пробирается и в мой сон тоже. Только здесь он очень большой, величиной с тигра должно быть, но такой же родной и теплый. Вместе мы бредем по холодному ночному лесу. Деревья плотно обступают нас со всех сторон. В лунном свете видна каждая веточка, но ни на одной из них нет листьев. На земле их тоже нет, как нет и травы. Под ногами лишь холодная голая земля. Микки настороженно всматривается вперед, принимает и время от времени замирает на месте, поводя чуткими ушами. Наконец, вдалеке замечаем мерцающий огонек, при нашем приближении он разделяется на множество огней, и вскоре мы выходим на обширную, украшенную фонариками площадку.

По площадке бесцельно бродят люди, звучит какая-то музыка, сияют вездесущие автоматы с едой, напитками и сувениркой. И поначалу все спокойно, хожу между этих занятых собою людей, и никто не обращает внимания на моего тигра.

Первым Его замечает Микки. На Нем светлое бежевое пальто и шапка. Он стоит ко мне спиной, но как только я делаю движение в его сторону, Он начинает удаляться.

Мне необходимо увидеть Его лицо! Необходимо, чтобы Он обрел хоть какое-нибудь лицо! Я уверена, что только это сможет разрушить Его власть надо мной. Бегу за ним, то и дело натываясь на кого-нибудь в толпе, которая становится все плотнее. Я словно плыву против потока, а его насмешливая бежевая спина маячит где-то впереди, медленно, очень медленно, становясь все ближе.

Я уже всего в паре шагов от Него, почти могу коснуться Его плеча, но в это мгновение толпа смыкается вокруг меня, и я теряю Его.

Приходится бросить все силы на то, чтобы удержаться на ногах. Поток людей несет меня куда-то в сторону. И ни у кого из этих людей нет лица, только сгустки тьмы с ничего не выражающими сияющими желтыми глазами. Сгустки тьмы в одежде людей плывут вперед, и

от них пахнет сырой землей.

Поток разбивается о большую прозрачную трубу, которая, оказывается, проходит через все площадку. Стенки трубы сотканы из очень тонких блестящих ниточек, руки так и тянутся к ним, легко прорывая тончайшую липкую ткань.

При мысли, что эта ткань поразительно напоминает паутину, толпа теней взрывается торжественным стоном. Под приветственный гул, вперед по трубе, проворно перебирая огромными лапами, несет свое массивное тело невероятных размеров паучиха. Ткань рвется и обрывки паутины, слипаясь вместе, тянутся следом за ней. Зрелище и отвратительно, и завораживает одновременно, но толпа отталкивает меня прочь, и мне не удается протиснуться обратно. Впрочем, паучихе до меня нет никакого дела. Она вылезает из трубы и вваливается в ликующую толпу. Огромные лапы перехватывают людей поперек туловища и подтягивают к огромному рту, огромные жвалы впиваются в плоть, но радостные крики не смолкают, никто не бежит и не пытается спастись.

Не в силах и дальше выносить это зрелище, иду прочь вдоль блестящей трубы. Стенки порваны во многих местах, и куски слипшейся ткани развиваются на ветру.

Труба уходит далеко в лес, площадка с фонарями остается позади и снова становится довольно темно. Только нити слегка поблескивают. Сквозь них я вижу передвигающихся внутри трубы пауков. Они намного меньше отвратительной паучихи, но и их размеры впечатляют. Они с легкостью могли сожрать бы любого, но мне везет...

Одна из паучих замедляет ход и с трудом выбирается из трубы через одну из дыр, оставленных лапами ее матери. Она кажется истощенной и слабой. Похоже, забег по трубе дался ей тяжелее, чем остальным.

Она отходит в сторону в темноту, чтобы остальные не видели как она, тяжело дыша, опускается на землю, приникает к бутылке с водой. Судорожный глоток, еще вдох — он будет последним. Гадкое тело дергается и хрипит, но вскоре затихает. Кончено. По крайней мере, эта одна паучиха больше никого мучить не будет, не из кого больше не высосет всех жизненных соков. Осталось только положить ее как нужно. Передо мной лишь пустая оболочка, которая никогда не была живым существом. Она не боролась за свою жизнь, не умерла, просто перестала быть опасной. И выглядеть должна именно так, чтобы не вводить никого в заблуждение.

Вот только что-то здесь не так. Если присмотреться, то явно чего-то не хватает. Где же длинные клочья паутины, нависающие на каждую паучиху? Без них свершившееся не имеет значения.

В маленьком черном рюкзаке, который тащила с собой паучиха, тоже нет необходимого. Зато есть нож. Он недостаточно большой и недостаточно острый. Вскрыть им твердую оболочку паучихи никак не выходит. Добраться бы до ее черного паучьего сердца! Но нет. От ударов из нее брызжет зловонная тьма! Снова и снова, и хочется думать, каждый удар ослабляет их всех...

Холод пробирает до самого нутра. Вокруг сгустилась чернильная тьма, и я не могу понять, где нахожусь. Да и кто это Я, собственно? Только что на месте меня был кто-то чуждо другой, без единого проблеска меня нынешней. Какое-то время меня просто не было, не было ни в одной точке пространства, и я вернулась не по собственному желанию. Мое хрупкое Я разлетелось вдребезги и перестало существовать, а теперь собралось обратно, но на долго ли? Что оно такое, раз так запросто может исчезнуть?

Когда мое Я находилось в полной власти другого человека, оно стремилось выбраться из вполне конкретного места, над которым простиралась его власть. Теперь же мое Я потерялось и, хоть и не находится ни в чьей власти, оно не находится и в своей. И все также стремится выбраться, хотя выбираться неоткуда. А как же выбраться из ниоткуда?

Наверно это инстинкт — бежать, двигаться, и он приводит меня в какую-то яму, из которой я с трудом выбираюсь наверх, проваливаюсь через какие-то мохнатые кусты и вываливаюсь наконец на ярко освещенную аллею парка. Бьющий по глазам свет, наконец, окончательно возвращает меня в реальность, и я понимаю, что все вокруг меня больше не сон. Я проснулась, но почему-то не в собственной кровати, а на улице, и к счастью не в пижаме, а в своих обычных джинсах и толстовке. Оглядываюсь, не понимая, как же так произошло-то со мной.

Тысячи разноцветных фонариков гирляндами развешаны вокруг и окрашивают собравшуюся под ними толпу людей то в синий цвет, то в красный, то в зеленый. Игрет музыка, которую я до сих пор, увлеченная собственными кошмарами, упорно не замечала. Трещат автоматы с закусками, а мусорные баки уже доверху наполнены одноразовой посудой и скомканными салфетками. И все это тошнотворно знакомо, нет только ненасытного монстра посреди груды искалеченных трупов.

Музыка прерывается, и нарочито довольный юношеский голос, начинает расхваливать здоровый образ жизни и конкретно сегодняшней благотворительный марафон, который вот уже почти-почти завершен. В сознании, наконец, всплывает что-то существенное — удается вспомнить брошюрку об этом мероприятии, найденную мной в доме погибшей. Наверное, из-за нее я и пришла сюда сегодня, хоть и напрочь забыла как.

Иду сквозь толпу в конец аллеи. Здесь стоит высокая арка с яркой надписью “Финиш”. От нее вглубь парка ведет тускло освещенная серебристым светом дорожка. По ней как раз добегают последние метры один из участников марафона.

Кто-то хватает меня за плечо, вынуждая остановиться. Оборачиваюсь и вижу Пилдика, у него обескураженный и даже немного помятый вид. Лицо покраснелось, волосы стоят дыбом, галстук сбился на сторону.

— Эй, вы в порядке?! — спрашивает он, тревожно вглядываясь в мое лицо.

— Да, — киваю я, — не ожидала вас здесь увидеть...

— Но мы приехали вместе!!! — обескуражено восклицает мой шеф.

Вот так! Роюсь в памяти, но там полнейшая пустота. Очень хочется расспросить его о подробностях, но как-то неловко.

— Хотите сказать, что вы не помните, как оказались здесь? Что последнее вы помните? — начинает допытываться Пилдик.

Рассказываю, что вроде бы была дома, в постели, и мне снились кошмары, выражение его лица становится совсем кислым.

— Ну что ж, — вздыхает он, — не думал, что с вами это произойдет так быстро. На самом деле, мне начало казаться, что именно с вами у нас все получится.

— Так быстро произойдет что?

— Ну, — Пилдик смотрит в сторону и морщится, — в конце концов, все начинают немного теряться... ну, вы понимаете, о чем я.

— И что, потом это проходит?

— Не буду вам врать, дальше становится хуже, — выдавливая из себя Пилдик.

У меня начинается тихая паника, и появление Гиля с огромным многослойным

бутербродом в руке меня уже не удивляет.

— Ну что, отдыхаем, развлекаемся? — интересуется он, кусает бутерброд и запикивает обратно кусочек помидора, попытавшийся дезертировать с другой стороны. Проглотив добычу, невозмутимо сообщает: — Надеюсь, у вас есть что-нибудь стоящее. Сейчас шеф подойдет.

Мелькает мысль, что я в беспамятстве умудрилась как-то собрать здесь всех, чтобы у того, как я схожу с ума, было побольше свидетелей.

— Боюсь, я зря вам позвонил, — Пилдик нервно поправляет галстук.

— Угу, — соглашается Гил и, спешно дожевывая следующий кусок, прячет остатки своей трапезы в пакет. К нам сквозь толпу стремительным шагом подходит Кай Леон собственной персоной. У меня от страха подкашиваются ноги.

— Почему мы здесь? — спрашивает этот страшный человек. Его тяжелый взгляд скользит по Гилу и Пилдику и останавливается на мне.

Брошюра с приглашением на марафон, белые кроссовки со шнуровкой, паучиха в кроссовках на всех восьми ногах и топчущее стадо других странных образов галопом проносятся в моей голове. Мне хочется найти какое-то нормальное объяснение тому, что меня занесло сюда. Чтобы я не ходила во сне целые сутки, следуя за образом мертвого человека, ради забавы одевшего бежевое пальто и шапку. Чтобы хотя бы часть картинок, нарисованных моим подсознанием, хоть частично соответствовало реальности и относилось к убийце, которого мне полагается искать.

На небольшом возвышении в центре аллеи начинается награждение победителей марафона в нескольких категориях. Призеров уже выстроили на лестнице. Встрепенувшаяся толпа смыкается вокруг сцены, как смыкалась вокруг паучихи.

— Потому что Она здесь, — неожиданно для себя отвечаю на вопрос Кая. В моей голове становится так ясно и светло. Конечно же, наш убийца пришел с Ней. Она участвовала в марафоне, а он ждал ее. Может быть, Она стоит сейчас на лестнице и выглядывает в толпе его лицо. А он мчится сквозь лес весь перепачканный в крови.

— Кто Она? Его следующая жертва? — не понимает Гил.

— Не-ет, — я не в силах ни объяснить толком, ни оторвать взгляда от сцены. — Его настоящая Она, не какой-то эквивалент, а реальная Она. — Машу рукой в сторону, где Она, предположительно стоит сейчас и получает поздравления.

— А это что?! — грозно вопрошает Кай. В его манжете загорается фонарь, и яркий луч скользит по моей одежде. На моих джинсах и ботинках несколько темно-красных пятен, как будто я, бродя по лесу, упала во что-то... Всего лишь упала. За мгновение в мозге проносится мысль, что за время, проведенное в беспамятстве, я могла сама убить кого-то, но странные воспоминания вновь выскакивают вперед, словно вставая на мою защиту. Я помню теплую зловонную тьму на руках убийцы, но поднимаю собственные руки, верчу их перед собой в свете фонаря Кая и не вижу на светлых рукавах ни единого пятнышка.

— Я не знаю, — мямлю испуганно, — я бродила в темноте и, должно быть, наткнулась... Где-то слева от беговой дорожки, недалеко... И возможно на нем бежевое пальто и шапка.

Кай Леон отходит в сторону и рассылает какие-то сообщения через свою манжету. У меня в голове гремит водопад, а Пилдик чуть ли не пританцовывает от радости.

— Так, значит, мы все же реально что-то нашли! И это позволит найти убийцу! Наконец-то прорыв! — восклицает он.

— Ага, мало ли что это, — пытается притушить его восторги Гил. — Может это даже не кровь, а если и да... Мы вообще-то душителя искали. Вы бы почитали все-таки мою ориентировку. Я ее с такой любовью составлял.

Ну, может какой-то другой убийца, — отмахивается Пилдик, — главное, что возьмете его на горячем. Потому что она, — тычет в мою сторону, — нашла труп сразу же после совершения преступления. Почему вы ничего не делаете?! — набрасывается на вернувшегося к нам Кая. — Убийца может быть совсем рядом.

— Да, конечно, сейчас побегу лично быстренько прочешу лес, — ровным тоном отвечает Кай. — Отвези ее к нам. — Обращается он к Гилу и добавляет, поскольку Пилдик явно порывается ехать с нами. — А вы езжайте домой!

По каким-то причинам, мне так и не приходится оправдываться, хоть я и порываюсь несколько раз. Гил всякий раз прерывает сумбурный поток моих слов, вынуждая рассказывать все по порядку и без лишних эмоций. Так что я лишь подробно под запись описываю свой сон. Или не сон, ведь сны так четко не врезаются в память. Почему-то никто так и не выказывает ни малейшего сомнения по поводу моего рассказа, никто не высказывает предположения, что убить на этот раз могла и я сама, по крайней мере, в лицо. Домой Гил отвозит меня только через несколько часов, причем предлагает остаться у него, но мне позарез нужно увидеть Микки.

По пути Гил рассказывает мне, что удалось узнать за это время. В нескольких метрах от дорожки, по которой проходил благотворительный забег, действительно нашли истерзанное тело молодой женщины. Она была участницей марафона. По словам родственников, после того как на нее напали в подъезде собственного дома, она никому не доверяла собственную безопасность и повсюду носила с собой раскладной нож. Возможно, именно этим ножом ей и нанесли тринадцать ударов в живот и грудь. Нож не нашли. Больше ничего с тела не пропало. Действительно на нашего убийцу-душителя не слишком похоже.

В результате прочесывания парка и окружающей территории удалось задержать только молодого человека в грязном пальто цвета хаки и шапкой нечесаных волос, который тут же на месте признался в трех убийствах и укусил полицейского за палец, мотивировав это тем, что является вампиром и без человеческой крови к утру развеется в прах.

Глава 10

Небо хмурится и чего-то ждет, плотно укрывшись ото всех жутковатыми серыми тучами. Некоторые прохожие быстро перебирают ногами, стремясь вовремя попасть под какую-нибудь крышу, а некоторые наоборот неспешно прогуливаются мимо, предвкушая дождь. Я не отношусь ни к тем, ни к другим, скрестив ноги, сижу на остановке без единой мысли в голове.

Ветер шумно треплет кроны деревьев, а дождь все никак не начнется, словно ждет, когда же я уже наконец определюсь с направлением, выйду из своего укрытия и побегу, и вот уже тогда... В угоду ему я поднимаюсь и плетусь домой. Дождь роняет мне на голову увесистую каплю, но я продолжаю безучастно наблюдать за тем, как по тротуару идут вперед мои ботинки. Капля злорадно скатывается мне на нос и, чуть задержавшись на кончике, падает под ноги. Ну чего тебе? Поднимаю лицо к небу, вдалеке раздается ругательный удар грома. Ну ладно, поспеваю. Делаю вид, что мне не все равно и перехожу на бег, но до подъезда успеваю промокнуть до нитки, как дождь и хотел.

Надеюсь, небо довольно, потому что я не очень. Не могу вспомнить, какая нелегкая вообще понесла меня на улицу. И что я вообще там делала? Кроме того что бессмысленно бродила по улицам и купила сыр?

Выкатив из пакета на стол свою одинокую покупку, смотрю на нее как на говорящую лягушку. Только такую, которая при этом молчит и ничего не объясняет.

На почту приходит сообщение от охранной фирмы. Они, доблестно размахивая постановлениями и договорами, прорвались к серверу и устранили неполадки. Теперь они полностью владеют данными с камер и просят у меня только копию моего заявления в правоохранительные органы по поводу надругательства над дверью моей квартиры. Без него они не могут предоставить мне запись с камеры. Ну вот еще!

Злобно бурча, все-таки стаскиваю с себя мокрые шмотки и иду в душ. Джил дома нет, и в этом нет ничего такого. Но все равно меня гложет что-то, какое-то непривычное одиночество и пустота. Так и не помывшись толком, вылетаю из ванной и обыскиваю все щели. Но это невозможно! Микки нет абсолютно нигде!

Забывшись, вылетаю на лестничную клетку, едва прикрывшись полотенцем. Бегаю по лестнице, ищу повсюду, зову его, хотя даже если бы Джил его случайно выпустила из квартиры, мой кот не ушел бы далеко. Расцарапал бы дверь, телепортировался, но вернулся!

Уже в наспех одетом виде бегаю по соседям, из которых мне не открывает никто, бегаю вокруг дома, звоню Джил, допрашиваю на счет ее мужчин и не положил ли кто-то из них глаз на моего прекрасного плебейских кровей кота, вытрясаю из робота всю информацию, во сколько открывалась/закрывалась дверь, заставляю и его искать с тепловизором. Не верю роботу, сама ищу Микки в том числе в упаковках с хлопьями, в которые он бы даже не влез. И наконец в истерике звоню Гилу.

Вопреки моим ожиданиям, Гил не комментирует проблему, а просто приезжает ко мне и, мы вместе смотрим видео с камер в моем доме. Ему их предоставляют без особых проблем, в голосе представителя все той же охранной фирмы, даже чувствуется радость. Типа, что серьезные дяди так и узнали про их маленькую досадную, но вовремя решенную проблемку.

Согласно записи несколько часов назад из моей квартиры вышел некто, кто выглядел

точно как я. В моей толстовке, которая сушится сейчас на спинке стула, в моих кедах, скинутых мною при входе, в спортивных брюках, которые сейчас заляпанные грязью валяются в корзине в ванной комнате. Моя блондинистая голова, в руках бело-голубая переноска Микки. В этой же одежде, но без переноски я возвращаюсь домой за несколько минут до того, как вылетаю на площадку в полотенце.

Я сама унесла Микки и не помню куда.

— Это ты? — зачем-то уточняет Гил. — Может, ты отвезла его к ветеринару или еще куда? Не вспоминается ничего?

Не вспоминается. Самое ужасное, что я не могу сказать, что этого точно не было. Мои воспоминания не просто в тумане, в них определенно есть пробелы. Я не помню, как проснулась сегодня утром, не помню, как выходила из дома. Пусто.

И что если в это время меня в моем же теле просто не было? Что если его всецело занял Он? Ну то есть не сам он, а некая зараженная им часть меня. Мое злое альтер-эго, незаметно угнездившееся и созревшее на дне моего сознания. Что если Он уже появлялся, делая надписи на двери и зеркале в моей квартире, скачивая фотографии на мой компьютер, которые теперь куда-то исчезли. Что тогда Он сделал с Микки? И что Он задумал сделать с Джил и другими девушками?

Ги́ла мои подозрения только злят, но мне кажется, он допускает такую возможность. Особенно вспоминая его слова, что все, кто работал на Пилдика, рано или поздно сходили с ума.

— Поехали! — рычит Гил. — Проедемся по местам, где ты могла быть сегодня. Может ты его где-нибудь оставила случайно.

Пока мы спускаемся, звонит Мел. Она не хочет слушать, что мне некогда.

— Я предупреждала тебя! — плачет она. — А теперь Он забрал его! Он заберет всех, кто стоит между Ним и нами!

Она хочет, чтобы я немедленно приехала к ней, но я хочу искать Микки. Я прошу ее, снова позвонить психологу, если ей страшно, но она бросает трубку. Сама звоню ее психологу, но та занята и, судя по интонации, уже не горит таким желанием помогать нам как раньше. Ее можно понять.

— Держи, выпей это и на боковую, — Гил пододвигает ко мне чашку с чаем, как только я заканчиваю говорить по телефону с Джилли. Сестра останется на ночь у подруги, будут готовиться к экзаменам допоздна. За просмотром ужастиков и поглощением тонны всякой разноцветной дряни, конечно.

— Не боишься, что я придушу тебя подушкой во сне? — на полном серьезе спрашиваю я, сербая обжигающе горячим чаем с ромашкой. Так и не найдя моего несчастного Микки, Гил привез меня к себе, в свою холостяцкую берлогу.

— Да я, между прочим, в армии служил! — хорохорится он. — Мой сон чуток, а реакции молниеносны. Так что, если ночью твоей тщедушной тушкой овладеет маньяк-убийца, он будет немедленно нейтрализован.

Вымученно улыбаюсь.

— Для верности можем тебя связать.

— Ну уж нет! — дергаюсь я, едва не обварившись чаем. — Лучше давай ты запрешь от меня в ванной. Чтоб наверняка.

— Вот еще! — фыркает Гил. — Чтоб я от каких-то мертвых засранцев прятался?!

Ромашковый чай валит меня с ног, как лопата по голове. Утром просыпаюсь поздно, когда Гила уже нет. Зато на столе лежит булочка с запиской, что она, дескать, страстно желает быть съеденной полоумной блондинкой, которую вчера привел сюда хозяин. Булочка свежая пышная и с изюмом, так что ее желание исполняется незамедлительно, даже раньше, чем вскипает чайник. Попивая кофе, звоню Джил, но она не отвечает, так что приходится оставить сообщение.

После целой ночи нормального сна во мне море энергии и трачу я ее на повторный обход своего района, однако толку ноль. Вчера мы поставили на уши всех, кого могли, но сообщений тоже никаких. Не знаю, что еще можно сделать. Разве что вернуться домой и попытаться вспомнить, куда, черт меня подери, я вчера пошла. Попытаться повторить шаг за шагом свои действия.

Добравшись до дома, я поднимаюсь на свой этаж и обнаруживаю дверь в квартиру открытой.

— Джил? — срывающимся голосом зову я, хотя и так ясно, что она бы дверь так не оставила. На полу прихожей россыпь красных капель.

Я не особо уверена в реальности происходящего. В голове повис плотный кровавый туман, ощущаю запах крови повсюду, даже во рту этот мерзкий металлический вкус. Что-то беспрестанно жужжит.

Вещи раскиданы по квартире. Я ищу взглядом Микки, но его так и нет, хотя это, наверное, и хорошо. Учитывая обстоятельства, вряд ли можно рассчитывать увидеть его живым, а мертвым я видеть его не хочу.

Компьютер единственное, что стоит на своем месте, он включен и на мониторе высвечивается одна из тех странных фотографий Джил. Он повернут так, что ее можно увидеть прямо от входа.

Что-то продолжает назойливо жужжать.

В ванной комнате пусто и ничего не тронуту. В комнате тоже никого. Вещи не просто вытащены и брошены на пол, некоторая одежда изрезана, все, что могло быть разбито, валяется в осколках у стены. Простыни с кровати сдернуты, а в матрас воткнуты ножницы и все ножи с кухни. Кто бы это ни был, вся его ярость сконцентрировалась именно здесь.

Последней я открываю дверь чулана, именно оттуда раздается этот назойливый звук. Кухонный работ буквально вываливается наружу и тут же принимается за уборку. Похоже, он уже давно пытался это сделать, но не мог выбраться из-за заевшей дверцы.

— Остановись!

Робот не слушает меня, продолжая с маниакальной тщательностью тереть пол. Наткнувшись на валяющуюся на полу подушку, пытается запихнуть ее в мусор.

— Стоп! Отмена! — ору я, выхватывая у него мусорный пакет и поворачивая его лицом к себе. Робот продолжает игнорировать меня, отъезжает назад и едет в чулан за новым пакетом. Пытаюсь связаться с ним с помощью манжеты, но также не выходит.

Робот выезжает обратно в комнату с ведром.

— Мешки для мусора закончились, — рапортует он на ходу. — Или ты, или она.

Робот поднимает с пола декоративную миску, подвисает на секунду и ставит ее обратно на журнальный столик. Столик накренен, и миска скатывается вниз. Робот собирается снова ее поднять, поворачивается и видит оставленные им же следы на полу. По ним иду в чулан. Там возле опустевшего рулона с мешками смазанная лужица крови.

— Или ты, или она, — повторяет робот у меня над ухом и пытается отодвинуть меня, протягивая вперед тряпку.

— Железяка ты офигевшая! — придерживая его коленкой, я добираюсь до спрятанной на корпусе кнопке и вырубаю его наконец. — Что ты сказал? — зачем-то переспрашиваю, хотя он и во включенном виде меня не слышал.

Снова набираю номер Джил, но только для того, чтобы оставить еще одно сообщение, невразумительное и истеричное. Не могу иначе, паника напрочь забивает любые другие мысли. На экране компьютера, словно чтобы окончательно добить меня, начинает мелькать надпись: “Или ты, или она. Или ты, или она. Или ты, или она.” И обратный таймер, отсчитывающий тридцать с чем-то минут.

В полнейшей уверенности, что Он добрался до моей сестры, я выбегаю на улицу и ищу автотакси, забиваю Его старый адрес и мучаюсь на переднем сиденье всю дорогу. Едем до места тридцать две минуты и двадцать шесть секунд. Мне даже на часы смотреть не надо, таймер продолжает мигать у меня в голове.

Спотыкаясь, бегу от машины к знакомой выпачканной краской двери. Толкаю ее и словно ныряю в тяжелую атмосферу Его дома. Коридор такой же узкий и давящий как мне запомнился. Вдалеке мелькает Его высокая сутулая тень.

Вопреки всем своим инстинктам бегу к Нему. Дверь в Его комнату распахнута, я влетаю внутрь и застываю на месте. Из меня вырывается короткий сдавленный крик.

— Тщ! — призывает к тишине Его тень.

На полу перед дырой в стене следы крови. На этот раз очень много крови. Как будто кого-то подволокли к стене и с трудом протолкнули вниз. Края лаза все в крови, рядом беспорядочные и смазанные кровавые отпечатки пальцев и ладоней, как будто кто-то отчаянно сопротивлялся силе, затягивающей его внутрь.

Шорох, удар и темнота.

Темнота, духота и боль. Голова раскалывается, зато исчезла та пелена страха и чужих сбивающих с толку мыслей. Мое сознание снова полностью принадлежит мне, и мир стал более четким. Правда, я совсем ничего не вижу, зато в остальных своих чувствах я полностью уверена, на сто процентов реальные ощущения.

Приподнимаюсь на локте, руки спереди стянуты в запястьях. На шее знакомая тяжесть, проверяю и так и есть — ошейник с прилаженной к нему цепью, как тогда в Его подвале. Но, несмотря на кромешную тьму, место, где я очутилась теперь, определяю сразу. Очень низкий давящий потолок, и ладони узнают песчаное покрытие подпола под домом Его детства. А вот запах, как в квартире Мел.

Впереди где-то в нескольких метрах от меня кто-то есть. Он неподвижен, смотрит на меня. Сначала я ощущаю только этот морозящий душу взгляд, потом распознаю и участившееся дыхание. На удушющую паническую минуту мне кажется, что это Его взгляд и Его дыхание. Но Он мертв!.. Хотя как я могу быть уверена? В любом случае, я больше не дам себя мучить ни мертвому, ни живому!

Я осторожно шарю вокруг рукой, хочу определить точнее, в какой части подпола я нахожусь и, соответственно, в какой стороне выход. Натыкаюсь на край целлофановой пленки и рядом чьи-то волосы. Кто-то лежит на полу рядом со мной. Только не Джил, только бы это не Джил!

На ощупь какая-то ткань. Требуется время, чтобы понять, что же это такое. Это не

первое что приходит в голову, но, в конце концов, я понимаю, что это шапочка. По размеру детская. Я провожу рукой по уже холодному тельцу. Оно все в ранах, живого места нет, просто месиво.

Пудель моей соседки ходил в такой вот маленькой шапочке, предположу, что это ему не повезло жить рядом со мной. Возможно, где-то здесь я найду и Микки. А вот Джил вряд ли, не думаю, что ее можно было бы сюда притащить.

Тот, кто притаился рядом со мной в темноте, меняет положение, и тут вдруг до меня доходит, кто это! И как я могла не понять это раньше, ведь я провела с ней рядом наедине три недели?!

— Ты сердишься на меня? — спрашиваю я, собравшись с силами.

— За что? — спрашивает Мел из темноты как бы удивленно, но я понимаю, что сердится и еще как.

— Я должна была помогать тебе, должна была разделить твою боль, — предполагаю я.

— Теперь поделишь, — соглашается она.

— По-другому никак?

— Я пробовала по-другому, — шипит Мел, — но у тебя всегда кто-то был, всегда кто-то важнее меня.

— Мой кот?

— О да! Это вонючее животное смотрело на меня как на кучу отбросов. Следило за мной, не давало и шагу пройти.

— Гил?

— Как ты могла? После Него? Как ты могла позволить даже дотронуться до себя? — в ее голосе было столько отвращения, что я задумалась, не стояла ли она рядом, когда мы с ним “утешали” друг друга в моей спальне.

— Джилли?

Мел молчит, хотя и слышу обиженное сопение в темноте.

— Как ты сделала, чтобы я не могла до нее дозвониться?

— Это просто. Ты же дала мне пароль от своего компьютера.

— Точно. И этого достаточно?

— В твоем случае, да. Ты так потрясающе беспечна. Прирожденная жертва. Во всем.

— Ты приходила в мой дом, когда никого не было? Следила за нами? Купила такую же одежду как у меня?

— Я хотела быть похожей на тебя, ясно? — Я слышу, как Мел двигается в темноте, может быть, просто сменила позу. Мне и самой неудобно, щиколотки и запястья стянуты слишком туго. — Я думала, ты справляешься. — Она явно подобралась ближе. — Думала, что с тобой все в порядке, лучше, чем мне. Но это не так, все наоборот. Ты запуталась. Тебе нужно было вернуться. — Ее голос раздается совсем рядом со мной. — Здесь ты будешь в безопасности. А я буду заботиться о тебе! Обещаю. Это то, что нужно нам обеим.

Мел поднимается и с некоторым усилием выбирается из подпола наверх. Тот лаз, что ведет в Его комнату, очевидно, совсем близко. Это и понятно, Мел не смогла бы далеко меня оттащить. То, что ей удалось проделать, уже удивительно.

Я дергаюсь на цепи, такой короткой, что мне едва удастся недалеко отползти от трупики собаки. Прости Мел, но ты не права. Я больше не жертва.

Изловчившись, достаю из потайного кармана на джинсах маленький складной ножичек. Настолько острый, насколько возможно. Сначала торопливо перерезаю стягивающие

запястья путы, затем те, что на ногах. Последним перерезаю ошейник. Идет очень туго, должно быть ножичек затупился о пластиковые стяжки. Черт с ним! Он словно душит меня, и я уже надрезанный разрываю его руками. Ползу к выходу, надеясь, что не потеряла нужное направление. Не потеряла. Впереди открывается светлый, очень яркий прямоугольник, и я вижу чьи-то ноги.

Останавливаюсь в недоумении. В голове проносятся несколько дурацких мыслей. Что если это все-таки Он? Или, может быть, это сообщник Мел?

Человек опускается на корточки, и я вижу его лицо, но не сразу могу разглядеть на фоне яркого света.

Это Кай Леон. Я в ступоре.

— Вылезай, — говорит он. Хорошо, а то я, похоже, сама бы не скоро сообразила.

Преодолевая последние метры, слышу чужие голоса и звуки борьбы.

Мел увезли. Она как кошка выскочила из кустов на одного из приехавших полицейских, пыталась стукнуть его одним из декоративных булыжников из Его сада. Наверное, их вызвала соседка. Но что здесь делает Кай со всей своей группой?

Гил подходит ко мне весь растрепанный и злой. Рукава рубашки подвернуты до локтей, но мокрой землей он заляпан абсолютно весь. Вытирается салфетками и фырчит.

— Почему ты такой грязный?

— Почему грязный? — переспрашивает Гил, как бы не веря, что такое вообще можно спрашивать. — Благодаря твоему домашнему чудовищу! Кто-то, не будем показывать пальцем, закопал его в этой чавкающей липкой грязи в персональном голубом гробу. Этот монстр разорвал зубами дверцу, но застрял в ней, и, когда мы приехали, из-под земли торчали только его лапы и раздавались дикие замогильные завывания, как от перепившего водки упыря. Я спас его от смерти вот этими самыми руками, а эта неблагодарная скотина использовала меня в качестве полотенца и теперь жрет бутеры Ирен вон там.

Он указывает куда-то в сторону, на женщину из группы Кая, и оттуда уже несется со всех лап мое маленькое чудовище. Прижимая к себе его теплое живое тельце, чувствую себя уже намного легче.

— Почему вы здесь? — интересуюсь я, тая в объятиях моего пушистого мужчины.

— Ну, я же слежу за тобой чуть-чуть, если помнишь, — поясняет Гил. — И когда, приехав в это странное место, ты вдруг телепортировалась домой, я жутко заинтересовался. Интересно же посмотреть на это чудо техники — телепорт.

— Должно быть, Мел поколдовала с моей манжетой, — я гляжу на свое непривычно голое запястье. — И как ей только это удастся? Я думала, манжета без имплантата не работает. — Провожу пальцем по коже на руке, где едва можно нащупать бугорок от подкожного идентификационного устройства. К счастью, оно осталось при мне.

— Ну, манжета-то твоя здесь, — Гил кивает куда-то в сторону, — только сигнал от нее у тебя дома. Разберемся.

— Гил, — к нам неожиданно подходит сам Кай Леон собственной персоной. — Тебе стоит съездить переодеться. Ты еще понадобишься сегодня в офисе. — Он говорит “тебе стоит”, но звучит это как жесткий приказ.

— Но она...

— Я сам позабочусь о Бетании, — отрезает Кай, и мне приходится идти за ним к машине и дрожать в ожидании неприятного разговора. Точнее бежать за ним, ведь он не

делает мне ни малейшей скидки на плачевное состояние и шагает вперед в своей обычной скоростной манере. По его лицу, может, и не скажешь, но я нутром чую, что он взбешен. И понятно из-за кого. Из-за меня, кого же еще.

Кай заезжает в мой двор и дает мне буквально пять минут, чтобы подняться в квартиру и немного привести себя в порядок. Весь этот кошмар дома никуда не делся. Мой слегка свихнувшийся робот так и стоит в чулане, скорбно склонившись над высохшим пятном крови, а я роюсь в куче порубленной на салат одежды в надежде найти хоть что-то, во что можно было бы переодеться.

Микки очень недоволен, он ходит по квартире и ругается на своем кошачьем. Кажется, он с удовольствием включил бы робота и заставил его убираться, но не знает, как это сделать, так что ходит ищет инструкцию.

Мои вещи порваны и скомканы, как наши отношения с Мел, они кричат о моей огромной вине перед ней. Наконец, нахожу избежавшие расправы рубашку и штаны, так что остальное запикиваю под кровать и поспешно стаскиваю с себя грязную одежду. Переодевшись, не смотрю на себя в зеркало, и так ясно, что выгляжу, как будто меня жевали. И физически, и метафорически.

Выйдя на лестничную площадку, я, задумавшись, по привычке вызываю лифт, совсем забыв о том, что я их теперь боюсь. Но двери раскрываются, и Его там нет! Никакая причудливая тень на этот раз не воскрешает мои воспоминания о Нем. Блаженная пустота.

Но почему сейчас? Ведь мои бесконечные возвращения к Его темному образу не были связаны с нашим конфликтом с Мел. По крайней мере, Он являлся ко мне и раньше, до того, как ей пришла в голову идея пугать меня и привязать меня к себе Его мнимым возвращением.

Как же быстро Мел перешла от образа жертвы к образу осознанного манипулятора! Всего лишь несколько дней назад она не знала, как жить дальше, и хотела покончить с собой, чуть позже пришла в мой дом и, найдя там временное спокойствие, захотела получить туда постоянный доступ. Столкнулась с сопротивлением моих домочадцев. Но должно быть еще тогда, в тот единственный день, когда мы оставили ее дома одну, она организовала себе доступ. Не зря ее специализацией в нашем университете была информационная безопасность. И я сама дала ей пароль, который не удосужилась поменять. Так она могла следить за нами, приходить в квартиру, поместить что угодно в мой компьютер и перепрограммировать робота, оставить душ включенным и ту гадкую надпись на двери. Но, черт возьми, как она смогла залезть в мою голову? Сделать так, чтобы Его тень так вовремя появлялась рядом со мной. Уж не сговорились ли они на каком-то своем ментальном уровне? И как она сделала те фотографии Джил? И тысячи фоток других женщин? Зачем?

Я не могу представить себе, чтобы Мел в ее образе испуганного привидения ходила по улицам и фотографировала женщин. Разве что, в это время она представляла себя кем-то другим. Но столько фотографий, столько разных людей за такой небольшой промежуток времени! Скорее уж она взяла эти фотографии откуда-то, и, судя по ракурсам и местам съемки, да и качеству, это могли бы быть камеры видеонаблюдения. Насколько легко бы ей было их достать? Представители охранной фирмы не смогли сразу попасть к своему серверу. Эта мысль скачет в моем мозгу как восторженный щенок.

Приходится нажать на кнопку вызова лифта еще раз, поскольку он, не дождавись меня, закрылся. Вхожу в кабину и, нажимая кнопку первого этажа, прямо смотрю в глаз

видеокамеры и пытаюсь воспроизвести в памяти те фотографии, но только фото моей сестры врезались в нее яркими образами, остальные теньями мелькают где-то на периферии. Все ли эти фотографии из нашего двора, из нашего дома?

Точно нет. Я помню, что на изображениях было что-то вроде салона красоты, а в нашем доме ничего похожего нет. Значит видео, по меньшей мере, из двух разных домов. Она вскрыла центральный архив или кто-то специально перенес эти фотографии на сервер нашего дома?

Лифт неожиданно останавливается. Смотрю на табло — это технический этаж.

В кабину заходит мужчина. Хмурый взгляд в пол. Он замечает меня — кажется, незаметно для себя самой я вжалась в самый угол — дергается и встает с другой стороны лифта. Он не смотрит на меня, а я не могу отвести взгляда.

Он одет не по погоде тепло, сутулится. Потрепанная шапка надвинута глубоко на лоб. В руках сумка из тех, что обычно носят на ремне через плечо, но он стискивает ручку в ладони. Я его помню. Он разговаривал с Гилом, когда мы приехали на место убийства той девушки в парке.

На ногах у него ботинки без шнурков. Не веря своим глазам, я слежу, как нежно-зеленые как молодая трава шнурки с кроссовок той девушки-бегуни словно прорастают из его черных стоптанных ботинок. Похоже, он видит то же самое. Мы смотрим друг на друга и понимаем, что это конец. Конец для нас обоих. Он набрасывается на меня...

Я словно парю в воздухе, я растворена в нем и могу просочиться куда угодно. Медленно опускаюсь вниз, туда, где у обочины стоит черный автомобиль Кая, где он ждет, когда я выйду из подъезда. Он сидит внутри, такой же хмурый и сосредоточенный как, наверное, всегда. Просачиваюсь на заднее сидение и слышу, как он говорит с Гилом по телефону. Их голоса раздаются как бы издалека, хотя я парю здесь, прямо рядом с его головой.

Гил говорит про какую-то ошибку, неверные сведения, предоставленные управляющей компанией. Есть совпадения среди персонала, который работал в районах, где были убиты женщины. И этот человек, судя по трек-сигналу сейчас в этом доме.

Кай выходит из машины. Если не знать его, то кажется, что он очень спешит. Мчится опророметью. Но на самом деле это его обычная скорость передвижения.

Возвращаюсь в квартиру всего через две недели отсутствия, хотя сгоряча уезжала на веки вечные. Побывав в больнице — снова там побывав — без заезда сюда я отправилась домой к папе зализывать раны и вообще, но со временем поняла, что мне необходимо вернуться. Во-первых, да и во-вторых, и в-третьих, из-за Джил. Она не захотела жить в квартире, где “буянила маньячка”, и все время, что меня нет, она кантуется у друзей, которых я не знаю. И чем она там занимается, я тоже не знаю. Отцу мы не сообщили про ее последний способ заработка, но он все равно очень волнуется, что его малышка осталась одна в большом городе.

Ну а в-четвертых, мне пора возобновить свое присутствие на работе. Пилдик считает мое случайное столкновение с искомым нами убийцей в лифте нашей безоговорочной победой и, соответственно, полон энтузиазма. Хотя, очевидно, его поймали бы и без меня. Оказалось, что наш убийца занимался обслуживанием систем видеонаблюдения и каждый раз использовал камеры на своих объектах для выбора своих жертв. Его бы вычислили и раньше, если б в переданных охранной фирмой данных не закралась небольшая ошибка. Что до моего вклада, туманные намеки призрака на встречу в лифте, никак нельзя бы было использовать, даже если б я поняла, что это именно намеки. Встреча эта в любом случае произошла бы в свое время. К тому же убийца все это время был у меня под носом, окопавшись на тринадцатом этаже моего собственного дома, развесив прямо там свои трофеи словно паук добычу. И это его, как выяснилось задним числом, я видела в самый первый день на новой работе. Он шел с Гилом с места убийства, и мне даже стало не по себе при виде этого не по погоде тепло одетого господина, но я, конечно, не придавала этому значения. Гила, кстати, тоже этот факт уязвил. Он знал убийцу лично, хоть и очень плохо. Всего лишь муж подруги его коллеги Ирен. Той Ирен, что кормила моего кота бутербродами после его вызволения из-под земли. Так себе связь, но Гилу не по себе. Я знаю это, потому что он звонит мне почти каждый день, хамит и издевается. Настучать ему по башке — это пятая причина моего возвращения.

Прошло так много времени, а в квартире ничего не изменилось. Уезжая домой к отцу, я побоялась включать своего робота-ренегата, поэтому, отворив дверь, окунаюсь в нагретый спертый воздух, бардак и разруху. Микки вылезает из переноски, садится сверху и выжидательно смотрит на меня, нервно дергая хвостом.

— Полагаешь, надо бы заняться уборкой? — спрашиваю я его.

— Давно пора, — отвечает эта усатая морда.

Я на цыпочках подкрадываюсь к замершему в чулане роботу и нажимаю на кнопку на его корпусе. Он мгновенно оживает, резко выпрямляется и тут же рвется на подзарядку, по пути чуть не переехав мне ногу. Но если закрыть на это глаза, в остальном перезагрузка, похоже, подействовала на него благотворно — он реагирует на команды и больше не транслирует мне странных угроз. Заряжается робот быстро, но, окинув взглядом фронт работ, я решаю не ждать его, а попробовать внести свою посильную лепту в уборку. Микки тут же занимает удобную позицию на холодильнике и начинает руководить операцией.

Первым делом я прорываюсь в спальню и, стараясь не смотреть на убитый матрас на моей кровати, вешаю напротив последней новый жизнеутверждающий плакат. Правда на этот раз на нем нет ни надписей, ни рисунков, только две фотографии. Слева Его фото. Мне

долго пришлось его выпрашивать, и на нем Он уже мертв, что сильно изменило Его облик, но, по крайней мере, Он больше не будет для меня безликим. На фото справа — мой новый друг из лифта — Алекс. Вот так. Вешаю плакат и отхожу на шаг. Теперь они оба передо мной и больше не будут прятаться в тених и пугать мое шаткое Я. Можно приняться за уборку.

Через час общих с роботом усилий наше обиталище все еще непригодно для обитания, но я решаю сделать перерыв и почитать почту. Кроме обычного спама и веселого сообщения от Джил мне пришло письмо от неизвестного адресата.

— Не открывай, — говорит Микки, с подозрением глядя на экран.

— Не командуй, — ворчу я.

— Удали.

— А ты знаешь, что тебе вообще не положено разговаривать? Ты же кот, — напоминаю я, раздраженно.

— Я и так слишком долго молчал, и что из этого вышло? — парирует Микки.

Мне нечего на это возразить, но непонятное сообщение меня слишком интригует, чтобы просто стереть его и забыть. Вдруг что-то важное. Проверяю адрес — он принадлежит известной адвокатской конторе.

— Не читай! — талдычит кот и пытается загородить мне обзор своей пушистой отъевшейся тушкой, одновременно шарит лапой по клавиатуре.

— Не мешай! — я сгребая кота на колени и читаю открывшийся текст. Три раза читаю, а то не сразу доходит.

К моему глубокому удивлению, мне пишет адвокат Алекса, то есть представитель человека, который не так давно пытался задушить меня в лифте моего собственного дома. У него это, кстати, почти получилось, хотя, наученная горьким опытом, в тот раз я сражалась до последнего, не рассчитывая ни на милосердие своего убийцы, ни на чье-либо неожиданное вмешательство. Конечно, на его стороне было очевидное превосходство в силе, на моей же были отчаяние и злость. Тем не менее, не думаю, что мне удалось бы выйти из этой ситуации живой, но все же мне удалось продержаться достаточно долго, чтобы нас смог найти подоспевший Кай Леон.

В общем, с этим человеком мы расстались далеко не друзьями, однако письмо его адвоката выдержано в очень дружелюбном тоне. Он спрашивает разрешение на пересылку его дневника.

По началу, я даже немного обижена, даже сгоряча отправляю письмо в корзину, но у меня рука не поднимается удалить его навсегда. Через минуту душевных терзаний все же отправляю адвокату свое согласие. Микки безнадежно вздыхает. Когда приходит следующее письмо со вложением, он недвусмысленно поворачивается к экрану хвостом.

От волнения у меня вспотели ладони, но я боюсь даже на секунду отойти от компьютера, на полном серьезе ожидая от кота подрывных действий. К объемному файлу дневника прилагается короткая записка:

Моему поступку нет прощения, и я прошу лишь о снисхождении. Пользуясь своим служебным положением — техника в охранной фирме, которой доверились жильцы твоего дома — я несколько недель следил за тобой издалека, через многочисленные глаза видеокамер. И все это время во мне росло ощущение, что мы связаны. Мы оба — жертвы демонических сил, играющих с людьми, словно с куклами-марионетками. Мне жаль, что я не

смог вовремя обуздать эту силу, когда мы впервые встретились лицом к лицу. Мне жаль, что пришлось причинить тебе боль, но я в тот миг был слишком напуган и взят врасплох. Однако по одному твоему взгляду, я понял, что не ошибся в тебе. Ты видишь мир моими глазами, а значит, можешь увидеть то, что вижу я, и понять с каким злом мне пришлось столкнуться. Боюсь, ты единственный человек на земле, кто может меня понять. С тех пор как темные фантазии только начали зарождаться в моей голове несколько лет назад, все время пока они зрели и росли во мне, мне казалось, что другие не могут не увидеть мрачного кровожадного зверя, живущего в моих внутренностях, пылающего в моих глазах. Но никто не видел, и никто меня не остановил. Ты первая и единственная, кто не смог находиться рядом со мной, не замечая очевидного. Поэтому тебе я хочу доверить мой дневник, летопись моего становления в качестве монстра и убийцы, посредством которой ты сможешь проникнуть на мой одинокий остров, где правит жестокая и могущественная паучиха. На суде надо мной никто о ней не узнает, равно как не узнает о моей борьбе с ней, в которой я безоговорочно проиграл. Но зная, что хоть один человек прочтет мой дневник и узнает всю историю полностью, мне легче принять заслуженные последствия моей слабости.

Я ссаживаю Микки на пол и некоторое время смотрю вперед невидящим взглядом. Кое-что начинает складываться в моей голове. Упоминание в тексте острова паучихи — как ключ, позволяющий наконец раскодировать и прочесть мое подсознание.

Последние дни были довольно спокойными, единственное, чем они были омрачены — это повторяющиеся кошмарные сны почти каждую ночь. Они оставляли после себя очень тягостное впечатление, но каждый раз забывались, стоило мне только поднять голову с подушки. Пересланный мне дневник позволил мне вспомнить все или почти все. Остров, отделенный от остального мира морем черной воды, мрачный и холодный, где одиночество и отчужденность ощущается особенно остро. Где единственное, о чем можно думать, это об утраченных возможностях, несбывшихся мечтах и неудовлетворенных желаниях. Бродя под деревьями по усеянной осенними листьями земле, я встречаю там только тени, а не самих людей. Тень того, кто три недели продержал меня в своем подвале. Тень того, в чьей груди живет огромный паук. Я разговариваю с ними. Они рассказывают мне о себе. Все так, как будто мы хорошие друзья и можем поделиться друг с другом самым личным.

И еще там есть Иззи. Этот странный пугающий меня человек, которого наяву я встречала всего лишь дважды в офисе Пилдика. В моих снах он никогда не попадает на глаза и мастерски уходит от погони. Но я знаю, что каждый раз он там, на нашем острове, наблюдает за нашими беседами и иногда вставляет язвительные комментарии. Теперь мне и не нужно его видеть. Я научилась чувствовать его появление толи по запаху, толи еще как-то.

Так что теперь, вспомнив все, я точно знаю, кто насылал мне кошмары наяву, кто присылал Его тень и сводил меня с ума, пока Мел пыталась вести со мной свою игру. Я знаю, кто все это время сидел в моей голове.

— Не делай ничего необдуманного, — советует Микки.

— Да, конечно, — отмахиваюсь я, тяжело дыша от сжигающей меня ярости.

— Гил предупреждал, что на работе у Пилдика рано или поздно все сходит с ума, — напоминает кот. — Этот Иззи псих. А сумасшедшие могут быть очень опасны, лучше с ними не связываться.

— Ну, похоже, я уже тоже дошла до нужной кондиции, — мой рот сам по себе растягивается в нервной улыбке. — Вот я уже и с котами разговариваю. Значит, я могут быть не менее опасна.

Микки на секунду задумывается.

— А если я пообещаю, больше никогда не разговаривать с тобой, ты забудешь об этом Иззи?

— Нет, — я встаю со стула и иду в свою спальню, чтобы помочь роботу вытащить ножи из матраса. Микки бежит за мной.

— Это крайне неразумно! — испуганно бросает он мне под ноги, как будто я собираюсь прямо с одним из этих ножей и пойти решать проблему. Конечно же нет. Я просто не позволю больше никому сделать из себя жертву. Я буду бороться с Иззи на его поле, бороться до конца!